

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 2/2015

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

ПРОЗА

Александр Иванов. Главы из книги «На разломе эпохи».	5
Анатолий Курчаткин. Друг школьных лет. Рассказ	48
Николай Труханов. Вояж. Рассказ	72

ПОЭЗИЯ

Суюнбай Эралиев. После войны. Стихи	99
Сооронбай Жусуев. О Кыргызстане и войне. Стихи	105
Георгий Суслов. Деревья плачут на войне. Стихи	111
Геннадий Сурков. Победа. Стихи	119

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Сандлер. Главные песни о старом	127
Владимир Федоров. Тайны китайского похода Маннергейма.	150
Александр Камышев. Сенокос	164

КУЛЬТУРА

Осмонакун Ибраимов. Писатель-фронтовик У. Абдукаимов и его «Дневники» из глубин второй мировой	199
Андрей Рябченко. Отъязычествовал на лире...	207
Коротко об авторах	219

ПРОЗА

Александр ИВАНОВ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «НА РАЗЛОМЕ ЭПОХИ»

Ветераны Великой Отечественной войны. Их остается все меньше и меньше. Они исчезают в бесконечной дали небес, как улетают осенней порой в иные края журавли. «Покидая этот мир, воины-победители уходят в небытие, главное, чтобы они в забвенье не ушли», – еще недавно говорил мне замечательный человек, выдающийся ученый, эконом-географ, академик, зенитчик Великой Отечественной Каип Оторбаевич Оторбаев. А теперь, увы, и его самого не стало. Чуть более двух месяцев он не дожид до семидесятилетия Победы. Праздник этот он считал для себя святым, и каждый год встречал его или на Красной площади в Москве, или на Бишкекской площади Победы.

Когда писалась о нем большая, охватывающая всю его жизнь и жизнь родной для него страны, книга, он рассказывал мне, как невероятно тяжела и опасна работа войны, до чего труден и долг был путь к Победе. Ему ничего не надо было выдумывать, героизировать, он просто вспоминал все так, как было на самом деле, иной раз очень даже буднично, без захватывающих батальных сцен, подчеркивая при этом, насколько важен был для разгрома грозного врага тот дух братства и единства, который спланивал бойцов Красной Армии.

Рассказ в книге ведется от первого лица, от лица самого героя, Каипа Оторбаева, что, на мой взгляд, усиливает достоверность повествования, придает ему зачастую исповедальный характер.

«Вставай, страна огромная...»

Человек так устроен: все хорошее он воспринимает как нечто естественное, само собой разумеющееся, а вот любая беда сваливается на него, словно снег на голову. Тем более такая страшная беда, как война. Казалось бы, неминуемость схватки с Гитлером была очевидна. Рано или поздно это должно было произойти, мало кто верил в пакт о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом. Но вот произошло – и для всех нас это было внезапно, как гремит гром среди ясного неба, как внезапно селевой поток устремляется с горы на мирно спящее село.

В тот воскресный день, 22 июня 1941 года, мы с ребятами собирались на стадионе играть в футбол. Вообще там готовился спортивный праздник. Соревнования легкоатлетов, гимнастов, боксеров, а под занавес, ближе к вечеру, предполагался футбольный матч.

Акиме, моей старшей сестре, уже удалось получить двухкомнатную квартиру в корпусе педтехникума, что находился на пересечении Дзержинской и Энгельса. Туда наша семья и переехала, с радостью покинув прежнее место обитания – сарай во дворе сотрудника НКВД. Было ли у нас радио? Да, конечно. Однако по большей части оно молчало. Вещание шло, естественно, лишь по одной программе, да и то в редкие часы.

Поэтому когда ранним воскресным утром я проснулся и вышел на улицу, мне еще ничего не было известно о начавшейся войне. Как не было известно и моим друзьям Феликсу Савруцкому, Анатолию Фомичеву и Дмитрию Ободову, вместе с которыми мы отправились на восходе солнца искупаться на Комсомольское озеро. Вода приятно холодила тело, мы плавали, плескались, весело переговаривались друг с другом, даже не подозревая о том, какое несчастье обрушилось на нашу родную страну.

После купанья отправились на стадион. Кругом уже было много народа. Я обратил внимание: все что-то с жаром обсуждают, руками размахивают. На лицах и боль, и гнев, и решительность. Сразу стало ясно, что стряслось нечто чрезвычайное. Проходя к стадиону через парк, мы по обрывкам фраз узнали о начавшейся на рассвете войне с фашистской Германией.

Друзья по команде уже были в сборе. Наперебой стали говорить о бомбежках Киева и других городов, о том, что ли-

ния фронта уже протянулась от Балтийского до Черного морей. Все были сильно возбуждены. В каждом чувствовалась готовность немедленно идти на защиту Родины. Если бы предстали такая возможность, мы прямо со стадиона отправились бы на фронт. Ребята ругали на чем свет стоит Гитлера, всех фашистов, клялись, что разобьют их в пух и прах. Настроение было боевое.

Волна ненависти, которая захлестывала нас после сообщений о горящих городах и селах, о гибели мирных людей, не позволяла трезво оценить ситуацию. Скорость продвижения фашистских войск объяснялась только вероломностью нападения. Мы были уверены, что через неделю, ну, максимум, через месяц наши войска соберутся в кулак и начнут громить врага, повернут его вспять. В своей скорой победе никто из нас не сомневался.

Повсюду слышались голоса: «Мы вам, фашисты, покажем!».

Моральный дух у людей был высок. Ничего, похожего на панику. Даже спортивный праздник не отменили. Демонстрация физического мастерства проходила под знаком нашей неминуемой победы. Несмотря на царившее напряжение, от которого в такой ситуации никуда не деться, на соревнованиях легкоатлетов было зафиксировано несколько республиканских рекордов. Но футбольный матч не состоялся. Кто-то из наших футбо-

**К. Оторбаев с фронтовыми друзьями.
1943 г.**

листов, недавно отслуживших в армии, уже к обеду получил повестки срочно явиться в военкомат. Первыми на фронт мы провозжали Дмитрия Туфанова, Васю Васильева и Леонида Бобровского. Им предстояло воевать под Псковом.

Желающих идти воевать, не дожидаясь повестки, было много. Мы тоже пошли в военкомат, написали заявление с просьбой отправить нас на фронт. Каково же было мое недоумение, огорчение, когда моих друзей Анатолия Фомичева, Дмитрия Ободова и Феликса Савруцкого взяли, а меня нет. Почему, в чем причина? Никто напрямую мне не говорил. Сам же я об этом тогда еще не догадывался.

Прощаясь с друзьями, мы условились встретиться после войны на городском стадионе. По нашему убеждению, это должно было случиться еще до зимы. Так что расставались, как нам казалось, мы ненадолго. А я переживал, как бы война не закончилась без меня. Невозможно было представить, что она продлится целых четыре года, что немало наших ребят из команды так и не вернется назад.

На улице Дзержинской, рядом с почтамтом, был установлен на столбе репродуктор, напоминающий большую серую тарелку. В определенные часы возле него собиралась толпа. Передавали важнейшие сообщения советского Информбюро. Помню, как 3 июля я стоял в этой толпе и, затаив дыхание, слушал выступление Сталина. Его речь была краткой и мобилизующей. В результате вероломного нападения фашистской Германии над страной нависла смертельная опасность. Сталин призвал народ к спасению своего Отечества. Последние слова особенно западали в душу: враг будет разбит, победа будет за нами! Произнесенные тихо, но необычайно уверенно они, эти слова, укрепляли в людях оптимизм, способствовали всенародному сплочению.

Патриотизм буквально витал в воздухе. Люди были готовы на все, на любые жертвы, чтобы разгромить врага. Характерная черта пораженческих настроений – безысходность. Должен сказать, что я не замечал ее ни в ком. Может, и были те, кто скис, испугался, считал, что война проиграна, но я в кругу своей семьи, своих друзей и знакомых, да и просто в общении на улице ничего подобного не встречал. Тыл был надежным плечом, на которое опирались сражавшиеся на войне.

«Враг будет разбит! Победа будет за нами!». Эти слова проносились, как заклинание, и на передовой, и в глубоком тылу, каковым стала моя Киргизия. И еще была песня, сплаци-

вающая всех до единого: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, с проклятою ордой! Пусть ярость благородная вскипает, как волна. Идет война народная, священная война!».

Уже в первые дни той страшной войны проявились мужество и стойкость советских солдат и офицеров. Героизм становился массовым. Но вместе с тем были и бессильная ярость, отчаяние, которые испытывали наши воины, теряющие в боях своих товарищей и вынужденные отступить под стремительным натиском бронированных частей немецкой армии. Эта армия двигалась и двигалась вперед, захватывая все новые и новые города, села, целые области нашей страны.

Несмотря на предпринимаемые усилия по эвакуации промышленных предприятий из прифронтовой полосы в тыл, промышленность – основа обеспечения армии необходимым вооружением – несла колоссальные потери. Вскоре ее потенциал снизился наполовину. А металлургия вообще откатилась на уровень первой пятилетки. После сдачи Украины, а затем и Северного Кавказа, где наиболее плодородные земли, резко снизились возможности сельскохозяйственного производства.

Немцы трубили о блицкриге, о том, что вот-вот они войдут в Москву. Ну, ладно немцы, тут все понятно, но ведь и английские, американские военные эксперты в один голос предсказывали, что сопротивление СССР будет сломлено через два-три месяца. Их прогноз основывался на мощи фашистской армии и на том, что другие страны, которые немцы уже оккупировали, сопротивлялись только на первых порах, а потом смиренно ложились под их сапог, выполняя любые требования своих новоявленных хозяев. Эти эксперты просто не учли совершенно иной характер советских людей, наш боевой настрой, нашу преданность коммунистическим идеалам, советской Отчизне. Мы были истинными интернационалистами, мы сражались с агрессором, мы отстаивали свою землю, наше дело было правое. Это знал и чувствовал каждый из нас.

Разве таких людей можно сломить? Наша страна напоминала гигантскую пружину, которая сжималась под натиском врага, чтобы в какой-то момент, дойдя до предела, медленню и неотвратимо начать распрямляться, вытесняя фашистские войска далеко за свои рубежи.

Во Фрунзенский военкомат приходили сотни добровольцев. В начале августа я вторично написал заявление с просьбой направить меня на фронт. И опять получил отказ. Что было делать? К этому времени проектная контора, в которой я работал, закрылась. Большинство ее сотрудников ушли воевать. Мне же надо было решать, как жить дальше.

Скорее всего, я поступил бы в пединститут, но он был уже переведен в Пржевальск, а в его здании открылся военный госпиталь. Выбор сузился. Поэтому мне ничего больше не оставалось, как сдать экзамены в Киргизский медицинский институт, хотя к медицине, откровенно говоря, я особого пристрастия не питал.

Как раз в это время во Фрунзе был эвакуирован из Харькова высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив тамошнего мединститута. Он, естественно, вошел в состав нашего института, где я уже числился студентом. Среди приехавших преподавателей был и знаменитый профессор Воробьев, автор двухтомного учебного пособия по анатомии человека. Это пособие до сих пор пользуется спросом в библиотеках учебных заведений медицинского профиля. Были и другие знаменитости, чьи лекции проходили при переполненных аудиториях. Уровень преподавания в мединституте значительно вырос.

В этом смысле тем, кто учился в ту пору, сильно повезло. Забегая вперед, скажу, что многие из приехавших преподавателей даже после войны остались в Киргизии. И это касается не только мединститута. Укрепился кадровый потенциал и других вузов, всего народного образования, учреждений науки и культуры.

Резко изменилось положение в промышленности республики. Мы жили неподалеку от железнодорожного вокзала. Было слышно, как свистят паровозы, как беспрерывно идут и идут поезда. Такой нагрузки, как в войну, наша железная дорога не знала.

Сюда, в Киргизию, направлялись составы с оборудованием эвакуированных заводов, с необходимым для производства продукции сырьем, сюда ехали инженеры, кадровые рабочие, способные в кратчайшие сроки поставить эти заводы на ноги, чтобы они работали для фронта, для победы.

Отсюда отправлялись на фронт эшелоны с новобранцами, защитниками Родины, отсюда уходили поезда с мукой и картофелем, овощами и фруктами, а позже к ним добавилась

и продукция военного назначения, которую стали выпускать наши заводы и фабрики.

Ведь к нам было перебазировано из России и Украины свыше тридцати крупных предприятий легкой и оборонной промышленности. Ворошиловоградский завод Наркомата вооружения стал у нас известен под номером 60, затем как завод имени Ленина – он поставлял патроны для стрелкового оружия; завод имени Фрунзе Наркомата минометного вооружения, слившись с эвакуированным Бердянским сельмашзаводом и местным механическим заводом, а также артелью «Интергельпо», составил другой гигант – завод сельскохозяйственного машиностроения имени Фрунзе.

Кроме того, в республике создавались предприятия, базирующиеся на местном сырье. Особую роль сыграли Хайдарканский и Кадамджайский комбинаты по добыче ртути и сурьмы. Уже к концу 1941 года Киргизия давала почти 90 процентов объема сурьмы, производимой в Союзе в целом. А почти в каждом патроне или взрывателе была ртуть Хайдаркана. Таких примеров уйма. Тыл с готовностью откликался на нужды фронта.

Вот почему ко второму году войны СССР сумел превзойти все участвующие в войне страны по решающим видам вооружений – танкам, артиллерии, автоматическому стрелковому оружию. Только по самолетам первенство оставалось за американцами, которые еще как бы находились в стороне от широкомасштабных военных действий, все примеряясь, где и какую военную карту им разыграть.

Особенно шумно было на вокзале, когда шла отправка эшелонов с новобранцами. Рыдала гармошка, высоко взлетала мелодия комуза, военные песни перемешивались с лирическими, где-то вспыхивал смех, кто-то утирал слезы, в воздухе плыла, покачиваясь, разноголосица, пропитанная тревогой, горечью расставания и надеждой на скорое возвращение. Мне приходилось не раз бывать на перроне. Я провожал отсюда своих друзей. И поражался, как много моих сверстников и тех, кто постарше, уезжает и уезжает на фронт. Всего же в действующую армию было призвано свыше 360 тысяч кыргызстанцев, внесших достойный вклад в разгром фашистский захватчиков.

И это при том, что в 1916 году, как я уже рассказывал в предыдущих главах, киргизы подняли восстание, наотрез отказавшись отправлять своих сыновей даже на тыловые работы царской империи. Теперь же уходил воевать каждый четвер-

тый. Уходил воевать за советскую Родину, за свой советский народ. Почему, в чем тут дело? Потому что новая власть, несмотря на все ее серьезнейшие промахи, перегибы, дала киргизам давно утраченную ими национальную государственность, стала проводить линию на коренизацию государственного аппарата, оказала реальную помощь в подъеме экономики и культуры республики. Все это отвечало национальным интересам народа, его устремлениям, чаяниям. Люди знали, за что и ради чего они сражаются. Их объединяли общие идеалы, общая Родина. Отсюда небывалый патриотизм.

Долгожданный призыв в армию

Ежедневно я посещал институт, слушал лекции медицинских светил и рядовых преподавателей, а сам всей душой рвался на фронт.

Наконец, мне подсказали, чтобы я написал в военкомат заявление, не указывая, что воспитывался в семье репрессированного Токчоро Джолдошева. Так я и сделал. И второго декабря 1941 года был призван в ряды Красной Армии. Надо ли говорить, какое приподнятое настроение охватило меня.

Недоверие бывает разных степеней. Но высшая степень, на мой взгляд, когда тебе не доверяют защищать твою Родину. Сколько я мучился из-за этого. Наконец, круг разомкнулся, теперь я, как и все мои ровесники, пойду воевать.

Меня направили в 107-ю кавалерийскую дивизию, которая формировалась в наших же краях, на территории республики. Нас предупредили, что поездом мы добираемся только до Кара-Балта. На перроне было не протолкнуться. Меня провожали мама, сестра и племянники. Было ясно: хоть наша часть на какое-то время оставалась здесь же, в Киргизии, но домой мы вернемся только после войны.

Мама, моя терпеливая, сдержанная, заботливая мама как бы невзначай поглаживала мне руку и неотрывно смотрела на меня своими слегка повлажневшими глазами, приговаривая по-киргизски: «Береги себя, сынок! Бей врага, но себя береги! И все будет хорошо!».

Она понимала, что провожает меня надолго, может, навсегда, но не позволяла себе ни слез, ни рыданий. Она умела владеть собой, оставляя свою боль и печаль глубоко в сердце, чтобы не потревожить, не обеспокоить других. Чувствовал

ли я это тогда? Пожалуй. Хоть и не в полной мере. И был благодарен матери за то, что она держится с таким достоинством, что она свято верит в мое непременно возвращение.

Характером моя сестра Акима походила на мать. Уж ей-то больше, чем кому-либо, было известно, какие кровопролитные бои вела Красная Армия, сколько сотен тысяч солдат она уже потеряла. Как истинный историк, сестра внимательно следила за всеми событиями, не пропуская ни одной сводки Информбюро, анализировала военную ситуацию. У нее не было никаких иллюзий относительно нашей быстрой и легкой победы. Но она напутствовала меня так, будто бы я был заговорен от пуль, будто бы ничего страшного не могло со мной случиться. Кто знает, может, крепость духа матери и Акимы, их уверенность, что меня минует лихо, тоже помогли мне, прошедшему всю войну, остаться целым и невредимым?

Кара-Балта было совсем маленьким селением. Неподалеку от станции нас ожидали лошади. Без седел. Зато, как оказалось, по две на каждого. Обычно повод ведомой лошади привязывается к седлу, нам же пришлось держать его в руке. Это, конечно, затрудняло движение.

Наш путь лежал в Чалдовар. Если верхом да хорошей рысью, то часа два-три хода. Но езда без седел требует привычки. И уже на середине пути многие парни, особенно городские, сошли с лошадей и потопали пешком, ставя ноги в раскорячку. Сразу же посыпались шутки. Вообще, надо сказать, что в армии шутка зачастую скрашивала нашу жизнь, сбивала напряжение. Главное даже не в умении найти для этого повод, тут проблем не было, а в способности не обидеть, не оскорбить человека, ставшего объектом шутки. Такие шутники ценились на войне, как снайперы или танкисты.

Запомнились первые дни в армии тем, что нас с раннего утра до отбоя на сон постоянно приучали к армейской жизни, военной дисциплине. Все было четко распределено по часам – когда и чем нам заниматься. У кавалеристов свои порядки, свои особенности. Важно не только самому быть в надлежащей форме, но чтобы и лошади, амуниция тоже были всегда начищены и находились в полной готовности. Дали команду выступать – и ты уже через десять минут в седле.

При распределении мне повезло с конем. Он был стройным, длинноногим и резвым. Серой масти. Я так и называл его – Серый.

Мне удалось довольно-таки быстро приспособиться к его

норову. Едва я появлялся, уши у него торчком, словно антенны, а сам внимательно косит на меня карим глазом. Видимо, ему нравилось, как я обращаюсь с ним, как чищу до блеска, как стараюсь повкуснее его накормить. Любое живое существо на ласку, на доброе обхождение отзывчиво. Так и мой Серый. Он слушался не только поводьев, но и моего голоса. Улавливал даже, какое у меня настроение.

23 февраля 1942 года мы должны были принимать военную присягу на верность Родине. Перед этим большим событием в нашем кавалерийском полку проводились конноспортивные соревнования по конкуру, джигитовке и рубке лозы. Во время тренировки Серый легко обучился преодолению препятствий на учебной площадке, ловко лавировал между стойками, когда я выполнял упражнения по рубке лозы.

Состязания обошлись для меня без неожиданностей. Серый не подвел. В результате мы заняли второе место в полку. Это, конечно, сделало еще более памятным следующий день – День Красной Армии и принятие военной присяги. С тех пор вот уже семь с лишним десятилетий, подобно другим фронтовикам, встречаю 23 февраля как святой воинский праздник.

Вскоре стало очевидно, что только мотомеханизированные и бронетанковые соединения Красной армии могут противостоять хорошо оснащенной военной техникой гитлеровской армии. Командир полка майор Ногойбаев отобрал пятнадцать солдат со средним образованием и направил нас в город Токмак для прохождения службы в зенитных подразделениях, где нужны были современные технические знания, специальная подготовка. Помимо профессиональных навыков артиллеристов, зенитчикам полагалось изучить летные характеристики как своих, краснозвездных, так и боевых фашистских самолетов, распознавать их силуэты, угадывать по звуку. Правда, пока все это осваивалось нами только теоретически.

До поры до времени зенитная батарея оставалась в составе все той же кавалерийской дивизии. Но когда началась отправка на фронт, стало известно, что кавалерия, как род войск, уже не способна выполнять свои задачи по борьбе с врагом и наша дивизия расформируется. Это нас не удивило, мы ждали, что так и произойдет. Вторая мировая война в корне отличалась от первой, да и от гражданской. Кавалерия выглядела в ней анахронизмом. Но в Красной Армии еще оставались на руководящих постах ее бывшие боевые командиры – Семен Буденный и Клим Ворошилов; они неохотно со-

гласились с бесперспективностью сабельных атак. Случись это раньше, меньше было бы ненужных жертв в самом начале войны.

После того, как кавалерийская дивизия перестала существовать, наша зенитная батарея была направлена в запасной артиллерийский полк, расположенный в Подмосковье у села Кунцево. Здесь, на его основе, ускоренно формировался 620 зенитно-артиллерийский полк, который затем был переброшен на Северо-Западный фронт. Нас привезли в Крестцы, большую узловую станцию. Кругом, насколько глаз хватало, простирались леса.

После Киргизии, где даже рощицы на склонах гор встречаются не часто, я долго не мог привыкнуть к такому обилию лесов. Многое было здесь непривычно. Особенно небо, которое для нас, зенитчиков, являлось как бы полем деятельности. Ведь именно небесное пространство нам приходилось охранять. Оно, в отличие от киргизского, редко бывало ясным, солнечным. По нему постоянно гуляли тучи, заволакивая серой пеленой весь горизонт.

Фашистов уже отбросили от Москвы. Их блицкриг провалился. Но на северо-западном направлении они продолжали теснить наши войска. Кольцо вокруг Ленинграда сжималось. Советское командование посылало все новые силы, чтобы сдержать натиск немцев. Через Крестцы день и ночь шли эшелоны с солдатами, техникой. Зачастую именно здесь проходили крупные высадки воинских подразделений – стрелковых, артиллерийских, танковых, саперных для переброски их на различные участки фронта. Им предстояло не только укрепить линию обороны, но и подготовиться к будущим наступательным действиям.

Жизнь на станции кипела. Надо было обеспечить бесперебойное прохождение составов, а в случае необходимости и своевременную их разгрузку. За малейшую задержку по меркам военного времени следовала жестокая кара. Но все службы на станции работали не за страх, а за совесть. Главное было повернуть врага вспять. Для этого не жалели ни сил, ни здоровья, ни самой, если понадобится, жизни. На карту была поставлена судьба Родины. А выше тогда для наших людей ничего не было.

Немцы понимали, какую роль в укреплении фронта играет станция Крестцы. Разбомбив ее, они бы лишили Красную Армию постоянной подпитки. Вражеские бомбардировщики

стали пытаться прорваться к станции, чтобы нанести по ней массированный бомбовый удар.

Задача зенитчиков нашего полка была не из легких. Мы должны были еще на дальних подступах к станции ставить заградительный огонь, тем самым не допуская прямого воздушного нападения противника на этот важный фронтовой объект. Налеты вражеской авиации следовали через каждые несколько часов. Эскадрилья за эскадрильей. Время затишья мы использовали не столько для отдыха, сколько для подготовки к следующему налету. Ведь от степени плотности огня, его интенсивности зависело – удастся немцам добраться до цели или нет. А наша задача в том и состояла, чтобы не допустить этого.

В каждой из четырех батарей полка было по четыре 37-миллиметровых орудия. Стрельбу мы вели тяжелыми снарядами, которые разрывались, подобно гранатам, вокруг самолетов. Ночью использовались трассирующие снаряды. Наталкиваясь на стену из огня, фашистские самолеты отклонялись от цели и сбрасывали свой смертоносный груз куда попало. Тут уж ничего не поделаешь. Возвращаться назад им предписывалось без груза.

А то еще сновали по небу самолеты-разведчики. Помимо крупных объектов, они старались также обнаружить и засечь наши зенитные орудия. Мы открывали по ним залповый огонь, а затем, когда самолеты-разведчики поворачивали нос, меняли позицию. Заново приходилось рыть окопы, налаживать маскировку с помощью ветвей кустарника, деревьев, которые росли поблизости. Благо, как я уже говорил, их было полно.

Командир отделения ПУАЗО

Сначала меня назначили командиром орудия. Под моим началом были два наводчика, два заряжающих. Но за точность стрельбы отвечал, конечно, я сам. И все-таки большую часть войны я прошел в качестве командира отделения ПУАЗО – прибора управления артиллерийским зенитным огнем.

Что от моего отделения требовалось? С помощью этого прибора определять, на какой высоте и на каком расстоянии от нас находятся самолеты противника, и передавать командирам орудийных расчетов, каков должен быть у них прицел по вертикали и горизонтали. Учитывались при этом и метеословия, и скорость полета. А высота тогда была в пределах

2,5-3 километров. Прямые попадания в самолеты из зенитных орудий нашего типа были редки. Но осколки при разрывах снарядов тоже делали свое дело, постепенно превращая обшивку Хенкелей, Юнкерсов или Дорнье в решето. А иной раз, поразив двигатель или угодив в бак с горючим, полностью выводили вражеский самолет из строя.

А поезда на станцию все шли и шли. Фронт постоянно нуждался в подкреплении. Сколько их, наших советских солдат в еще новеньких шинелях прошло через Крестцы? Тысячи, десятки тысяч. Здесь же, прямо с платформ сходили танки и сходу устремлялись туда, где гремели орудийные раскаты, где насмерть стояли целые полки, дивизии.

Они устремлялись туда, а оттуда машинами везли раненых. Их тоже было много, очень много. Если кого зацепило полегче, они старались помочь тяжелораненым. Стон, кровь, мучения – все это постепенно перемещалось со станции в тыловые госпитали. А убитых хоронили на поле брани. Если, конечно, это поле оставалось в наших руках. На могилах ставили березовые кресты. Берез-то кругом было не счесть.

В зенитных воинских частях подбирались, как правило, образованные люди. Я уж не говорю о командирах, но даже рядовые имели за плечами хотя бы десятилетку. А среднее образование, техникум или вуз совсем иначе формируют личность, чем улица, двор или завод. Не собираюсь принижать достоинства тех, кого воспитывала, скажем, улица. Но мост общения между образованными людьми строится все-таки из другого материала, им легче понять друг друга. И тут ничего не поделаешь. Таковы законы человеческого общества.

Если в обычной солдатской среде без нецензурных выражений почти не обходятся, то зенитчики куда разборчивей в обращении со словом. Да и рассуждения, сам предмет разговора, исходя из багажа прочитанного и познанного, как ни крути, тоже имеют иной уровень. А ведь и на войне, тем более такой тяжелой и долгой, не хочется огрубеть, очерстветь, опуститься. Это же часть твоей жизни. Да, кровь, да, потери, да, невыносимые, на пределе сил, условия существования. Но душа-то жаждет нормального человеческого общения, к которому привык в мирное время. И если есть возможность в короткие перерывы между налетами утолять эту жажду, то многое скрашивается, уже не кажется таким беспробудным.

У меня, слава Богу, была такая возможность. Я неплохо знал русскую классическую литературу, историю. И в беседах

о войне со своими товарищами по оружию мы, естественно, находили аналоги событиям этой войны в прошлых войнах, которые вела Россия со шведами, французами, теми же немцами. Благодаря этому определенной просматривались и ожидающие нас перспективы.

Помнится, разбирали мы по полочкам планы Кутузова по сдаче Москвы Наполеону, больше известные нам по роману Льва Толстого «Война и мир», чем из книг по истории, прикидывали, что могло бы выйти, если бы советское командование действовало по такому же сценарию.

Ничего хорошего не получалось. Войны могут походить друг на друга, но полными двойниками не бывают. И то, что является блестящим решением для одной, может стать губительным для другой. Поэтому наши полководцы другими методами, но добились того же самого: немцы прочно увязли в войне.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, который зачитывали нам, звучало требование: «... в корне пресекать разговоры о том, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог... Пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». Далее в приказе говорилось, что войска должны остановиться на занимаемых ими рубежах, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это ни стоило.

Конечно, положение СССР по-прежнему оставалось тяжелым. Враг захватил сотни городов, тысячи сел, под его пятой оказались многие экономически важные районы – Прибалтика, Белоруссия, большая часть Украины. Немецкими войсками занят Крым, осажден Севастополь, блокирован Ленинград. Потенциальные возможности противника для ведения войны еще велики.

И все же поворот в войне был для нас очевиден. Поворот в нашу пользу. Потому что наши возможности с каждым месяцем увеличивались: эвакуированная на восток промышленность прочно становилась на ноги, в глубине страны успешно накапливались многочисленные резервы, в тылу врага все шире разворачивалось партизанское движение. Кроме того, советские войска получили боевой опыт,

закалку, стали действовать организованней, уверенней; налаживалось более четкое, надежное управление ими.

Наши отвлеченные беседы прерывались сигналами дежурного:

– Воздух!

Мы бросались к орудиям. Скорость вражеских самолетов по нынешним меркам была низка. Звук далеко опережал их. Сначала мы слышали, что они приближаются, по работе мотора угадывая тип самолета, а лишь потом видели очертания непрошенных гостей.

– Заряжай!

Получив координаты цели, я давал команду наводчикам. Они, как правило, действовали безошибочно. Перед летящим на нас врагом возникала стена вспышек. Случалось, что какому-нибудь самолету с паучьей свастикой удавалось прорваться сквозь первую заградительную линию огня. Тогда возникала вторая линия или открывался огонь на поражение. А сколько раз бомбы или пулеметные очереди Хейнкелей, Мессершмитов ложились рядом с нашими орудиями!

Каждый из нас поддерживал связь с домом. Полевая почта сперва доставляла письма в наш полк, там они быстро сортировались и уже затем передавались адресатам.

– Каип, тебе письмо! – слышал я и торопился к блиндажу, куда привозили свежую почту.

Моя сестра подбадривала меня в письмах, успокаивала. В свою очередь я тоже старался не волновать ее рассказами о тяготах фронтовой жизни.

На войне как на войне. Сражаясь с фашистами, когда каждый день мог стать последним, мы не замечали, что порою часами находились по пояс в холодной болотной жиже, что промерзали до костей, что руки в мороз прилипали к металлу орудия... Все это считалось мелочами. Жив, руки, ноги целы – вот главное. На фронте экстремальная обстановка воспринимается как норма.

К тому же я понимал, насколько трудно самой Акиме. Ей приходилось содержать маму, растить троих маленьких детей. Она вся была погружена в работу. А то, что она жена врага народа? От косых взглядов не спрячешься. Нет-нет да кто-нибудь из «доброжелателей» напомнит об этом.

Конечно, мама помогала ей как могла. И утешит, и к родным в Кемин съездит, продуктов привезет. На селе в любые невзгоды жилось полегче, все-таки своя земля под боком.

Вместе с письмами приходили на фронт и посылки с едой, теплыми вещами ручной вязки. Сознание того, что мама с сестрой, собирая эти посылки, сами ограничивали себя во всем, вдвое, втрое поднимало цену их заботы. Я и тогда, и сегодня безмерно им благодарен. Все-таки, когда ты знаешь, что дома о тебе помнят, стараются помочь, чем только могут, на душе становится теплее, да и сил как-то прибавляется.

От Акимы я узнавал не только домашние новости, но и то, чем жила Киргизия, такая далекая и близкая одновременно. Эти сведения тоже придавали сил.

С самого начала войны наиболее трудной проблемой, с которой здесь столкнулись, стало обеспечение всех отраслей народного хозяйства рабочей силой. Помимо 360 тысяч ушедших на фронт кыргызстанцев еще около 40 тысяч были мобилизованы на промышленные предприятия Урала, Сибири и Кузбасса. В самой же республике после начала войны возникли десятки новых предприятий, возобновилось строительство железной дороги Кант – Рыбачье, Большого Чуйского канала, других крупных объектов различного назначения, где требовались и требовались рабочие руки.

Все трудоспособное население городов, не занятое на предприятиях, в учреждениях, направлялось на производство и стройки. Отпуска отменялись. Продолжительность рабочего дня увеличилась до десяти часов. И это только официально. По мере необходимости каждый руководитель был вправе увеличивать его еще и еще. Рабочие и служащие оборонных предприятий закреплялись на них до конца войны. Прогулял, самовольно оставил работу без чрезвычайно веских на то причин – и ты уже дезертир. И с тебя уже спрос по законам военного времени.

Промышленные предприятия, стройки на треть пополнялись за счет подростков и молодежи. Но сначала им, как правило, предстояло пройти школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища. Хотя нередко они попадали к станку, конвейеру прямо из общеобразовательной школы, где количество учащихся заметно сократилось. Но больше всего производство вытягивали, тащили на себе женщины. Вынуждены были встать в общий трудовой строй пенсионеры, инвалиды.

Удивительно при этом, что за годы войны производительность труда в промышленности республики повысилась на сорок с лишним процентов, а в «оборонке» – на 120!

Четырехкратно увеличился выпуск продукции металлообрабатывающей промышленности, а у машиностроителей он вырос в десяток раз. Не отставала и легкая, пищевая промышленность. Кожаная обувь, швейные и трикотажные изделия, сахар и мясные консервы – все это кыргызстанцы производили для нужд фронта и республики, страны.

Поскольку поставки многих видов сырья и материалов из других регионов страны прекратились, Киргизия вынуждена была перейти на самообеспечение. В республике стали заниматься лесозаготовкой, добычей пищевой соли, дубильных веществ, выращиванием каучуконосных культур; велась разработка месторождений различных полезных ископаемых, предпринимались также активные шаги по поиску новых лекарственных и ценных дикорастущих растений, по внедрению в фауну новых промысловых пушных зверей.

В тяжелейшем положении оказалось сельское хозяйство. Здесь еще острее, чем в городах, сказывалась катастрофическая нехватка трудоспособных мужчин. Сократилось количество тракторов, автомашин, лошадей. Да и та техника, что имелась в колхозах, нуждалась в серьезном ремонте. А откуда было взяться запасным частям? Вот и комплектовали, скажем, из пяти тракторов четыре. Тем более, что и поставка горюче-смазочных материалов шла туго.

В общем, колхозная земля поработала в те годы без должной нагрузки. Урожайность зерновых, сахарной свеклы, хлопчатника и других сельхозкультур значительно снизилась. Однако государственные закупки продуктов сельского хозяйства возросли. Особенно картофеля, овощей, мяса, шерсти да и того же зерна. Объясняется это просто: резко сократилось количество сельхозпродуктов, выдаваемых колхозникам за работу. Сначала нужно было сдать государству, сколько ему в данный момент требовалось, а уж потом думать о семенном фонде, о самих колхозниках. Крестьяне выживали, в основном, благодаря личному хозяйству, приусадебному участку. Да еще помогали городским родственникам, таким, как моя мать, Акима.

Что и говорить, кыргызстанцы готовы были идти на любые лишения ради того, чтобы добиться победы над фашизмом, чтобы скорее вернуться с фронта домой мужья, сыновья, братья. Отказывая себе в самом необходимом, они вносили в Фонд обороны свои личные сбережения – деньги,

золотые или серебряные украшения, различные вещи, продукты, отчисляли ежемесячно часть своего заработка. Полученные Фондом средства использовались для строительства танков и самолетов. Кроме того, в годы войны киргизстанцы отправили около двухсот вагонов помощи, из них более половины – населению Ленинграда и партизанам Ленинградской области, остальное – бойцам и офицерам действующей армии.

Награды – по моим характеристикам

На привалах, в перерывах между боями мы, однополчане, рассказывали друг другу о жизни в мирное время, о традициях, обычаях людей того края, где родились, выросли, откуда были призваны на фронт. А парни у нас подобрались чуть ли не со всего Союза. Интересно, как выглядел бы дом, если бы нам пришлось сообща его строить с учетом, так сказать, национальной специфики каждого? И представляли мы наш общий

В перерыве между боями. 1944 г.

дом круглым и белым, как киргизская юрта, с большой русской печью, возле которой всем тепло и уютно, с узбекскими и таджикскими коврами, радующими глаз национальными узорами.

На поверку оказывалось, что у нас нет особых различий. Общего гораздо больше. Даже блюда национальной кухни похожи, только названия разные. В Сибири, допустим, едят пельмени, а на крайнем Севере – пеньяны, в Казани готовят татарские лепешки, а в Молдавии их называют кулебяками.

Интернационализм для нас не был чем-то декларативным. Он впитался в нашу кровь, стал нашей сутью. Мы, люди разных наций, действительно ощущали себя единой семьей. Вместе со мной в полку воевали мои земляки Эсенгельдиев и Джанибеков. Надежные боевые товарищи. Но мы не обособливались, не кучковались, как нынче принято говорить. В нашем дружеском кругу были и русские, и узбеки, и белорусы... Кого только вместе с нами не было. И это не разделяло, не отчуждало нас друг от друга, а, наоборот, еще теснее спланивало.

После развала Союза националисты многих республик издевались над этим чувством, как и над всем советским, считали, что только в приоритете сугубо национального кроется возможность преуспевания той или иной республики. Какие глупости! Гитлер, начиная войну против СССР, рассчитывал в первую очередь на зыбкость интернационализма, на раскол в многонациональном нашем Отечестве, как только над ним нависнет угроза поражения. Он просчитался. И проиграл!

Ибо и на фронте, и в тылу все мы были едины. Интернационализм прогрессивен. А, значит, нравится это кому-то или нет, но именно за ним будущее.

– Каипушка, дорогой, опять твоя помощь нужна, – слышу я хрипловатый голос командира зенитно-артиллерийского полка подполковника Попова. – Тут, понимаешь ли, начальство срочно отчет требует. Данные подготовлены. Но лучше тебя все равно никто не напишет. Подсобишь?

Я молча киваю. Лучше соглашаться, когда командир просит, чем дожидаться от него приказа. Это я, конечно, шучу. Приказов на сей счет быть не могло. Во-первых, я не писарь. А, во-вторых, ко мне здесь сложилось слишком хорошее отношение, чтобы приказывать вопреки моему желанию.

И все-таки я никак не мог взять в толк, почему командиры взводов, батареи, а иногда и полка, дивизии просили именно меня написать особенно важные для них отчеты. Ну, ладно, если бы грамотных больше не было. А то ведь у всех зенитчиков с образованием порядок. Что угодно написать могут. Иной такие послания домой или друзьям сочиняет, что мне за ним не угнаться. И остроумием блеснет, и соли, перчику добавит. Как ни крути, а для большинства из однополчан русский язык являлся родным, а это ведь тоже кое-что значило.

Почему же обращались ко мне? Или мой отзывчивый, до-

бродушный характер был тому причиной, или командиры таким вот образом выделяли, поощряли меня, киргиза, свободно владевшего и разговорным, и письменным русским языком? А, может, во всем этом тоже был сокрыт определенный интернациональный смысл? Все на свете делается неспроста. Только частенько мы об этом не догадываемся, а то и не задумываемся вовсе.

Командир зенитной дивизии полковник Быкоянко, командир батареи Кулиев и сменивший его потом Решетников были со мной, как и командир полка Попов, по-отечески ласковы.

– Каипушка, – говорили они, – тут без тебя никак не обойтись. Ты умеешь излагать лаконично, веско. И сухости, канцелярщины нет, и разжиженности бытовыми словечками тоже. В самый раз получается. Все, что ты пишешь, проходит без сучка и без задоринки. Мы надеемся на тебя. Понятно, теряешь свободное время, но ты ведь не против, а?

– Нет, – отвечал я. Поначалу такое обращение командиров, людей властных и достаточно жестких, меня смущало, но постепенно я привык: к хорошему привыкаешь гораздо легче и быстрее, нежели к плохому. В перерывах между боями все равно надо чем-нибудь полезным заниматься.

Иногда они усаживали меня писать характеристики на наших воинов, которые передавались затем вместе с рапортами в штаб командующего фронтом. Эти боевые характеристики служили основанием для награждения солдат и офицеров.

Случалось, что необходимо было писать характеристику на кого-нибудь из соседней батареи, а сведений для этого было недостаточно. Тогда я шел к соседям, знакомился с героем, узнавал все, что требовалось. Об одном и том же можно написать или безразлично, или так, что душу тронет. Я старался в сухие вроде бы слова вдохнуть тепло. Чтобы перед тем, кто читал характеристику, представал отважный и мужественный человек, а не робот, автоматически выполняющий приказы. Ведь живой человек, в отличие от робота, постоянно рисковал своей жизнью – самым дорогим, что у него есть. Разве можно было равнодушно относиться к этому? Многие воины нашего полка, дивизии были награждены орденами, медалями по подготовленным мной характеристикам. Естественно, я радовался этому. Ведь все они были достойны награды.

Сам человек редко замечает и свое бесстрашие, и свой повседневный подвиг. Мне в определенной степени повезло. Я не только сам воевал, но благодаря поручениям командиров

еще мог как бы со стороны посмотреть на самоотверженные действия своих товарищей по оружию. Когда сразу после боя знакомишься с храбрыми людьми, начинаешь понимать, каков же он есть, советский солдат. Тот самый солдат-освободитель, который пройдет полмира, умирая и вновь поднимаясь в атаку, чтобы вернуться с победой домой.

Хотя, что греха таить, на фронте всякое бывало. Не только героизм, но и трусость, предательство. Даже у белого света есть своя черная изнанка. На Северо-Западном фронте, где я воевал, была так называемая Освободительная армия Власова. В нее вошли те, кто многие годы ждал, затаившись, удобного случая, чтобы уничтожить советскую власть. После вторжения и успешного наступления фашистов они переметнулись на их сторону. Были среди власовцев и знатоки военного дела, и храбрые бойцы. Впрочем, Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин не оставил им выбора. По его приказу их в плен не брали, а расстреливали как предателей Родины. Что им оставалось? Они сражались до последнего. Даже гитлеровцы в безвыходном положении сдавались. А власовцы нет.

На многих рубежах, которые защищали наши воины, действовал неумолимый сталинский приказ: ни шагу назад. Потому что прорыв немцев на этих рубежах грозил стране огромными потерями. И нельзя, никак нельзя было отступить, оставить занимаемую позицию, даже если смерть глядела в лицо. Ни шагу назад! Приказ был известен всем нам. Только для одних этот шаг означал расстрел за предательство. Для других – необходимость выстоять, любой ценой выстоять и не пропустить врага.

Имена трусов, изменников покрыты прахом забвения. Героев помнят, их память чтут и поныне.

Еще в 1941 году весь мир узнал о подвиге воинов-панфиловцев, не пропустивших фашистские танки к Москве. Среди них были и мои земляки: Дуйшенкул Шопоков, Николай Ананьев, Иван Москаленко, Григорий Конкин, Григорий Петренко, Григорий Шемякин... А Чолпонбай Тулебердиев, закрывший собой дзот? Все они, как и тысячи других, не дрогнули, не отступили, а героически сражались, погибая за Родину. Их память увековечена в названиях школ и улиц, городов и селений Киргизии.

Цаплин и география

То было время жестоких боев, обостренного восприятия жизни. Страна, за которую мы воевали, становилась для нас все родней, все дороже. Страдания поднимали в наших глазах ее значимость. И так получилось, что именно тогда судьба сблизила меня с моим однополчанином Иваном Ивановичем Цаплиным, который был командиром взвода.

Внешне Цаплин соответствовал своей фамилии – высокий, худой, с узким лицом и длинным, крючковатым носом. Зеленоватые, зоркие глаза выдавали в нем наблюдательного человека, который запоминает, впитывает все, что его окружает.

У Цаплина была поистине фанатичная любовь к географии. Обычно молчаливый, задумчивый, он загорался, когда речь касалась предмета его обожания. О географии он мог говорить часами. До встречи с ним я и не предполагал, что так много интересного таит в себе эта наука. Его познания были обширны. И дело не только в том, что он уже успел окончить Симферопольский педагогический институт. Цаплин обладал несомненным даром в этой области.

Когда случались передышки между боями и мы оказывались рядом, он подсаживался ко мне и спрашивал:

– Ну, что, начертить тебе Киргизию?

– А сможешь? – сомневался я поначалу.

– Конечно. Точь-в-точь как на карте. Смотри, – и он водил карандашом по листку бумаги, рождая на нем очертания моей республики. Потом появлялись озеро Иссык-Куль, горные хребты и вершины Ала-Тоо, реки Нарын и Чу.

– Вот это да! – меня поражала точность и легкость, с которой он все это начертил.

Меж тем Цаплин стал рассказывать мне о населении Киргизии, о ее городах и поселках, о залежах полезных ископаемых, о том, какие и где возделываются сельскохозяйственные культуры. Я с удивлением слушал. Он сообщал мне порой кое-что новое, о чем я по той или иной причине еще не знал.

– Воздушная тревога! Орудия к бою! – раздавалась команда. Цаплин прерывал свой рассказ буквально на полуслове. Выскочив из блиндажа, мы мчались каждый к своему оружию.

Постепенно мы сдружились с Иваном Ивановичем. Я черпал из бесед с ним много для себя важного, любопытного.

Он же, видимо, ценил во мне благодарного слушателя. Поди разбери – кто при этом нужнее. Ведь знания, если они не востребованы, тяжелым бременем лежат на хранителе. Как небрежный урожай на земле. Всякий раз Цаплин подогревал мой интерес к географии все новыми подробностями.

Когда он говорил о территории, природе того или иного края, его лицо дышало вдохновением, зеленоватые глаза блестя. География была для него поэзией. Он мог воспроизвести на бумаге любой уголок Советского Союза, границы любой республики, изгибы любой более или менее крупной реки. И все это Цаплин сопровождал обычно рассказами, которые я слушал, словно волшебные сказки. Вероятно, уже тогда под его влиянием во мне совершался поворот к той профессии, которой впоследствии я посвящу свою жизнь. Хотя сам себе я не отдавал еще в этом отчета. Ведь на войну-то я ушел прямо из медицинского института.

В начале 1943 года наш полк был переброшен в район Старой Русы, где размещались боевые авиационные части. Их мы, зенитчики, охраняли от внезапных налетов фашистской авиации. Ведь в начале войны немцы прежде всего разбомбили десятки советских аэродромов вместе с военными самолетами. Свобода действий в воздушном пространстве и позволила им столь быстро продвинуться на восток. Советское командование учло этот урок. В дальнейшем наша авиация, как правило, надежно охранялась зенитчиками.

На земле мы подвергались куда большей опасности, чем летчики. Гул низко летящих вражеских самолетов слышался издали. Невольно возникало желание стать невидимкой, слиться с окружающей средой. Летчики имели право спрятаться в бомбоубежище или в какое-нибудь укрытие попроще.

Нам же при налете бомбардировщиков и истребителей приходилось вести заградительный огонь из орудий, чтобы не допустить их к аэродрому. Обнаружив себя огнем, мы нередко сами становились мишенью. Рядом с нами рвались бомбы, ложились пулеметные очереди. Но и в этом аду мы не оставляли своих орудий. «Огонь по фашистам! Еще огонь!».

Когда благодаря кинжальному огню зениток вражеские самолеты оттеснялись от аэродрома, а то и поворачивали вспять, наши летчики, улучив момент, тут же поднимались в воздух и бросались в атаку. Завязывался бой, в котором уже нам выпадала роль зрителей. Как мы «болели» за наших от-

важных ребят! Воздушные битвы всегда на виду, проигравший редко остается живым.

Во время одного из таких боев погиб сын Михаила Васильевича Фрунзе. Он был смелым летчиком и дрался отчаянно, однако превосходство в тот раз оказалось на стороне фашистов. Мы хоронили его неподалеку от того места, где стояли наши красноразведные самолеты. При этом мне вспоминался его легендарный отец, чье имя носила столица Киргизии. По-разному сложились их судьбы, но оба были беззаветно преданы Родине. Жаль только, что смерть настигала их слишком рано.

Северо-Западный фронт проходил по сплошь заболоченной местности. Леса да болота, где не очень-то развернешься с тяжелыми орудиями. Тамешние жители даже дома строили двухэтажные: внизу у них коровники, а наверху сами живут. Иначе сырость донимает. Так они еще выбирали места, где посуше. А какой выбор у зенитчиков,двигающихся со своими частями вперед и вперед?

Бывало, пехота проскочит, она же налегке – вещмешок да автомат, а мы сунемся туда с орудиями и увязаем. Тут, как говорится, ухо остро надо держать. Сколько случаев, когда машины, груженные орудиями, тонули в болотах, и ничего нельзя было сделать. Сначала следовало убедиться в надежности дороги на тех или иных ее участках, а уж потом ехать по ней. Наиболее сложно нам было передвигаться в теплую пору.

Иногда мы вынуждены были ждать, пока не похолодает и отведенный для нашего прохода коридор в болотах не схватит морозом. Окрестные жители радовались присутствию советских солдат. Война миновала свой переломный рубеж и хоть медленно и трудно, но шла к своей развязке. С победой люди связывали будущее. Как могли, они подкармливали нас то борщом, то кашей, чтобы мы, дескать, окрепли и поскорей одолели врага. Сами-то в деревеньках жили голодно, но нас подкармливали. Станешь отказываться – обижаются. Каждый по-своему помогал стране.

На таких вот вынужденных привалах проводились обстоятельные политзанятия. Командир полка рассказывал об обстановке, сложившейся на нашем и соседних фронтах, о решающих боях на Курском направлении, о трудовом героизме работников тыла, о новых постановлениях партии по мобили-

зации народных масс на окончательный разгром фашистских захватчиков.

Сегодня многим кажется, будто политзанятия были пустой тратой времени. Это ошибочное мнение. Помимо так необходимой нам важной военной информации, мы получали массу сведений экономического, политического характера. На фронте информированность, знания укрепляют дух, а это немалого стоит.

Боевую, политическую подготовку мы иногда «разбавляли» футболом. В полку был самый настоящий футбольный мяч. Игра – всегда азарт, всегда страсть, хоть в мирное время, хоть на фронте. Заигравшись, мы не всегда сразу успевали отреагировать на сигнал тревоги: «Воздух!». Но, слава Богу, все обходилось.

Забегая вперед, скажу, что вскоре после победы, во время одной из таких игр ко мне подошел наш командир дивизии Быкоянко.

– Я давно смотрю, – сказал он, – ты не только отличный зенитчик, но и классный футболист. А я, поверь, кое-что в этом смысле. Есть предложение.

– Слушаю, товарищ командир.

– Почему бы тебе не поиграть за команду Калининградского военного округа?

От неожиданности я даже не знал, что ответить.

– Ты не торопись, – сказал Быкоянко. – Подумай.

– А чего тут раздумывать, – загорелся я. – Согласен.

Кто знает, быть может, я так и остался бы в тех краях, играл бы потом за Прибалтийский военный округ, жил в Риге, куда со временем перебралось все наше руководство. Но началась демобилизация, и я уехал домой. Впрочем, это, повторыю, будет позже, когда мы победим.

Пока же шла война.

Первый сбитый «Мессершмит»

Не всегда, конечно, у зенитчиков была возможность дожидаться морозов, чтобы перебраться через заболоченную территорию. Скажем, от города Осташково до Демьянского плацдарма надо было пройти как можно быстрее. К этому плацдарму стягивались главные силы фронта для подготовки прорыва немецких войск, ликвидации занятого фашистами

Демьянского плацдарма. Тем самым ослаблялось вражеское кольцо вокруг блокадного Ленинграда – очередной шаг для полного снятия блокады. Любое промедление было чревато.

Расстояние, вроде бы, не так уж и велико – пятьдесят километров с гаком. Но кругом топи да болота. Решено было валить окрестный лес, соорудить деревянные настилы и по ним перевозить орудия.

Благо, леса в тех краях – немеряно. Целый полк день и ночь пилил деревья, укладывал их плотно в топких местах, и мы таким вот образом преодолевали километр за километром. В лесу один человек, даже группа людей могут остаться незамеченными. Но когда идут воинские части, да еще на всем пути пилят деревья, разве это скроешь от врага? Фашистские бомбардировщики не давали нам покоя. Орудия у нас постоянно были на боевом взводе. Перед нами и здесь стояла задача – охранять от воздушных ударов фашистской авиации передвижение мотомеханизированных и стрелковых частей. Мы были начеку. Едва появлялись бомбардировщики со свастикикой, мы открывали огонь. И действовали, судя по всему, неплохо, поскольку колонна наших войск не страдала от ударов с воздуха.

Во время очередного эшелонированного нападения немцы четко выстроили атаку: Юнкерсы-87 приготовились к бомбометанию, а «Мессершмиты» на бреющем полете принялись поливать зенитчиков пулеметным огнем. Мне при выполнении задачи, возложенной на зенитчиков, довелось командовать расчетом 37-миллиметрового орудия. Смотрю, один из истребителей нацелился прямо на нашу пушку. Тут каждая секунда дорога. Я сразу приказал: «Бронебойными снарядами по атакующему самолету непрерывный огонь!». Ребята не подкачали. Как ни маневрировал «Мессер», пытаюсь достать нас пулеметными очередями, но его самого поразил снаряд.

Из хвостовой части самолета повалил дым. «Ура!», – вырвалось у нас. Проходящая мимо колонна тоже откликнулась радостными возгласами. Подбитый «Мессершмит» вынужден был на высокой скорости опуститься неподалеку от батареи среди заснеженных кустарников. Командир батареи Кайсын Кулиев устремился туда на машине. Когда мы вслед за ним подбежали к упавшему самолету, из кабины с трудом выбрался окровавленный летчик, весь в медалях, орденах и отнюдь не в солдатской кожаной куртке. Оказалось, это был подпол-

ковник, командир эскадрильи истребителей немецких военно-воздушных сил. Что и говорить, весьма важный чин!

За этот бой весь наш боевой расчет получил награды. Заряжающие и наводчики – медали «За отвагу» и «Боевые заслуги», а я, как командир, – орден «Красной Звезды».

Награду мне вручал генерал-лейтенант Захватаев – командующий Первой ударной армии. При этом он особо отметил, что боевым расчетом, которым я командовал, был сбит истребитель, управляемый ассом фашистских военно-воздушных сил. Обняв и расцеловав меня, командующий пожелал и впредь проявлять мужество и находчивость в борьбе с врагом.

Спустя некоторое время такой случай представился. Перед очередным наступлением началась передислокация воинских частей фронта. Проводилась она обычно долгими зимними ночами, когда даже звезд на небе не сыщешь. Но немцы каким-то образом пронюхали об этом. Фашистские бомбардировщики стали наносить ощутимые удары по скоплению советских войск и техники. Передислокация оказалась под угрозой.

Командир нашего 620 зенитного полка подполковник Попов получил приказ обеспечить безопасность передвижения войск. Все батареи полка были переведены на ночное дежурство. И как только доносился звук летящих бомбардировщиков, зенитки еще на дальних подступах к объектам нападения ставили сплошной заградительный огонь. Это, несомненно, действовало на психику пилотов, и они отворачивали свои самолеты в сторону.

Но среди многих бомбардировщиков, атакующих наши части, был один особо изворотливый – «Дорнье-219», который умудрялся проходить сквозь заградительный огонь. Наш расчет получил задание уничтожить его.

Установив зенитную пушку на возвышенное место вблизи от главного пути передвижения войск, куда, прежде всего, нацеливалась вражеская авиация, мы стали ждать. И вот уловили в ночном небе, закрытом густыми облаками, знакомый звук мотора «Дорнье-219». Чтобы наносить более точные удары по колонне наших войск, немецкий летчик периодически сбрасывал с борта самолета осветительные ракеты. Они позволяли более или менее четко определить направление его пути. У меня не было сомнений, что он будет пролетать мимо нас.

Когда бомбардировщик приблизился, стало ясно: он идет

на бреющем полете. Прикинув его высоту и скорость движения, я обозначил координаты цели и дал команду открыть огонь трассирующими бронебойными снарядами. Несмотря на полное отсутствие видимости, стрельба получилась результативной. Ровное гудение мотора «Дорнье-219» сменилось прерывистым, натужным и вскоре стихло в тылу нашего фронта. На следующий день нам стало известно, что вражеский самолет, получив серьезную пробоину, вынужден был совершить посадку, а летчик не успел скрыться и был захвачен в плен.

Медали «За отвагу» мне и наводчикам орудия Сивцову и Мощенкову вручал командир зенитной дивизии полковник Быкоянко. Помню его проникновенные слова: «Победа, мои дорогие воины, выковывается не отдельными, редкими героическими поступками, о которых узнают все, а тяжелой, изнурительной, подчас не очень-то заметной всеобщей работой. Но именно эта работа войны, проводимая днем и ночью такими бойцами, как вы, является основой победы. Хорошо еще, что вам сопутствует удача. Рад за вас и поздравляю!».

Не часто командир дивизии, склонный говорить со своими подчиненными короткими, рубленными фразами, произносил подобные слова. Может быть, потому они мне и запомнились?

Действительно, на войне, как на самой необходимой работе, которую следует выполнять постоянно и наилучшим образом, привыкаешь ко всему, что она тебе преподносит. К пикирующим бомбардировщикам и разрывам снарядов. К возможности быть убитым или раненым. К адской жаре и ледяной стуже. К многосуточным переходам и двухчасовому сну. Господи, чего только не бывает на войне, но ты все равно привыкаешь. А куда деться? Это же твоя работа и никто за тебя ее не сделает.

Даже к тридцатиградусным морозам я привык чуть ли не в первую зиму. А ночевали-то мы в землянках или палатках возле орудий. Мало того, что самих мороз пробирает, так еще надо постоянно следить, чтобы механизмы пушек не замерзли, несколько раз за ночь приводить их в движение. Иначе налетят бомбардировщики, а у тебя орудие, схваченное стужей, бездействует. За это не одной жизнью можно поплатиться. Если сплоховал и спросонок без перчаток за металл пушки схватился – тоже беда, ладонь намертво прилипает, кожу лоскутами приходится сдирать.

Как ни странно, однако я переносил те морозы лучше северян. Наверное, потому, что мне удалось настроиться, вну-

тренне подготовиться к ним. Мои товарищи съезжались от холода, а я вроде бы ничего, как говорится, держусь и не трясусь. Они удивляются: «Ты же южный человек, азиатский, из теплых краев приехал, и вдруг не мерзнешь. Отчего? В чем секрет?» – «У меня кровь горячая!» – отшучивался я.

Да и одевали нас достаточно тепло: настоящее хлопчатобумажное белье, (не то, что сейчас продают), ватные куртка и брюки, портянки и – такая вещь хорошая! – валенки. Да еще и шуба. Вот это зимний комплект! Валенки больше всего изнашивались: армия была в движении. Многим они доставались в наследство от раненых. Такие валенки можно было отличить по швам сзади. Сидели они обычно плотно, и когда их снимали, то приходилось разрезать ножом голенище. А потом вновь шивать уже по ноге нового хозяина.

Ко всему на войне привыкаешь. Даже чувство страха со временем загоняется глубоко внутрь, притупляется, теряет свою остроту. Смотришь, как новобранец реагирует на тот же налет фашистской авиации и как на него реагирует бывалый солдат – разница колоссальная! Новобранец с перепугу в первую попавшуюся щель спешит залезть, иной раз у него, словно у страуса, голова спрятана, а остальное все на виду. А бывалый солдат, завидев «крестоносцев», как называли мы вражеские самолеты с крестами, сперва поморщится: мешают, мол, делом заниматься, а потом спокойно ляжет, прикрывшись попутно сломанной веткой. Кто переборол страх, у того меньше шансов попасть в госпиталь или на тот свет. То ли ангел-хранитель к таким благосклонней, то ли пули, осколки робеют пред ними.

Немцы еще что придумали для воздействия на нашу психику. Самолеты с мощной сиреной. Летит, скажем, «Юнкерс» или «Мессершмит» к цели. Услышав его издали по звуку мотора, мы готовимся к встрече. Пехота тоже занимается своим делом: роет окопы, сооружает блиндажи. В общем, каждый выполняет поставленную перед ним задачу.

На подлете «крестоносец» включает сирену. Раздается такой душераздирающий вой, от которого хочется заткнуть уши, бросить все и бежать, куда глаза глядят. Звуковая вибрация сирены была сродни вою голодных волков, собравшихся зимней ночью в стаю. От этого воя леденеет в жилах кровь, заходится в страхе сердце, возникает поплзновение к безумству, человек может стать неуправляемым. Психическая агрессия звуком заставляла многих солдат выскакать из

укрытия, обнаруживать себя, а, значит, обнаруживать скопление людей и техники. К тому же, бегущие нередко сами становились удобной мишенью для боевых истребителей врага.

Однако, нам, зенитчикам, сам Бог велел перебарывать любой страх, побыстрой от него избавляться. При налете «крестоносцев», будь они с сиреной или без нее, наша работа только начиналась. «Юнкерс» пикирует с пронзительным воем, вокруг рвутся снаряды, осколки, пули свистят, а нам не до них, только успевай вести огонь по летающим целям. Какой тут страх! «Огонь! Еще огонь!». Это потом, когда отобьем атаку, можно ощутить легкий озноб между лопаток и удивиться: «Смотри, а ведь мы, кажется, уцелели!».

Но, увы, на войне все рядом: и победа, и поражение, жизнь и смерть. В один из боев нам крепко досталось от вражеской авиации. Чего только мы ни делали, чтобы отогнать от наших частей бомбардировщики и «Мессершмиты». Однако некоторым из них удалось проскочить сквозь стену огня, и они обрушили на нас свой смертоносный груз.

Я слышал, как вскрикнул наводчик Николай Сивцов. Осколок разорвавшейся вражеской бомбы пробил его насквозь. Ранение очень тяжелое. Родом он был из Архангельска, крепкий, надежный человек. Из раны хлестала кровь, боль, видимо, была дикая, но он молчал, сцепив зубы так, что скулы побелели.

Мы стоим, переживаем, надо что-то сказать, а комок застрял в горле и словам не протолкнуться. И только когда его перевязали и понесли к машине, я попросил тихо: «Коля, напиши. Будем ждать». У нас ведь был очень дружный орудейный расчет. Никогда не подводили друг друга. Жесткая дисциплина, порядок не мешали товарищеским отношениям. Сколько раз выходили целехонькими из жарких схваток. И вот...

Сначала Николая повезли в санитарную часть полка, потом – дивизии. Но как врачи ни бились, ничего не смогли сделать. Так мы и похоронили его под березой, отсалютовав в его честь оружейными залпами.

При очередной бомбардировке и меня зацепило осколком. Благо, стояла зима, и на мне был весь зимний комплект – шуба, ватная куртка, гимнастерка и толстое нижнее белье. Да и осколок, видать, ударил на излете. Попав в позвоночник, он там и застрял. Что такое позвоночник, даже я, ушедший на войну с первого курса мединститута, хорошо знал. Там же все нервные окончания! Достаточно незначительного, на первый взгляд, повреждения – и ты уже инвалид. Но мне повезло.

Осколок не задел нервных тканей. Его извлекли, и я неделю находился в полковой санчасти.

Как-то слышу, врачи говорят о необходимости отправить меня в санитарную часть дивизии. Что за ерунда? Ну, какая такая необходимость? Руками-ногами шевелю свободно, голова в порядке – чего еще надо? В общем, поднялся, оделся и на выход.

– Ладно, – говорю, – я пошел. Некогда разлеживаться.

Они оторопели. Потом врач, капитан, спрашивает:

– Если не в дивизию, то, может быть, в полковой госпиталь?

– Да все хорошо, – объясняю. – Спасибо! Наш старшина Иванов, санитар батареи, перевязки неплохо делает.

Вернулся к своему орудийному расчету. На фронте тянет, как домой, к тем, с кем вместе десятки, сотни раз подвергался опасности, и с кем всякого довелось натерпеться. Боевое братство – это не просто красивые слова. В них мудрость, опыт народный. Но то, что объединяет на войне, в период суровейших испытаний, отнюдь не всегда пригождается в мирное время. На войне требуются одни качества, в обычной жизни зачастую совсем иные. Может быть, поэтому многие друзья-фронтовики, возвратившись домой, уже так не нуждались друг в друге? И даже потребность в письмах постепенно иссякала?

На фронте долгое время мы дружили слевой Мощенским. Был он из Гомеля, одного со мной возраста. А познакомились мы еще раньше, в Токмаке, где служили в зенитной батарее. Его, раненого в боях под Москвой, привезли подлечиться во Фрунзе, а когда он полностью выздоровел, направили уже к нам. Мне, еще не обстрелянному, Лева казался бывалым солдатом. Но он не заносился. Успокаивал, поддерживал меня. «Первый бой для всех страшный, – говорил Лева. – Но это быстро проходит. Надо только поменьше думать о своей незащищенности, а побольше – об уничтожении врага. И о том, как это лучше сделать. Тогда боязнь, как ветром туман, снимет».

Хороший он был парень, Лева Мощенский. С интересом рассказывал нам о родной Белоруссии, говорил горячо, с сильным акцентом. Допустим, вместо «прямо» – «прамо». Из-за этого мы немного подшучивали над ним.

В 1944 году наш полк стоял под Полоцком. Помню, как он мечтал поскорее освободить свой Гомель, увидеть родных... Но на войне желание каждого неукоснительно подчинено общей необходимости, как секундная стрелка всему часовому

механизму. Лева попал в Гомель только в конце 1945 года, после демобилизации. Устроился на завод слесарем. Надо было зарабатывать на жизнь. Мы переписывались. Но потом переписка по разным причинам оборвалась.

Увы, новое время рождает новые задачи, решать их приходится с другими людьми. И недавнее прошлое, казалось бы, такое незыблемое, постепенно заслоняется, отправляется за кулисы. Но на священном острове памяти все равно остаются жить и те, с кем воевал, остаются жить, пока жив ты сам.

Наши ореховые леса не дали в обиду

Наверное, на фронте мы неплохо воевали с фашистами, если в Киргизии могли не только трудиться, поднимать производство, но и развивать науку, культуру, учиться в школах, техникумах и вузах. Многообразная жизнь здесь не затихала, военная пора не была для нее неким тупиком.

Республика, как известно, является малолесной горной страной. На этом фоне особенно заметны, особенно впечатляющи ее уникальные орехово-плодовые леса, раскинувшиеся по склонам Ферганского и Чаткальского хребтов. Древесина грецкого ореха, широко применяемая в мебельном производстве, необычайно тверда и славится, прежде всего, своими наплывами, так называемыми капами, которые имеют неповторимую красоту рисунка. Что касается самих плодов грецкого ореха, то по объемам его заготовок Киргизия постоянно занимала ведущее место в СССР. Специалисты прогнозировали в те годы естественное увеличение площадей, занимаемых этими лесами.

Несомненная ценность орехово-плодовых лесов привлекала к ним внимание зарубежных ученых, политиков. С повышенным интересом поглядывали в нашу сторону и японцы, которые ввиду чрезвычайной скудости своих природных богатств, были всегда равнодушны к природным ресурсам других стран. Заинтересованность эта проявлялась по-разному.

В начале 1944 года до правительственных кругов СССР дошли разговоры о том, почему Япония проявляет столь пристальное внимание к орехово-плодовым лесам Киргизии. Оказывается, там появилась теория, согласно которой японцы, якобы, произошли из этих краев, в этих регионах

их древние корни. Цель появившейся теории была очевидна.

Несмотря на колоссальную загруженность Сталина, как Верховного Главнокомандующего, который старался полностью контролировать ведение военных действий на всех фронтах, он быстро прореагировал на возникшую «киргизско-японскую» ситуацию. Академии наук СССР им лично было дано указание организовать изучение орехово-плодовых лесов Южной Киргизии. Таким образом, как бы подчеркивалось, что проблемы, связанные с этими лесами, находятся в поле зрения высшего руководства советского государства.

Кроме того, после войны американцы предлагали Сталину отдать им во временное пользование, на пятьдесят лет, ореховые леса Киргизии. Взамен они готовы были списать часть долга Советского Союза Соединенным Штатам Америки. Но получили категорический отказ Сталина.

Комплексную исследовательскую работу от Академии наук СССР, осуществляемую по сталинскому указанию, возглавили академик Алексей Александрович Григорьев и член-корреспондент, а потом тоже академик Иннокентий Петрович Герасимов. Привлекались к этой работе и местные специалисты, ученые. В результате в 1946 году была опубликована обширная монография «Орехово-плодовые леса Киргизии», послужившая основой для дальнейшего изучения кыргызскими учеными лесов этого региона.

Впоследствии, работая в Академии наук республики, я познакомился с обоими академиками. А с Герасимовым мы даже сдружились семьями. Частенько он приезжал в Киргизию вместе со своей женой Ариной Зиминой, сестрой знаменитого хоккеиста Зимины. И мы с супругой Марией Токтогуловой возили их по нашим живописным ущельям, на Иссык-Куль. Когда же нам приходилось бывать в Москве, мы останавливались у них.

И вот сегодня с огорчением читаю в республиканской газете такие строки: «К сожалению, в наше время ореховое достояние республики под угрозой исчезновения. Десятки гектаров реликтового леса уже погибли от насекомых-вредителей. Еще более беспощадны люди. Ради очень дорогого материала – капа – браконьерски вырубается столетние деревья. Под топоры местных жителей попадают сотни деревьев, ценнейшая ореховая древесина используется для отопления, сжигается в печках». Что тут скажешь?

Немало в суровые военные годы делалось в сфере куль-

туры. В конце войны русский драматический театр имени Крупской осуществил постановку на своей сцене «политически ответственной», как тогда писали, пьесы Погодина «Человек с ружьем». Играть в этой пьесе, где артисты изображали пролетарских вождей, было довольно-таки почетно и вместе с тем небезопасно. Малейшая оплошность могла дорого стоить режиссеру, артистам. Спектакль принимала комиссия ЦК партии Киргизии. Роль Владимира Ильича Ленина играл заслуженный артист республики Дигам, а роль Иосифа Виссарионовича Сталина заслуженный артист республики Балаев. Судя по оценкам газет, спектакль удался. Ему на этой сцене предстояла долгая жизнь.

В республике продолжалась подготовка специалистов различного профиля. В 1944 году моя будущая жена Мария Токтогуловна поступила в Киргизский медицинский институт, с первого курса которого я ушел на фронт. Ушел, чтобы в этот институт уже не возвращаться. Слишком много крови, человеческих страданий увидел я на войне, и после ее окончания не хотелось опять находиться рядом с болью, мучениями людей. Может быть, я слишком впечатлителен. Но это решение я принял еще там, на фронте, после гибели наводчика нашего расчета Николая Сивцова и моего ранения.

Что касается Марии Токтогуловны, то она посвятила медицине всю свою жизнь. Будь мы знакомы с ней до войны, она писала бы мне на фронт добрые и спокойные письма. Зная ее характер, я уверен в этом. А я очень мечтал в перерывах между боями получать такие письма от любимой девушки! Но из дома мне писала только Акима. Многие мои товарищи переписывались со знакомыми девушками, и это, конечно же, укрепляло их боевой дух. На фронте учитывались любые обстоятельства, повышающие боевое настроение воинов. И вот как-то на мое имя пришло письмо от неизвестной мне девушки из Кемеровской области. Начиналось оно с общих фраз: «Воюй хорошо, защищай нашу землю». Мы переписывались с ней до конца войны.

Купюра в автобиографии

На фронте в партию коммунистов принимали только самых проверенных, отличившихся бойцов. Если кто поручился за молодого партийца, а тот подкачал, проявил слабость, под-

вел товарищей, спрос был по-военному жесткий – и с партийца, и с поручившихся за него. Случалось, что и под трибунал отдавали. – «У коммунистов одна привилегия – первым идти в бой», – говорили комиссары. Так оно и было.

– Каип, – услышал я и, оглянувшись, увидел проходящего мимо наводчика из соседнего с нами оружейного расчета. – Тебя комиссар зовет.

– Какой комиссар?

– Нашего полка. Попов.

– Не знаешь, для чего я ему понадобился?

– Он мне не докладывал, – усмехнулся наводчик.

– Мог бы и сам поинтересоваться, – отпарировал я.

Отложив дела по смазке орудия, а точнее, поручив парням из моего расчета довести его до конца, я привел себя в порядок и отправился к блиндажу комиссара полка. На душе было беспокойно. Когда вызывает командир, тут, как правило, все понятно. Речь пойдет о новом боевом задании. А вот комиссар... Он проводит политическую линию партии, следит за моральным состоянием бойцов. В этой сфере всякое возможно, здесь нет четко установленных критериев, все зависит от угла зрения. Я частенько вспоминал, как обошлись с моим зятем Токчоро Джолдошевым. А ведь он был предан советской власти, советскому строю. Уж я-то стопроцентно уверен в этом.

Комиссар Попов встретил меня дружелюбно, на его широком, просторном, как степь, лице я не уловил тени подозрительности, недоверия. И сразу успокоился. Он заговорил прямо, без обиняков, пристально глядя на меня серыми глазами из-под нависающих густых бровей:

– На войне, Каип Оторбаев, ты проявил лучшие бойцовские качества. Не буду перечислять, какие, ты и сам знаешь. Не зря начальство обращается к тебе с просьбами то рапорт, то характеристику написать. Расчет зенитного орудия, которым ты командуешь, неоднократно отличался в сложных боевых ситуациях. В общем, есть предложение принять тебя в партию. Такие воины, как ты, должны быть коммунистами. Ну, что, согласен? Рад?

– Конечно, – ответил я.

– Тогда вот тебе ручка, чернила, бумага. Садись к столу, пиши заявление, автобиографию.

Для меня это не составляло труда. Но как быть с тем об-

стоятельством, что воспитывался я в семье якобы врага народа? Сколько раз в свое время мне этим кололи в глаза, пытались унижить. Неужели так же произойдет и теперь? Я спросил об этом комиссара.

– Что было, то было, – вздохнув, ответил Попов. – Но ты-то здесь при чем? И учился, и работал, и на войну добровольцем пошел, и воюешь, как надо. С тобой все нормально. У меня нет сомнений. А эти строчки лучше бы вычеркнуть.

– Да и с моим зятем, Токчоро Джолдошевым, все было нормально. Уж вы поверьте! – сказал я, волнуясь.

– А вот об этом не тебе судить! – посуровел комиссар, от чего его густые мохнатые брови еще ниже опустились на глаза. И после паузы уже другим, более мягким, тоном добавил: – Ладно, ты все, как есть, в автобиографии напиши. А мы потом на собрании коммунистов обсудим.

Так я и сделал. На собрание пришел комиссар дивизии Федин. Он был ленинградцем, об отношении высших партийных чинов к тем, кто имел родственные связи с врагами народа, знал не понаслышке. Просмотрев мои документы, посоветовал убрать все, что касалось Джолдошева. Во избежание всяческих случайностей, проволочек, пояснил он. Тем более, что для приема меня в партию это, мол, принципиальной роли не играет. Мне пришлось переписывать автобиографию заново. За мою кандидатуру проголосовали единогласно.

Я рассказываю об этом столь подробно еще и потому, что выпавшие таким образом из автобиографии сведения о моем воспитании в семье врага народа спустя несколько лет будут иметь для меня печальные последствия. Меня попытаются обвинить в умышленном искажении фактов при вступлении в партию. И потребуются немало усилий, чтобы доказать, как же все это происходило на самом деле. Увы, пройти через ушко иголки и то, наверное, бывает менее мучительно, чем участвовать в подобной процедуре проверок и перепроверок.

На опушке леса

Во время наступательных боев нам порой доводилось располагаться в таких местах, воспоминание о которых до сих пор волнует сердце. Наша батарея стояла однажды неподалеку от села Михайловское, где в своем родовом имении Пушкин провел более двух лет томительной ссылки. Здесь он

закончил поэму «Цыгане», написал «Бориса Годунова», основные главы «Евгения Онегина», много лирических стихов, положенных потом на музыку. Рядом, в Святогорском монастыре, находилась могила великого поэта.

В бинокль мы разглядывали строения, известные нам по рисункам, фотографиям в школьных учебниках, книгах. Повсюду обнаруживались следы разрушения. Святогорский монастырь – редкий памятник архитектуры шестнадцатого века – был обезглавлен и частично подорван. В соседнем Михайловском картина не лучше. Родовой дом Пушкиных, превращенный в музей, сожжен. Домик его няни Арины Родионовны разобран на блиндажи. Вековые деревья Михайловского и Тригорского парков оккупанты наполовину вырубili.

Видели мы и фигурки самих фашистов, которые еще не были выбиты оттуда. По разведанным, на этой территории находились полевые части противника и рота карателей, безуспешно гонявшаяся за партизанами.

– Вот, гады, – говорили ребята, – святых мест не пощадил. Здесь великий поэт жил, прогуливался, творил, сюда к нему Пущин и Дельвиг приезжали, а они это все в руины превратили! Дали бы нам возможность, ох, и показали бы им кузькину мать!

В самом деле, просто безумно хотелось освободить Михайловское. И ненависть к врагу, обычно таящаяся как бы в глубине, в такие моменты вздымалась волной, рвалась на волю, на поверхность. То, что фашисты разорили гнездо Пушкиных, долго не давало нам покоя. Но поквитаться с ними суждено было другим подразделениям советских войск. Через день-другой наш полк был направлен на новое место дислокации.

Что важно, тогда все мы, ощущая себя советскими людьми, не делили на части, на «твое» и «мое» ни территорию огромной страны – СССР, ни духовные, культурные ценности тех народов, которые его населяли. За двадцать с небольшим лет после образования Союза государственная пропаганда, сама система политической, экономической жизни настолько сплотили людей, что объединяющее начало действовало в них гораздо сильнее, чем всякого рода отличительные, разъединяющие моменты.

Киргизия была далеко от фронта, но за каждую пядь русской или белорусской земли мы готовы были умереть, потому что это была и наша земля. Доведись передовой оказаться в

Киргизии, не дай Бог, конечно, и я убежден, что русские и белорусы думали бы и поступали так же.

Пушкин был нашей общей гордостью, и мы все с одинаковой болью воспринимали увиденные нами следы варварства в его родном Михайловском, с одинаковой яростью готовы были ринуться и отомстить фашистам – за поругание своего, сокровенного. Думается, это и сегодня многим понятно.

Куда более удивительным для современного молодого кыргыза может показаться такой эпизод.

Сформировав в районе Минска большую дивизию, немецкое командование решило повести наступление на участке Северо-Западного фронта. Наш полк в ту пору находился под Псковом, возле Чудского озера. Ожидалось, что вот-вот немцы пойдут в атаку. И, естественно, мы прикидывали, как их встретить, как угостить огоньком пожарче, чтобы они обожглись и больше не помышляли о наступательных действиях.

А был февраль, и Чудское озеро, одетое в толстый ледяной панцирь, представляло собой огромную белоснежную равнину, безмятежно дремлющую среди темных окрестных лесов. Народ в нашей батарее подобрался начитанный, кто-то только подбросил фразу: «Братцы, тут же Александр Невский устроил немцам ледовое побоище!» – как мы стали вспоминать, дополняя друг друга, известную из истории картину давней битвы. А ее свидетель – скала Вороний Камень – молчаливо смотрела на нас, как семь веков назад на воинов князя Александра Невского.

Именно здесь у великого русского полководца зародился план уничтожения вражеских полчищ, совершавших нашествие на русскую землю. Он хорошо знал тактику тевтонских немецких рыцарей. И перед битвой соответствующим образом выстроил свои полки. Лучшие пешие и конные полки Александр расположил по бокам и сзади. А в центре и впереди стояли лучники. На них должен был обрушиться первый удар врага. Самую надежную, самую сильную часть войска князь укрыл в засаде, за прибрежной скалой Вороний Камень.

Увидев врагов, Александр произнес: «Рассуди, Боже, мой спор с этим высокомерным народом!». И битва началась. Немецкие рыцари, как и предвидел Александр, шли клином. Они были облачены в тяжелые доспехи, и потому, быстро тесня лучников, все глубже вклинивались в оборону противника. Они уже радовались победе. Но тут раздался клич Александра, и лучшие полки русских ударили по рыцарям. А с тыла за-

шла мощная дружина, находившаяся до этого в засаде. Битва превратилась в побоище. Багровым стал лед Чудского озера. Свершилось возмездие. И высокомерие рыцарей было жестоко наказано.

Вспоминая об этой исторической победе, мы испытывали чувство гордости за силу русского оружия. Меня, кыргыза, эта победа тоже воодушевляла, крепила во мне боевой дух, как если бы речь шла о победе легендарного Манаса в одной из его решающих битв. Я хочу сказать, что даже далекие исторические события, касающиеся, казалось бы, только одного из советских народов, благотворно влияли на всех нас, воспринимались как общие, родственные. Безусловно, это нам здорово помогало.

Тактика Александра Невского, только в иных условиях и масштабах, не раз применялась и советским командованием, когда при наступлении фашисты попадали в «мешок». Уничтожались или сдавались в плен целые армии. Нередко оказывались в ловушке и наши войска. Особенно в начале войны. Потери при этом были огромны.

Но тогда, когда мы стояли возле Чудского озера, у советской армии появилось другое крупное преимущество, во многом предрешившее исход всей войны. Заклучалось оно не в какой-то определенной тактике, а в новейшем оружии, которое вскоре должно было поступать для укрепления наиболее уязвимых участков фронта. Пока же его направили к нам, на Северо-Западный фронт, где ему предстояло пройти испытание.

Речь идет о знаменитых «Катюшах», чье появление произвело фурор во всем мире. До этих пор пока не было орудий, которые могли бы выпускать 8-16 снарядов одновременно, а затем еще восемь и восемь, а впоследствии сразу тридцать два. Такая масса огня еще недавно считалась невыполнимой. И вот теперь новое грозное оружие появилось у нас, в наших руках.

Нам, зенитчикам 620 зенитного полка, поступил приказ подготовиться к охране «Катюш», за которыми охотилась немецкая авиация. Было указано, когда и куда нам необходимо перебазироваться. Сроки прибытия «Катюш» держались строго в секрете. Вражеская разведка не дремала, ей уже была известна боевая мощь «Катюш». Им хотелось уничтожить первые орудия еще до того, как они откроют огонь. Едва фашисты узнавали даже приблизительные координаты их нахождения,

как десятки самолетов незамедлительно поднимались в воздух. Поэтому ответственность, возложенная на нас, была велика. И мы хорошо понимали, что может случиться, если, не дай Бог, мы подведем.

Даже для тех, кто ожидал появления здесь «Катюш», они подкатили внезапно. Словно из-под земли возникли. Четыре «Катюши» на «ЗИЛлах» и машины с боеприпасами. Приехавшие действовали быстро и слаженно. «Катюши» были установлены метрах в пятистах от нас, на опушке леса. Огонь велся ими по дальним, но точно выверенным целям – танковым колоннам, артиллерии, крупным сосредоточениям вражеских пехотных войск. Мы, привыкшие к орудийным раскатам, и то готовы были затыкать уши: такой страшный гул стоял вокруг! Далеко за лесом, куда летел непрерывный поток снарядов, поднималась стена огня. Там ярко полыхало, горело, взрывалось, превращая все в прах, словно наступил конец света.

Отстрелявшись, «Катюши» так же внезапно, как появились, исчезли. Их маневренность была поразительна. Только они скрылись в лесу, как я увидел сначала немецкий самолет-разведчик, а следом за ним – эскадрилью бомбардировщиков. То ли по звуку, то ли по направлению огня они определили теперь уже бывшее местонахождение «Катюш». На опустевшую опушку леса посыпались бомбы. Тут уж заработала наша зенитная батарея.

Прогнав «крестоносцев», зенитчики собрались вместе. Всем хотелось поделиться впечатлениями. Настроение было приподнятое. То, что именно нашему полку выпала честь охранять от немецкой авиации испытание нового оружия, говорило о многом. Значит, среди других зенитных подразделений мы чем-то отличились, выделились, – может, дисциплиной, может, более точными попаданиями. Это доверие, а, главное, увиденное, очень сильно подействовало на нас. Такая мощь «Катюш», свидетелями которой мы стали, не оставляла сомнений в том, что Советская Армия непременно одержит победу над войсками фашистской Германии.

И как всегда, когда чувства рвутся наружу, когда охватывает ощущение собственной силы в нашей справедливой борьбе, помнится, в наскоро сооруженном блиндаже грянула песня:

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из сотен, тысяч батарей

За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь, огонь!
Эта песня вспоминается мне до сих пор. С ней связаны многие эпизоды из боевой жизни 620-го зенитного полка.

Победу встретили под Салдусом

На войне больше всего бывает потерь среди рядовых и младшего командного состава. И от этого никуда не денешься. Чаще всего гибнут именно те, кто на передовой, кто в первых рядах идут в атаку или первыми принимают на себя удар противника, если находятся в обороне. Так было во всех войнах, так было и в Великую Отечественную.

Война уносила жизни миллионов солдат, офицеров. Потери эти требовалось постоянно восполнять подготовленными воинами. Иногда заново формировались целые полки, дивизии. По всей стране существовала разветвленная, четко отлаженная система различных курсов, училищ, чьи выпускники сразу отправлялись на передовую, заменяя погибших товарищей.

В конце войны активной развернулась подготовка командиров из числа фронтовиков, не раз показавших свою храбрость в бою и пользующихся авторитетом в своем подразделении. Прежде их редко брали с передовой. Разве что после ранения. Столь велика была нагрузка на обстрелянных, бывалых воинов.

К 1944 году Советская Армия имела уже достаточный запас прочности, чтобы, не ослабляя передовую, снимать оттуда проявивших себя фронтовиков и на их основе создавать младший командный состав. Это тоже было предвестником близкой победы.

Наш зенитно-артиллерийский полк располагался тогда возле Риги. И хоть местное население в большинстве своем относилось к нам настороженно и не выказывало особой симпатии, мы чувствовали себя воинами-освободителями, а ту сдержанность, подозрительность, с которыми нам доводилось сталкиваться в тех краях, объясняли свойством национального характера.

Первым из моих старых боевых товарищей-однополчан, кого наметили в командиры, был мой земляк, сержант Эмильбек Джанибеков. Его направили в Ленинградское артиллерий-

ское зенитное училище. В военные годы мы часто с ним общались, вспоминали родную Киргизию, делились новостями, о которых сообщалось в письмах из дома. Теперь Эмильбек уезжал. Мы обнялись на прощанье, пожелали друг другу удачи. На фронте ведь всякое бывает. Дыхание победы, родственное дыханию весны, чувствовалось повсюду, однако фашисты продолжали отчаянно сопротивляться, бои то затихали, то вспыхивали с новой силой. И потому, когда прощались, где-то в глубине таилась мысль: «Удастся ли вновь увидеться?».

Несмотря на молодость, война приучила нас философски относиться к своему пребыванию на земле. Что ж, на войне быстро обретается зрелость: грань между жизнью и смертью здесь вовсе не кажется высокой, скорее, наоборот.

Мы встретимся с Эмильбеком уже в мирное время. Многие годы он связывал свою судьбу с партийной деятельностью, работая в партийных организациях республиканской столицы, в ЦК Компартии Киргизии. Затем он был переведен заместителем народного комиссариата внутренних дел. Загруженность по службе с трудом позволяла ему выкраивать часок-другой для наших встреч.

Если на фронте, собравшись вместе, мы вспоминали отчий дом, Киргизию, то, очутившись дома, погрузившись в мирные заботы, мы говорили с ним о войне, о боевых товарищах – погибших или оставшихся в живых, связь с которыми постепенно истончается, рвется. Поколение участников Великой Отечественной потихоньку уходит в небытие. Дай Бог, чтобы в забытье не кануло.

А тогда, проводив Эмильбека Джанибекова в Ленинградское военное училище, я сам вскоре отбыл на учебу. Не знаю, то ли начальство не хотело со мной надолго расставаться, то ли на моем участке трудней было найти замену, но меня оставили на трехмесячных командирских курсах здесь же, в Латвии. После них я вернулся в свой полк уже офицером.

На нашем фронте немецкие войска почти полностью были разбиты. Мы продвинулись в Литву, ведя борьбу с подразделениями недобитых фашистов, вылавливая также полицаяв, других приспешников Гитлера. Кенигсберг уже был отрезан советскими войсками. Поэтому немцы спешили уйти в Германию по Балтийскому морю. Фашистские самолеты все реже забредали в наши края.

И, наконец, настал долгожданный день – 9 мая 1945 года. День, который каждый фронтовик приближал, как только мог.

Зачастую ценой собственной жизни. День Победы!.. В нем для меня сплелись воедино – мощный всплеск ликования, великой радости и глубокая, не утихающая боль за павших товарищей; надежда на новую прекрасную жизнь, которая открывается с первыми победными залпами, и понимание, как просто будет залечить нанесенные войной раны; желание поскорей уехать домой, увидеться с родными и близкими и непоколебимое чувство долга, обязывающее находиться в своей воинской части до тех пор, пока этого требует обстановка.

Наверное, для каждого, кто воевал, нет другого такого праздника, который бы вобрал в себя это необычайное многообразие чувств, ощущений, красок, звуков, на первый взгляд, противоречивых, но пребывающих в тесном родстве. Поэтому трудно даже описать то состояние, которое возникло во мне, когда по нашему полку, расположенному под Салдусом, лихим всадником промчалась весть о победе над фашистами. Где бы кто ни находился – в землянке, блиндаже, на улице – все вскакивали, кричали «Ура!», бросались обнимать друг друга. Лица сияли, кто-то ударился в пляс, кто-то, вытащив из кармана губную гармошку, заиграл бравурную мелодию, другой от избытка эмоций так хватанул воздух разгоряченными легкими, что застыл на месте, поводя вокруг восторженными глазами.

Неописуемая радость охватила нас. Еще бы: такую силушку одолели! Мы испытывали гордость за свою страну, за свою армию, за свой собственный вклад в победу. Это же надо – Германию положили на лопатки!

Но я обратил внимание: среди местных литовцев радости, в общем-то, не было. Как и у латышей, эстонцев. Для них победа не имела того значения, что имела для нас. А многие, увы, даже сожалели о поражении гитлеровцев. И едва скрывали это под принужденной вежливой полуулыбкой. Да и потом эти республики только с огромной натяжкой можно было назвать частью Советского Союза. Они напоминали медведя, который пережидает зиму в берлоге. Хотя в советскую пору жизненный уровень прибалтийцев был самый высокий среди всех союзных республик.

Говорю это не в осуждение. Каждому свое, у каждого свой путь. Но, видя тогда, как большинство из них отнеслось к святому, волнующему всех нас Дню великой Победы, я не был впоследствии ошеломлен тем, что полвека спустя, после развала Союза, они затеяли судебные процессы над фронтовика-

ми. Сколько же времени надо было копить в себе ненависть, неприязнь к людям, их же самих спасших от порабощения? И, дождавшись своего часа, с упоением стараться упечь в тюрьму восьмидесятилетних стариков.

Считается, понять – значит, стать равным. Но я этого не могу понять. Отомстить фронтовикам через полвека – разве в этом человеческое достоинство? Трагедия шестнадцатого года, ее последствия были для киргизов несравнимы с тем, что пережили прибалтийцы в войну. Но став свободным, суверенным, мой народ и не пытался на государственном уровне отомстить кому-то, доказать таким образом свою историческую правоту. На мой взгляд, самая действенная месть, если она вообще уместна, – в прощении. Это очищает и возвышает, как отдельного человека, так и народы.

В Киргизии 9 мая 1945 года остановились в честь праздника все заводы и фабрики, не работали колхозники, а вечером был салют. Десятки тысяч своих сынов потеряла республика на фронтах Великой Отечественной. За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, 75 воинов-киргизстанцев удостоены высшей степени отличия – Героя Советского Союза, 21 – ордена Славы трех степеней. За доблесть и отвагу более ста тысяч киргизстанцев награждены орденами и медалями. Среди них довелось быть и мне, ушедшему на войну добровольцем...

Анатолий КУРЧАТКИН

ДРУГ ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ

Рассказ

Николай сдружился с Берсенёвым в последний школьный год, в десятом классе. Это произошло в первые дни учебы, в самом начале сентября. Их назначили убирать после занятий класс, они оба еще отнекивались, но безуспешно: их нынешнему классному руководителю, математичке Марии Сергеевне, было не поперечить: без разговоров, сказала она, – и они остались. И вот когда убирали класс, перебрасываясь по ходу односложными фразами о том, о сем, вдруг обнаружилось, что интересны друг другу. С Берсенёвым, оказалось, можно философствовать – о жизни и вообще, обо всем на свете, – чего не получалось больше ни с кем в классе. А Николаю требовался такой собеседник, ему такого не доставало, и оттого, что его не было, временами одолевало чувство тоскливого одиночества. Берсенёв в некотором роде был чужаком в классе, так же, как и вся их группа из четырех человек, появившаяся в классе год назад после того, как они перескочили через целый класс, пройдя за лето всю годовую учебную программу и успешно сдав экзамены, – завтрашние медалисты, гордость школы, ее будущая легенда. И хотя они вполне благополучно прижились в новом для себя окружении, так они этой своей группой и держались, ни с кем не сблизаясь. Отличники, у которых всегда, если не сделал сам, можно списать домашнее задание, только в таком качестве они и существовали реально для остального класса, и Берсенёв тут ничем не выделялся из их кружка.

– А как ты оцениваешь, что мы уже второго человека в космос запустили? – спросил Николай. Он как-то необыкновенно бурно переживал именно второй полет, длившийся це-

лых двадцать семь часов, не то, что у Гагарина, сделавшего всего один оборот вокруг Земли. Герман Титов было имя второго космонавта, – и не помянуть этого главного для него события минувшего августа в скрашивающем их унылую работу по уборке класса односложном разговоре он просто не мог.

И вот именно вопрос о космосе стал спусковым механизмом того интереса друг к другу, с которого и началось сближение Николая с Берсенёвым.

– Что тут оценивать? Все уже оценено, – с несвойственной ему живостью отозвался Берсенёв – до этого он говорил со своей обычной холодноватой сдержанностью, словно бы без особого желания. Он вообще был такой: ровно-невозмутимый, подчеркнуто спокойный, казалось, он боится что-то расплескать в себе – такое возникало впечатление. И вот не сдержался, расплескал. – Началась космическая эпоха человеческой истории. Освоение земли – завершённый этап. Земля – колыбель человечества, его младенчество, взрослая жизнь человечества – в космосе. И нам эту взрослую жизнь принимать на свои плечи.

Последняя фраза прозвучала, пожалуй, слишком патетически, но Николай, отметив патетику, принял ее. Он, в общем-то, чувствовал то же.

– Я в одном месте прочитал, выход в космос сделает все народы единой нацией – нацией землян, – сказал Николай. – А единая нация не воюет сама с собой. Освоение космоса означает конец войнам!

– Да? Такое читал? – Берсенёв оживился еще больше. – Интересно. Мне такое не попадалось. А вот представил... так оно, по всей логике, и должно быть.

Уборка замерла – стояли среди вздыбленных на боковины парт и заливались чуть ли не соловьями, уйдя от космоса к философии Льва Толстого в «Войне и мире», от Толстого – к Парижской коммуне, почему она все-таки потерпела поражение, и куда делась односложность, вялость реплик, холодноватая сдержанность Берсенёва?

Но хотя тогда они довольно быстро свернули с разговора о космосе на другие темы, именно космос потом чаще всего был предметом их философических бесед. Особо Николаю запомнился разговор, что произошел у них, когда ходили всем классом в драматический театр и после спектакля возвращались из центра города к себе в район пешком. Что за спектакль смотрели, в памяти не осталось, а тот разговор – буквально по

фразам. От театра до их окраинного заводского района было полных два часа хода, шла уже вторая половина ноября, лег снег, наступавшая ночь все рьянее выхолаживала воздух, и, подгоняемые морозом, шли скорым шагом, чем дальше, тем большие разрываясь на небольшие группки. В группке, где шли Николай с Берсенёвым, было сначала несколько человек, но в конце концов они закономерно остались вдвоем: то, о чем они говорили, других не занимало. Они говорили не о спектакле, который только что посмотрели. Они говорили о съезде партии, что прошел в Москве в минувшем октябре, и о принятой съездом программе построения коммунизма в Советском Союзе. И вот Берсенёв в какой-то миг этого разговора, выдержав перед тем паузу – как будто решаясь, – произнес:

– Но гляди, что мне кажется... Никакой коммунизм как цель не сравнится с космосом. Коммунизм – достижимая цель. Как там в программе? «Все блага польются полным потоком». Полились. И что дальше? Ну, накупался в них. Все равно что наелся. Наелся – и ешь снова. Наелся – и ешь. Это интересная жизнь? По мне, так нет.

– Но вообще, чтобы все жили просторно, не теснясь, хорошо одевались, еда чтоб у всех хорошая – это еще как важно, не будешь же отрицать, – потрясенный неожиданностью сравнения Берсенёва, самой возможностью такой параллели: коммунизм – космос, запинаясь, сказал Николай.

– Отрицать не буду, но это не цель для человечества. – Берсенёв, туго всунув руки в карманы своей черной «москвички» на животе, так что она остро оттопыривалась перед ним, шел своей ровной спокойной походкой, глядя прямо перед собой, словно там, впереди, невидимое никому другому, ждало его нечто, к чему он себя и стремил. – У человечества должна быть цель, которая как горизонт. Чем ближе подходишь, тем дальше отодвигается.

– Горизонт – это то, чего нет! – воскликнул Николай.

– И тем не менее он есть, – не поворачивая к Николаю головы, все так же продолжая смотреть в даль перед собой, произнес Берсенёв. – В этом весь смысл: нет – и есть! Идешь – и не достигаешь. Вечное движение! Космос как объект стремления – идеальная цель для человечества.

Николаю показалось, он понял мысль Берсенёва.

– Но это просто не нужно сравнивать! – снова воскликнул он. – Одно другому не мешает. Пусть блага полным потоком – и освоение космоса. И то, и другое.

– Думать не хочу ни о каких благах. – Теперь Берсенёв наконец повернул голову, посмотрел на Николая. – Что такое блага? Помнишь название статьи Льва Толстого? «Много ли человеку земли надо». Вот. Блага – это оковы. Обрел их – и живи ради них. Жить ради своих окоов? Я не хочу. Космос как цель дает человеку свободу от всех окоов. Это цель без конца и, значит, бесконечная свобода. Во времени и пространстве. А что такое свобода, ты когда-нибудь задумывался?

Он задал вопрос и умолк, продолжая смотреть на Николая, с очевидностью ожидая от него ответа, и Николаю сделалось неуютно под этим его взглядом. Нет, у него были свои представления, что такое свобода, но в вопросе Берсенёва была каверза, Николай так и чувствовал ее, и ему не хотелось попадаться в силоч.

– И что, по-твоему? – нашелся он, как вывернуться.

Берсенёв не стал упорствовать в расставлении силоч.

– Свобода – это власть, – сказал он, вновь обращаясь лицом к тому невидимому, что прозревал его взгляд впереди. – Власть над миром – думаешь, случайно за нее боролись всякие македонские, чингизханы, тимурь? Предназначение человека – властвовать: над природой, космосом, собственной судьбой. Кто властвует, тот осуществился в своем назначении на земле. Кому это не удалось, тот прожил жизнь напрасно.

Софистический подклад в рассуждениях Берсенёва был несомненен, но Николай воздержался уличать товарища в несообразности его умозаключений.

– Но все же не могут властвовать, – сказал он.

– То-то и оно, – отозвался Берсенёв. – Поэтому и нужно пробиться на те вершины, где у тебя будут ключи от власти. Всеми человечеству – власть над космосом, тебе как отдельному индивиду – власть личная.

– Ну уж это как получится, – не удержался, откомментировал Николай.

– А иначе зачем жить. – В голосе Берсенёва была твердая невозмутимая решительность. – Надо прорываться, идти работать на космическую программу. Надо только не промахнуться со специальностью – чтобы наверняка попасть туда.

– У тебя же решено: физтех политехнического или физмат университета, так? – спросил Николай.

– Склоняюсь к последнему. А ты? Давай вместе, чего нет? Боишься, что не потянешь?

Николай и в самом деле думал, что не потянет. Но никакие естественные науки его и не влекли.

– Нет, я на исторический, – сказал он. – Не решил еще до конца, но скорее всего.

– Напрасно, – порицающе качнул головой Берсенёв. – Что такое исторический? Будешь эту марксистско-ленинскую науку долбить. И потом куда? В школу учителем? В райисполком какой-нибудь бумажки перебирать? К освоению космоса – ни малейшего отношения.

– Я стану историком космической эры, – помнилось Николаю, как он ответил тогда Берсенёву, и разговор их на этом оборвался: сзади, улюлюкая и свистя, звеня девчоночьими голосами, налетела целая толпа, засветила в спину сразу десятком снежков, пришлось уворачиваться, отстреливаться. А потом уже до самого своего района снова шли кучей, горлалили всякие песни, что были тогда в ходу; «Зиганшин-буги, Зиганшин-рок, Зиганшин слопал свой сапог. Зиганшин много дней не ел, Зиганшин сильно похудел, Рок, рок, рок, рок-н-ролл» – такое вот что-то пели, и уже к тому их разговору Николай с Берсенёвым не вернулись.

И как-то так вышло – не вернулись и после. Нет, о космосе, о полетах в него, о космическом соревновании с Америкой – об этом говорили. Но вот именно так, как тогда по дороге из театра, – больше нет. Почему-то не получалось. Николай и пробовал возобновить тот разговор, но Берсенёв всякий раз уклонялся от него.

Смешно сказать, но именно тот разговор по пути из театра стал причиной отчисления Николая из университета. Конечно, не буквально, но начало всему было там, в том разговоре. Тот разговор жил в нем, сидел занозой, и, сочиняя перед зимней сессией письменную работу по курсу истории КПСС, он много взял в нее из рассуждений Берсенёва. Вернее, оттолкнулся от них, использовал как топливо – высказал то, что хотелось тогда Берсенёву, и не получилось. Работу было писать совершенно не обязательно, первый курс, первая сессия – еще никаких настоящих курсовых, но тем, кто напишет ее, ставили автоматом оценку за экзамен, и он на свою голову решил заработать себе оценку заранее, заодно и поделившись с миром в лице преподавателя истории КПСС мучившими его вопросами. «Блага полным потоком» в программе КПСС – это, по сути,

ущербная цель, потому что материальная, потребительская, цель человечества должна быть духовного порядка, – вот, если суммировать, с такой затравки он начал свою работу. А дальше он рассуждал о первых христианах, живших коммуна-ми, где все материальное было общее, но не потому, что это было их целью – все обобществить, а потому что их объединя-ла единая цель – жить в соответствии с заветами, которые дал Христос, и получается, они были большими коммунистами, чем современное советское общество, потому как у них была большая духовная цель, а у советского общества согласно Программе ее нет. Они, конечно, заблуждались, написал он, веря в Христа как в Бога («Бога» он, сам не отдавая себе в том отчета – почему, начертал с прописной буквы), но их опыт сле-дует использовать: коммунизм может быть построен лишь тог-да, когда все человечество объединит единая духовная цель, а так как мы атеисты, то такой целью естественным образом становится освоение космоса, который в отличие от земли можно осваивать бесконечно, и, значит, между понятием ком-мунизм и освоение космоса в таком случае можно поставить знак равенства. Некоторая софистичность конечного вывода смущала Николая – как в тех рассуждениях Берсенёва по до-роге из театра, – но он ее простил себе. В конце концов он был не выпускником, а всего лишь первокурсником, не дипломную работу представлял на суд, а просто письменную работу для зачета. Хотя внутренне он был горд своим сочинением. Он, в общем-то, полагал, что его работа, если ее развить, не усту-пит дипломной.

В самом страшном сне не могло ему присниться того, что произошло дальше.

Лекции курсу читал сам завкафедрой, бывший секретарь горкома КПСС по идеологии, перешедший по возрасту на пре-подавательскую работу, ему на одной из последних лекций перед Новым годом Николай и сдал свою работу. Сдал – и стал ждать пряников. И дождался. «Да что вы себе позволя-ете! – вызвав его через день на кафедру, орал завкафедрой, потрясая стопкой исписанных Николаем листков. – Коммунизм с христианством сравнивать! Это диверсия! Вы считаете, мы вам позволим протаскивать такие идейки? Будете отвечать, молодой человек! Я этого вам так не оставлю! На завод, в дворники, в армию! На перевоспитание!»

Групповое комсомольское собрание исключило Николая из комсомола назавтра. На следующий день его исключили из

комсомола на собрании курса. Еще через день, в последний день занятий, решение об исключении было утверждено на заседании факультетского бюро комсомола. Николай пробо-вал объясниться, растолковать руководству факультетского комсомола, что он на самом деле имел в виду, – тщетно, ни-кто не желал его слушать. «Он еще оправдываться решил! Во-обще всякий стыд потерял! На твоём месте правильнее было бы молчать!» – такой хор обрушился на него. Зачеты он уже не сдавал: приказ декана об отчислении из университета по-сле исключения из комсомола последовал незамедлительно.

Возвращаясь домой из университетской библиотеки, где сдавал ненужные ему теперь учебники, в трамвае Николай встретился с Берсенёвым. Берсенёв, пометавшись между физтехом в политехническом и университетским физматом, в конце концов решил поступать в университет, благополучно поступил, и с той поры, как стали студентами, виделись всего пару раз. Исторический и физмат находились в разных корпу-сах, несовпадающий распорядок дня, у каждого эти месяцы шла своя жизнь, и, хотя ежедневно ездили в университет и обратно одним трамваем, ни разу не пересеклись, – удиви-тельно, что столкнулись именно в этот день.

Известие об отчислении Николая Берсенёв встретил со своей обычной хладнокровной сдержанностью. «Действитель-но: христианство – и коммунизм! – отозвался он. – Сравнил тоже. Как можно?» В этой сдержанности, в словах, что про-изнес, было не просто осуждение Николая, – он словно бы поддержал его отчисление. «И что же, из-за этого в дверь пин-ком?» – не удержался, спросил Николай. Берсенёв помолчал. «Ну, если такие правила, что ж тут, – проговорил он потом. – Летом идет дождь, зимой снег. Летом тепло, зимой холодно. И человек приспособливается, шубу на себя надевает. Вот мы же с тобой не в рубашках сейчас едем?» Что-то необыкновен-но убедительное было в его словах, и Николай потерялся, не зная, что ответить Берсенёву. Они и в самом деле ехали не в рубашках, оконные стекла громящего трамвая были в толстой мохнатой наледи, и на каждое слово изо рта выходил клуб пара. «И что, по-твоему, мне теперь делать?» – с этой потерянностью спросил Берсенёва Николай. Берсенёв сно-ва помолчал. Спокойно-невозмутимое выражение его лица, казалось, свидетельствовало, что он знает ответ и лишь го-товился сформулировать его наилучшим образом. «Хорошую характеристику тебе нужно зарабатывать – и летом заново по-

ступать. Только уже не на исторический, конечно. И вообще не в университет. Может быть, в какое-нибудь военное училище?» – «А в военное-то училище зачем?» – Николай удивился. Неожиданно лицо у Берсенёва проиграло живым страстным чувством. «А военные училища сейчас есть – очень сильную академическую подготовку дают. И откуда легче прорваться, чтобы на космическую программу работать, с гражданки или оттуда? У меня сведения есть, что оттуда». – «Ну, мне сейчас не до жиру, – сказал Николай, – мне бы сейчас быть живу». «Зарабатывай хорошую характеристику, – вновь обретая свое обычное бесстрастно-невозмутимое выражение лица, ответил Берсенёв. – Без характеристики никак никуда».

Без характеристики было никак и никуда, без характеристики приемные институтские комиссии просто не принимали документы на сдачу вступительных экзаменов, но получить характеристику Николаю не удалось – ни хорошую, ни плохую. Он работал на машиностроительном заводе шлифовщиком, только что, после нескольких месяцев ученичества, сдав на разряд, едва вырабатывал половину положенной нормы, и начальник участка, у которого положено было взять характеристику, когда пришел к нему с просьбой о ней, изобразил всем своим обликом изумление: «Характеристику? В институт? Только на разряд – и уже драпать?» Но все же он пообещал дать характеристику – не мог он отказать, обязан был дать, – только попросил не дергать его, когда сможет сесть за нее, тогда и сядет. Начальник участка не написал характеристику ни через неделю, ни через две, Николай его все же дернул – и получил нагоняй. А когда до сдачи документов остался день и Николаю не оставалось ничего другого, как заявиться к начальнику вновь, тот лишь свирепо зарычал на него: где шлялся! кто такие вещи в последний день делает!

Так Николаю и осталось неизвестно, специально начальник проволынил с характеристикой, не желая терять только что обретенного, пусть и не слишком квалифицированного работника, или в самом деле не сумел выкроить времени, чтобы сесть за нее. И к кому было идти жаловаться? Ладно, сказал начальник участка, отправляя его от себя, в следующем году поступишь. Полезно в рабочем соку повариться.

Если начальник участка поставил Николаю подножку на пути к институту нарочно, то расчет его оказался недальновид-

ден. В сентябре Николаю согласно Закона о воинской повинности пришла повестка. И тут уже начальник ничего сделать не мог. Против военкомата он был бессилён. И никакой характеристики для армии не требовалось.

Устраивать себе проводы в армию, собирать бывших одноклассников Николай не стал. Почти все, во всяком случае, с кем он водился, учились, а он и не учился, и еще на три года шел отдавать долг отечеству! Но Берсенёву о предстоящем повороте в своей жизни он сообщил. И целый вечер, как, случилось, в год, когда сдружились, бродили по улицам и говорили, о том о сем – обо всем, и Берсенёв, хотя по-обычному держал себя с холодноватой сдержанностью, был открыт, ясен в словах, прямодушен. Вечер стоял прохладный, но сухой, опавшие сухие листья звучно шуршали под ногами, какая-то пронзительная ясная осенность была разлита в воздухе – чудный вечер. О чем только не говорили в отличие от прошлых таких своих прогулок – это о космосе и новых полетах в него. Как-то та неизвестность, что дышала в лицо Николаю, не располагала к тому.

Три года оказались куда длиннее, чем думалось. Было ощущение – попал в некую жидкую, подобную воде, среду, чтобы удержаться в ней, не утонуть, следовало постоянно находиться в движении, но сколько ни колотил руками-ногами – никуда не плыл, все это было барахтаньем на одном месте. Жизнь остановилась, казалось, ты – это не ты, а кто-то другой, непонятным образом влезший в твое обличье. Ты же настоящий, вытесненный из самого себя, обитал неизвестно где, непонятно как и лишь ждал конца службы – чем ближе к нему, тем нетерпеливей и со все возрастающим ужасом: удастся ли вновь вселиться в себя? Однако же тот, что жил все три года в его обличье, помнил о своей временности и что по окончании армейского срока должен уступить место законному хозяину, и когда ему было предложено вступить в комсомол, тотчас согласился, утаив, что законный обладатель имени уже состоял в комсомоле и исключен из него. Временщик готовился уступить место законному обладателю имени и готовил для него спасательный круг. Куда было без комсомола. Без членства в комсомоле о достойном возвращении в прежнюю жизнь нечего было и думать.

К концу второго года вся переписка, которую Николай вел, кроме как с родителями, сошла на нет. Один за другим его корреспонденты переставали отвечать ему, и перестал писать им

он. Прервалась переписка и с Берсенёвым. Правда, Берсенёву он еще некоторое время, как тот перестал отвечать, писал, но потом прекратил.

Чувство обиды на него было сильнее, чем на других. Но все же некоторое время спустя, как демобилизовался, Николай позвонил Берсенёву. Не пошел к нему, как сделал бы раньше, трень-трень в дверь – и здравствуйте, а позвонил. Берсенёв с матерью жили в коммуналке, и то, что трубку сняла соседка, было ожидаемо. Но вот того, что она сообщила, Николай не ожидал. В комнате Берсенева жили теперь другие люди. А они с матерью получили отдельную квартиру и уехали отсюда. «Куда? – переспросила соседка. – А понятия не имею! Мне все равно». Может быть, соседка и знала их новый адрес, но ей доставило маленькое удовольствие не сообщить его Николаю: отношения между нею и матерью Берсенёва были враждебные.

Однако же несколько месяцев спустя они встретились с Берсенёвым. Повольничав недели две, Николай устроился на работу – на свой прежний завод, в свой прежний цех, и даже станок, к которому его поставили, оказался тот же, на котором работал до армии, – начал ходить на вечерние подготовительные курсы, чтобы освежить в памяти школьные знания, покрывшиеся за три года армейской службы слоем лунной пыли, а в первую субботу февраля, как ни корежило все внутри при мысли о встрече с бывшими соучениками (все уже заканчивали институты, защищали дипломы, а он только на подготовительных!), вечером вместо занятий на курсах отправился в бывшую школу на «традиционную встречу».

Первый, кого он увидел из «своих», была математичка Мария Сергеевна, бывшая у них в десятом классе классным руководителем. И тут же он получил от нее заушину. Она была небольшого роста и вся такая крепко сбитая, плотная, с угрюмо-насмешливым выражением лица, и под стать своему облику – насмешливая и крепкая на слово. «О, а вот и наш защитник отечества появился, – сказала она Николаю вместо приветствия. – Вот уж не ожидала: чтобы ты – и в армию. Полагала, уж не профессором, так доцентом-то будешь». – «Буду еще доцентом, буду, – заставляя себя улыбаться, ответил Николай. – Все впереди». – «Впереди те, кто знает, куда бежать. А кто не знает, тот позади», – ответила Мария Сергеевна.

Берсенёва он увидел чуть не последним из своих. Зрительская часть актового зала была отдана под танцы, дина-

мики гремели музыкой, и кто хотел поговорить, теснились на сцене. Берсенёв был тут. Хотя ни с кем разговаривал, а стоял, с заложёнными за спину руками, у дальней стены, скрытый оживленной толпой беседующих – не прячась и не таясь, но словно бы желая быть как можно меньше заметным, – наблюдал за залом и, несомненно, давно увидел Николая, однако не стронулся с места, ждал, когда Николай сам подойдет к нему. В том, как он подал руку для приветствия, была не прежняя его ровно-невозмутимая сдержанность, а сухость, он как бы проводил границу между собой и Николаем, отстранял его от себя. «А, да, мы же переехали, – сказал он без всяких эмоций, с той же сухостью в голосе, что была в его обращении, когда Николай спросил его, почему Берсенёв не отвечал ему. – А соседка, видимо, твои письма просто выбрасывала». – «Что диплом? – спросил Николай. – Написал?» – «Ты разве не знаешь? – вопросом ответил Берсенёв. – Я же ушел из университета». Николая оглушило. «Отчислили?» – невольно спроецировав свою ситуацию на случай Берсенёва, спросил он. «Нет, сам ушел. – В ровно-спокойном голосе Берсенёва прозвучала интонация особого уважения к себе. – Сдал сессию – и подал заявление». – «Почему? – Николай все не мог прийти в себя. – И что теперь? В армию ведь заберут». На лице Берсенёва, впервые за весь их разговор, появился намек на улыбку. То есть это и была улыбка, но до того слабая – намек, иначе не скажешь. «Не заберут, – отвечивал он. – У меня и так погоны. Пока курсантские. Будут офицерские. Я сюда на каникулы к матери приехал. Еще два дня – и обратно в училище».

Вот когда Николая оглушило по-настоящему: сейчас. Три года армейской службы привили ему глубочайшее отвращение к погонам, он не мог представить, как можно добровольно надеть их на себя.

«А я армейским офицером быть не собираюсь, я буду офицером госбезопасности. Это другое дело, – с прежней интонацией особого уважения к себе ответил на его потрясенное восклицание Берсенёв. – Заканчиваю училище – и в Новосибирскую школу КГБ, все определено, направление мне дают». Теперь Николай растерялся. То, что сообщил Берсенёв, было уже совсем вне его понимания. «А как же... а космос как объект стремления человечества... прорваться, работать на космические исследования... свобода от всех оков, – стыдясь своего косноязычия, но по-другому не получалось, вспо-

минал он откровения Берсенёва в том их давнем разговоре по дороге из театра. – Ты же хотел... блага – прах... свобода – и власть над миром... Намек на улыбку, что едва заметно оживлял лицо Берсенева, неуловимо растворился в прежнем выражении холодно-суховатой невозмутимости. «Так ты тоже не пошел в космические исследования. Вот и я, – сказал он. – А потом... – Он сделал паузу и продолжил, словно перескочив через попавшуюся на дороге небольшую канавку. – Потом в те мои рассуждения вкралась существенная ошибка. Что простительно. Мальчишками ведь совсем были». – «Какая ошибка?» – без нужды, так не терпелось услышать откровение Берсенёва, поторопил Николай. Берсенёв слегка поморщился. Понукание Николая было ему досадно. «Власть достигается не свободой, – сказал он. – Все ровно наоборот: власть – это свобода, вот как. И устремление человечества в космос тут ни при чем. Власть над космосом не дает отдельному индивиду никакой личной власти».

Опровергнуть утверждение Берсенёва, что власть – это свобода, не стоило ничего, но Николай вдруг почувствовал, что не хочет длить их разговор. Того Берсенёва, с которым они так неожиданно сошлись тогда в начале десятого класса, не было, а с этим нынешним у них все было чуждое. Какая жалость, что они встретились. Лучше бы не встречаться и помнить его тем, прежним. А ведь ради этой встречи, осознал он в тот миг, надеясь на нее, он и пришел на традиционную встречу.

– Ладно, – сказал Николай, – пойду с девочками нашими потанцую. Увидеться и не станцевать – нехорошо. Поговорим еще.

– Поговорим, – согласился Берсенёв.

Но за весь вечер так больше и не подошли друг к другу. Даже и не попрощались.

Летом Николай послал документы в Московский университет, с характеристикой не возникло никаких проблем – он теперь снова был комсомольцем и смог надавить на начальника участка через комсомольского секретаря цеха, – в августе поехал в Москву, благополучно сдал экзамены и, через пять лет после окончания школы, во второй раз стал студентом исторического факультета. Оценки за экзамены были у него похуже, чем у толькошних школьников, но отслужившим в армии полагалась льгота, и набранных им баллов вполне хватило, чтобы его зачислили в университет.

Спустя десять лет Николай имел постоянную прописку в Москве, был женат, имел двух детей, сына и дочь, работал преподавателем истории в школе, закончил заочную аспирантуру, сдав кандидатский минимум, стоял в очереди на защиту написанной диссертации по истории Великой русской смуты начала семнадцатого века, ждал публикации в специальном журнале второй статьи и места младшего научного сотрудника в научно-исследовательском институте.

У него было «окно» между двумя уроками, и, сидя в пустой учительской, он проверял тетради с полугодовой контрольной. Раздавшийся в учительской телефонный звонок вызвал реакцию раздражения: нужно было отрываться от тетрадей, вставать, идти к столу в дальнем углу, где стоял телефон, чтобы наверняка сделать вразумление бестолковому родителю, что звонить следует в перемену, сейчас все учителя на уроках, когда перемена – легко подсчитать... Школа номер такая-то, подняв трубку, проговорил в нее Николай. К его удивлению, мужской голос, что звонил, попросил к телефону его.

– Да я и слушаю, – не сумев скрыть удивления, ответил Николай.

– Это тебе Берсенёв звонит, помнишь такого? – произнес в трубке голос, и Николай тотчас узнал его – это был он, товарищ последнего школьного года.

– А, привет! – постаравшись обыденно, но на самом деле с внутренним потрясением отозвался Николай. Помнил ли он Берсенёва! Конечно, помнил. Но вместе с тем Берсенёв ушел из его жизни, не существовал в ней, как, несомненно, не существовало в берсенёвской жизни его, Николая, зачем Берсенёв позвонил ему?

– Вот перевелся в Москву, звоню сейчас всем, кого знаю, оповещаю. – Берсенёв говорил точно в той же манере, что прежде – со сдержанной ровной невозмутимостью, – но теперь в голосе добавилось как бы тяжести, голос свидетельствовал о том, что его обладатель не последний человек в обществе, знает это и хочет, чтобы знали другие.

– И что, где работаешь? – спросил Николай. – Все получилось, как хотел?

– Получилось, – коротко подтвердил Берсенёв.

– В КГБ работаешь?

– В контрразведке, – с прежней короткостью, но как бы желая исчерпывающей ясности, ответил Берсенёв.

У Николая в груди заныло. Словно острая спица просадила насквозь грудную клетку. Два года назад у него были неприятности с организацией, к которой принадлежал Берсенёв, пришлось даже срочным образом продать горячо любимую «Колибри», шрифт которой засветился в арестованном у приятеля самиздате. Случаен ли был звонок бывшего школьного товарища?

– Генерала не выслужил? – решил он погасить вспыхнувшее чувство опасности шуткой.

– В нашем возрасте генералами становятся только во время войны. – Ответ Берсенёва оказался произнесен с неожиданной серьезностью. – Майор.

– Не жалеешь, что не стал естественником, не занимаешься космосом? – сюрпризом для самого себя вырвалось у Николая.

– Ни мгновения. – Берсенёв, там, на другом конце провода, казалось, оживился – точно так, как тогда, когда убирали класс и Николай заговорил с ним об его отношении к новому космическому полету. – Я эти исследования пасу. Ими и занимаюсь. Только со стороны кадров.

Зачем он звонит, зачем звонит?! – стучало в Николае. Неужели и в самом деле лишь для того, чтобы оповестить о своем переезде в Москву?

– А как ты узнал, где я работаю? – спросил он. – Это не домашний телефон узнать.

– Ну, у меня все же возможности. – Голосу Берсенёва вернулась прежняя спокойная серьезность. – А домой звонить что же... дом есть дом. Ты запиши мой служебный на всякий случай.

– Записываю – проговорил Николай, не беря ни бумаги, ни ручки. И только Берсенёв закончил диктовать, принялся прощаться: – Спасибо, что позвонил. Рад был тебя услышать. – Положил трубку и больше уже, до самого звонка на перемену, не притрагивался к тетрадам. Зачем он звонил, зачем звонил? – все так же стучало в нем метрономом.

Но, может быть, все же Берсенёв звонил просто так и ждал предложения встретиться, продолжал Николай анализировать их разговор, возвращаясь домой. Если бы не просто так, а по делу, то предложил бы встречу сам и настаивал на ней... Николаю стало стыдно, что, по существу, отказал Берсенёву в том, чтобы увидеться, оттолкнул от себя. Но чувство

вины жало его считанные минуты и вскоре ушло. Нет, что между ними было теперь общего? Ничего.

Больше Берсенёв не звонил, время шло, и Николай забыл о нем.

Умерли один за другим три престарелых генсека, пришел новый, молодой, начались перестройка и гласность, можно стало говорить о вещах, о которых раньше невозможно было и помыслить, на улицах стали собираться митинги – в воздухе запахло чем-то таким, что напомнило Николаю начало 60-х, когда был старшеклассником и полетел в космос Гагарин, полетел Титов, а КПСС приняла программу построения коммунизма... Запах перемен, запах новой, лучшей жизни – вот что это был за запах. Николай работал старшим научным сотрудником в одном не слишком значительном, но вполне респектабельном институте, на пороге была защита докторской, дети подрастали, жадно интересовались всем происходящим вокруг, жена здорова, из коммуналки удалось вырваться, переселясь в отдельную квартиру, – все у него было устроено в жизни, все в порядке, грех жаловаться, и каждый день поднимался с постели с ощущением: дождались, дожили, теперь будет только все лучше и лучше, теперь свечой вверх, как ракета.

Того, как все вышло, никто не ждал. Страна раскололась, как глиняный кувшин на черепки, деньги обесценились, от того, что лежало в Сбербанке, через два месяца не осталось и копейки, зарплата превратилась в песок, утекающий сквозь пальцы за неделю, а в месяце их оставалось еще три. Жена вечером каждый день приговаривала: «Чем я вас завтра буду кормить...» – так ему стала ясна этимология слова «завтрак». Ходить обедать в столовую стало не по карману, и Николай теперь, как шахтер в шахту, брал с собой из дома «тормозок» – бутерброд с куском колбасы, бутерброд с куском сыра, бутерброд просто с маслом. Коллеги рядом «тормозили» точно таким же образом. Тормозили год, тормозили другой, тормозили третий... Почему все случилось так, а не иначе? Анализируя происшедшее, Николай приходил к выводу, что прав был сто лет назад его тезка Костомаров, когда говорил, что Россия проходит через периоды смут и выходит из них абсолютно той же, какой была до того. Защита докторской и публикация ее, приспособленной для массового чтения, в виде книги, где Николай, как ему представлялось, вскрыл новые мотивации разгорания Великой смуты, не принесли никакого изменения

жизни: камень бултыхнулся в воду и исчез, оставив по себе на поверхности быстро угасшие круги. Всех вокруг интересовало и заботило одно: деньги. Все стало несущественно, кроме звона монет. Все неважно. Все не нужно.

Впрочем, в иных карманах этого звона было в достатке. Открывались дорогие рестораны, невиданные прежде ночные клубы, казино, улицы стали заполняться машинами иностранных марок, вывески «Антикварный магазин», «Ювелирный салон» встречались в людных местах чаще, чем «Продукты».

Незадолго до Нового, 1998 года Николай обретался в одном из таких антикварных магазинов на пешеходном Арбате, густо утыканном «старинными» фонарными столбами, ждал перед массивной, барски блистающей матовым коричневым лаком дверью с табличкой золотом по серебру «Прием на комиссию» своей очереди зайти внутрь. В кармане, проверенные на исправность в часовой мастерской около метро «Добрынинская», на которую указали в первый его приход в этом же магазине, лежали в мягком чехольчике из коричневой замши доставшиеся ему в наследство карманные золотые часы деда. Под отщелкивающейся задней крышкой по окружности донца затейливой вязью была выгравирована надпись, свидетельствующая, что часы – памятный подарок его деду в день тридцатилетия от сослуживцев. Проставленная дата упрямо напоминала о времени, когда это произошло: 10-й год. Начало века, четыре года до Первой мировой, семь лет до джонридовских десяти дней, которые перевернут мир. Дед тогда был моложе его нынешнего чуть не вдвое. И сохранил часы, не продав их ни во время гражданской, ни в голодное начало 30-х, сумели сохранить их и родители, а он вот продавал. Жене предстояла операция, грядущие траты ужасали своими космическими масштабами, денег по знакомым удалось назанимать сколько нужно, но их же следовало потом отдавать, а отдавать было не из чего. Его зарплаты старшего научного сотрудника едва хватало на еду, заработка детей-студентов едва хватало им на их скромные развлечения.

Он сидел перед приемщицей в комнате, смотрел, как приемщица, быстро бегая по листу квитанции шариковой ручкой, вносит туда его данные, когда дверь растворилась и в комнату, расстегивая на ходу пуговицы длинного кожаного пальто, подбитого мехом, вошел человек – хотя и с улицы, явно свой здесь, даже с такой властной хозяйскостью в движениях. Его, Николаева возраста, с сухим сероватым лицом, но как-то не-

обыкновенно гладко и чисто, словно бы глянцево выбритым, во взгляде его, брошенном мельком на Николая, прочитался тот безразличный интерес, какой мог быть проявлен к любому вновь появившемуся в комнате предмету. Приемщица, только он вошел, прекратила заполнять квитанцию и, вся распахнувшись в улыбку, поднялась ему навстречу.

– Здравствуйте, здравствуйте, вот неожиданность! – пропела она. – Что же не позвонили?

– Здравствуйте, – назвав ее по имени, сдержанно отозвался вошедший, в отличие от нее без всякой улыбки. – Мимо проходил, решил зайти. Появилось, что меня интересовало?

– Ой, ну что вы, я бы вам тут же сообщила! Нет, пока нет, – все так же пропела приемщица.

Вошедший, между тем, подойдя к ее столу, цепко смотрел на лежавшие рядом с заполненной наполовину квитанцией вынутые из чехла часы Николая.

– Нет, тогдашний ширпотреб, – произнес он затем, оторвал взгляд от часов и посмотрел на Николая, сидевшего под ним на стуле. Они встретились взглядами, и Николай прочел в его взгляде прежний бесчувственный интерес, только теперь приправленный знанием того, с чем тут этот одушевленный предмет появился. – И во сколько оцениваешь? – беря со стола у приемщицы квитанцию, проронил он. Впрочем, это был вопрос для себя – для того квитанция и была взята им в руки, чтобы посмотреть, во сколько магазин оценивает часовой ширпотреб без малого столетней давности.

Когда он спустя несколько мгновений вновь обратился взглядом к Николаю, Николай увидел на его лице совсем иное выражение, чем до того. Теперь это было выражение живого интереса к нему.

– Что такое? – спросил Николай в ответ на этот его взгляд. – В чем дело?

– Да, конечно, – не отвечая Николаю, проговорил вошедший, продолжая глядеть на него, нет, не глядеть – вглядываться. – Это ты. Сколько бы лет ни прошло, а основные черты лица сохраняются.

Через пять минут, получив в обмен на оставленные в магазине дедовские часы листок квитанции со своим именем и паспортными данными, Николай вышел из магазина на улицу в сопровождении Берсенёва.

– И что ты, часто здесь появляешься? – спросил Николай,

когда они, выяснив куда кому, двинулись в сторону Арбатской площади. – Постоянный покупатель?

– Захожу, – сказал Берсенёв. Особо словоохотливее за минувшие годы он не стал, но вот интонация властной значительности, что прежде лишь промелькивала в голосе, теперь словно отлилась в металле. – Столько вещей всплыло, которые раньше по углам пылились. Они людям и не нужны были, а они хранили. Полезли на свет из всех щелей.

– Можешь себе позволить?

– Позволяю, – коротко ответил Берсенёв.

Николай вспомнил: так же коротко тогда, тридцать лет назад, на традиционной встрече в школе, отвечал Берсенёв на вопрос, когда тот чем-то теснил его. Но удержаться от распросов было невозможно.

– Все там же работаешь?

– Там же, – подтвердил Берсенёв.

– У вас вроде невысокие зарплаты сейчас.

– Это верно, – снова подтвердил Берсенёв.

– Как же тогда... – начал Николай, Берсенёв прервал его:

– Ты доктор наук, зачем такие вопросы? Докторская степень подразумевает интеллект.

Это было не только высокомерно, но и оскорбительно. Николай остановился, вынудив остановиться и Берсенёва.

– Какого хрена? – проговорил он. – Я тебя не просил узнавать меня. Или ты все же генералом стал, привык так?

– Стал, – кивнул Берсенёв. Ублажительная усмешка промерцала в его глазах. – Форменные брюки с лампасами есть. Редко только надеваю. Такая служба.

– Вот и иди, служи дальше, – сказал Николай. Развернулся и пошел обратно, в сторону, противоположную метро, – откуда они пришли и куда ему совсем не было нужно.

Морозило, ветер в лицо, струи поземки навстречу – ужасно ему не хотелось идти в эту сторону, но идти в нужную сторону в компании друга школьных лет не хотелось куда больше. Когда отшагал пару десятков метров, нестерпимо – как зазудело – захотелось повернуться, посмотреть: что Берсенёв, стоит смотрит вслед или двинулся дальше? – однако удержал себя, не оглянулся.

– Выручи, помели языком за меня, у меня не получается, – попросил директор.

– Что у тебя случилось, почему вдруг не получается? – Желания идти вместо директора на запись к телевизионщикам не было никакого. Полтора-два часа бессмысленной говорильни, да дорога туда-обратно – полдня потерянного времени. – Откажись тогда, и все.

– Отказывался, отказывался! – вознегодовал директор – неизвестно на кого. – Но они на коленях просят замену: запись прямо сейчас, а без историка никак. Съезди. Тем более что разговор какой: русская смута, – твоя тема.

Директор института был приятель еще студенческих лет, и отказать ему Николай не мог. Оставалось только поерепениться для самоуважения.

– Что у тебя не получается? – с ворчливостью повторил он свой вопрос. – Пожар у тебя?

– Пожар! – пренебрежительно отозвался директор. – Что пожар... Опять на нас наезжают. Отдай здание, а то хуже будет.

– А мы куда же? – инстинктивно поинтересовался Николай

– А мы к ним в уголок, как арендаторы. Они милосердные ребята.

– Это кто же такие? – Николай продолжал расспрашивать, но без увлеченности – ему было все равно: в уголок, так в уголок. Его уже давно перестали волновать наезды рейдеров.

– Слишком, к сожалению, серьезно на этот раз. – Директор вздохнул. – ООО «Космическая заря» ничего тебе не говорит? Там у них во главе какой-то крутой чин. Я навел справки – несколько крупных объектов по Москве сожрали и не подавились. Гэбешники! Делают что хотят. У тебя, кстати, нет каких-нибудь влиятельных знакомых в тех сферах? Против лома – один прием: другой лом.

Николай честно покопался в памяти, но нет, память глухо молчала. Лишь неожиданно вспомнилась двадцатилетней теперь давности переделка пушкинского послания декабристам: «Товарищ, верь, пройдет она, так называемая гласность. Придут другие времена. И вот тогда госбезопасность припомнит ваши имена!»

Только уже летя в предоставленном директором служебном «Мерседесе» в студию на шоу, Николай вспомнил, что у него есть знакомый «в тех сферах» – Берсенёв. Но не обращайся ведь к нему. Да он уже, конечно, и в отставке: шестьдесят лет – кажется, предельный возраст для службы там.

В разговоре, кроме Николая, участвовали еще двое: молодой писатель – но очень уверенный в себе, с манерами маститого, – и космонавт, которого мало кто знал, и Николай не знал тоже, хотя как раз вполне заслуженный, дважды побывавший в космосе, во второй раз проживший на орбитальной станции вместе с американцами чуть не полгода. Тема была – «Русская смута: закономерность или случайность», при чем тут космонавт – не понятно, видимо, чтобы расцветить шоу, и космонавт его «расцветчивал», постоянно вплетая в разговор свою профессиональную нить.

– Специалист по «смутам», – говорил писатель, небрежно кивая в сторону Николая, – считает, что смуты неизменно наносили русскому обществу колоссальный урон и были непродуктивны. Это замшелый коммунистический взгляд. Оглянемся: сколько нового и необычного мы получили в результате того, что можно определить как нынешняя смута...

– Нет, я не могу согласиться, – торопливо брал слово космонавт, едва писатель смолкал. – Взять даже нашу космическую отрасль. Мы летаем, да. Проводим исследования, выходим в открытый космос, устанавливаем там всякую аппаратуру. Но нет прорывов! Нет новых идей! Новых проектов! Мы не развиваемся. Из-за чего? Прежде всего, из-за того, что недостает денег. А денег почему нет? Известно почему!

– Да потому, что идеи «космической эры» были бредом! – попавшись на крючок космонавта, с горячностью бросался обглаживать подsunутого червячка писатель. – Какая «космическая эра»? Слетали на Луну пару-тройку раз – и все, что там делать, на Луне? Здесь, на земле надо обустроиться. Вот вы, – уже напрямую обращался он к Николаю, – немолодой уже человек, вы, несомненно, помните, как эта «эра» начиналась, помните ее атмосферу, вы можете сейчас признать, что все это было утопией вроде коммунизма?

«Немолодой человек» – такое, конечно, ласкало Николаю слух, но ему ничего не оставалось делать, как пристраиваться к тому же червячку, которого уже поглотил писатель.

– Я не вижу, какое отношение имеет ваш вопрос к нашей теме. Но если отвечать... нельзя проводить параллель между идеей движения в космос и идеей коммунизма. Это совершенно разные идеи. Коммунизм – материалистическая по своей сути цель, стремление в космос – можно сказать, идеалистическая. Потому что такой земной, вещной конкретики в ней

нет. Исключая, конечно, тех атеистов, которые ставили задачей показать человечеству, что Бог там не обитает.

– Да, бога мы там не обнаружили, – подал, улыбаясь, реплику космонавт.

Он был симпатичный человек, держался в отличие от писателя скромно и, должно быть, хотел поддержать своим ответом Николая, как бы принять его сторону, но в Николае его слова вызвали протест.

– А почему вы должны были его там увидеть? – спросил он. Уже несколько лет он постоянно ходил в церковь, исповедовался и причащался, это обращение произошло с ним вскоре после операции жены – без его воли, само собой, он даже пытался поначалу противиться ему, но безуспешно. – Вы же были в космосе материальном. За пределами земли – да, но оставаясь в веществе. Вы что, считаете, Бог материален? Бог нематериален. В церкви есть понятие духовного мира. Который никак не материя. И как далеко от земли ни улети в космосе, Бога там не найдешь нигде.

– Так получается, вы считаете, освоение космоса – то же, что построение коммунизма! – уличающе воскликнул писатель.

Разговор пошел вразнос, бесповоротно переключившись на тему космоса, и ведущий с трудом вырулил его обратно к смуте. Однако удивительным образом крючок этот, заброшенный космонавтом, зацепил довольно крепко, и, когда запись шоу, наконец, закончилась, перебрались из студии в редакторскую комнатку и сели выпить перед дорожкой по чашке чая, всех снова потащило на космическую тропу. Словно в каждом было задето что-то сущностное, важное. И почему-то, возможно, потому что был старшим в компании, обращались с вопросами в основном к Николаю. А вы полагаете? А вы думаете? И писатель, очутившись не перед камерами, тоже оказался нормальным парнем.. Сидели, говорили и даже не хотелось подниматься.

Космонавт подвез Николая до метро. И оставшись в одиночестве, качаясь в гремящем поезде, Николай все не мог освободиться от разговора – не о смуте, а именно этого, о космосе, – все вертелось в голове мысли, которые не сумел высказать или высказал не так, как бы следовало, ехал и читал про себя монолог: прав, конечно, этот молодой писатель, человек привязан к земле навечно, как бы ни стремился в космос, но если не произойдет катастрофы, он непременно

будет стремиться в космос, как в свою пору, не зная того, что его там ждет, стремился в Америку, свобода, однако, на самом деле, не в стремлении в космос, свобода – в стремлении к Богу, в желании открыть его для себя, а себя ему, и когда это, наконец, случится с человечеством, то ему откроется настоящему и космос, весь, до последних пределов, и человек сможет освоить его, пронзая его пространства за считанные мгновения... Странное было возбуждение, необычное.

И никак не оставляло и дома. Он поужинал, посмотрел новостную программу по телевизору, сыграл с женой партию в «риверси», которые она обожала и принуждала его играть каждый вечер, отправился к себе за стол, включил компьютер, открыл файл с работой, которой сейчас занимался, но нет, ничего не получалось, не мог сосредоточиться, мысли расплзались – какая-то галиматья вылезала на экране из-под пальцев. Он встал, прошелся по кабинету, снова сел за стол и вышел в интернет. На работу сегодня рассчитывать не приходилось. Побродить по своему «Избранному», почитать, что где пишут, узнать новости – и ладно, день закончен, можно сыграть с женой еще партию в «риверси».

Главной страницей у него открывался «Яндекс». И когда поисковик открылся, вместо того, чтобы пойти на информационные сайты, Николай, неожиданно и сам для себя, вбил в поисковую строку имя космонавта. Познакомился с его биографией, со статьями о нем, вбил имя писателя – узнал, с кем дискутировал. Поразительная все же была эта вещь – компьютер, интернет – вот уж космос так космос, только виртуальный, но тоже без берегов, без пределов. «Космическая эра» – слова, которые произносил писатель, – пальцы снова набрали словно бы сами собой. Что там писали-говорили об этой «эре», что о ней думали бесплотные обитатели виртуального космоса?

Но на самом деле, когда поисковая система высыпала на экран первую страницу с запрошенным словосочетанием, оказалось, что непонятным образом пальцы вместо «эра» набрали «заря». «Космическая заря» стояло, выделенное жирным шрифтом, в выданных текстах. Почему он набрал «космическая заря», что за странность.

Николай уже собрался убрать в строке поиска «заря» и заменить «эрой», как словно бы некая догадка шевельнулась в нем. Даже не догадка, а промельк ее, исчезающий след. И пока он не истаял совсем, Николай торопливо побежал глазами по строкам. И, добравшись до тех, где выделенные жирным

слова стояли в соседстве с тремя «ООО», щелкнул курсором. Ему открылся сайт этого общества с ограниченной ответственностью. А еще через пару-тройку щелчков на экране перед ним было лицо главного учредителя. Если бы тогда они не встретились в антикварном на Арбате, Николай не узнал бы своего бывшего школьного товарища. Но они встретились, отпечаток его лица сидел в памяти, как вбитый гвоздями, и Николай узнал Берсенёва мгновенно.

«Надо же!», «Вот это да!», «Твою мать!..» – одним мятым тугим комом стояло в нем, но все это было невозможно выговорить одновременно, как сказать? – и он просто смотрел на фотографию товарища школьных лет, смотрел и молчал.

Николай ТРУХАНОВ

ВОЯЖ

*Приключения Киры
по пути в Австрию и
на горнолыжном курорте*

Рассказ

С трепетом захожу к шефу. В руках у меня заявление на отпуск. И я очень боюсь, что услышу обычное и короткое «Нет». Он не разрешает отпуска без содержания, даже если причина более чем уважительная, никогда не отпускает вне графика, не принимая ссылок на то, что уже куплена путёвка или даже билеты... Очень симпатичен, но по-деловому немногословен. У нас он работает недавно, и поэтому его пока все побаиваются. Я тоже. Сегодня же он выглядел как абрикос, у которого вот-вот должны распусться почки.

– Все рвутся в отпуск летом, а вы – зимой, – больше он ничего не сказал, но заявление подписал.

Мы были с ним схожи: о нём, о его личной жизни (женат-неженат), об увлечениях ни одна женщина (и я в том числе) так ничего и не узнала; я тоже о себе не распространялась, хотя и пришла в эту фирму значительно раньше. И никогда и никому не говорила, как и где хочу провести отпуск. По секрету: в этот раз я лечу с друзьями в Австрию! В Австрию!

В прошлом году, в начале сезона Димка – он мой лучший друг (просто друг), – пошутил:

– А слабо нам в Австрию смотаться? Снега там навалом!

Поначалу его слова так и восприняли, как шутку. Я же загорелась и смогла увлечь Славку с его женой Валею. А Димку и уговаривать не пришлось. Ну, если Димка решил поехать, то Ира и подавно. И почему он, глупый, не обращает на неё внимания, не видит, что она любит его. А она и красивая, и умная, и готовит прекрасной... Только зря считает меня конкуренткой.

Чем ближе подходил день отлёта, тем больше я волновалась, тем сильнее замирало сердце. Постоянно нервничала:

как же – впервые лечу за границу! А вдруг где-нибудь забастовки, а если рейс задержат, а... Этих сомнений набиралось всё больше и больше. Димка успокаивал меня:

– Вот увидишь, ко дню вылета всё образуется, – это успокаивало, но ненадолго.

– А где и как там будем жить? А можно ли будет готовить самим? А...

Когда выгружали лыжи и наши дорожные сумки из машины, у моей сломалось колёсико. Кто-нибудь пробовал таскать тяжеленную мягкую сумку на одном колёсике? А мне ещё и рюкзак, и лыжи тащить пришлось. Надо было, как у Иры и Димки, жесткую купить. Теперь вот мучаюсь! Вот так, с самого начала не задалась моя поездка.

Пассажиров на регистрации было совсем мало – мы, мягко говоря, несколько припозднились.

– Побыстрее, побыстрее, пожалуйста! – поторапливали нас служащие аэропорта.

Пока мои друзья оформляли багаж, я, наслышавшись о том, что часто вскрывают чемоданы, под скептические взгляды некоторых лиц обматывала свою сумку скотчем (пусть теперь кто-нибудь попробует её расстегнуть!). Ух, с каким настроением я виток за витком накладывала липкую ленту на ткань сумки! Мотала, мотала...

– Билет и паспорт приготовила? – спросил Димка (он, зная о некоторой моей рассеянности, опекает меня).

– Ах, да, – вот же, проклятая моя суетливость: документы – в карманчике, через который уже намотано несколько слоёв скотча. Я принялась судорожно отдирайте то, что всего минуту назад торопливо накрутила. Какая же она прочная, эта лента!

– погоди, – отодвинул меня Димка.

Ножницами – где он их только успел раздобыть, – разрезал скотч. И, когда я достала из сумки документы, положил на весы мой рюкзак, лыжи, взялся было за ручки сумки...

– Оп-па, а что это она... прилипла? – удивился он, с трудом отдирая сумку от пола. Потом, приглядевшись, – Э-э, Кирка, ты как скотч-то мотала?

– Как мотала? Мотала и всё. А что?

– Так ты же его клеим наружу... Ну, ты и даёшь!

Красная от стыда я срезала и отдирала ленту, буквально кожей ощущая ироничные улыбки окружающих.

Дежурная, отодвинув билет в сторону, взяла только мой

паспорт, глянула в него, что-то там посмотрела на компьютере и привычно всё оформила. После пограничного контроля и личного досмотра, когда пришлось даже разуваться и в одних носках проходить дальше, я, одевшись и обувшись, присоединилась к друзьям.

И тут вдруг обнаружила, что в билете, который даже не посмотрела дежурная, нет денег – двух бумажек по пятьсот евро! Всех моих денег на Австрию не было! Но я точно помню, что положила их туда. Значит, уже здесь, в аэропорту где-то обронила! Я едва не лишилась сознание. Это был шок! Где я могла их потерять? В панике кинулась обратно. Меня пытались задержать в зоне досмотра, потом пограничник бежал за мной... Девушки, что оформляли меня у стойки регистрации, когда я сказала, что потеряла где-то здесь все свои деньги, смогли только посочувствовать. И по их глазам, по их лицам я видела, что жалеют они меня вполне искренне. Настроение... Да какое может быть после этого настроение!?! Ведь осталась без денег! Вообще без денег!

Друзья, до этого оживлённо разговаривавшие, с удивлением наблюдали за моей бегомной. А, узнав причину, удручённо замолчали.

«Что же делать? Не лететь? Так уже и багаж, наверное, в самолёте. Да и столько мечталось об этой поездке! Лететь? А на что там жить?»

– Ладно, чего уж, скинемся, – мрачно сказал Славка. – Туговато будет, но как-нибудь выкрутимся. Не отказываться же от поездки!

– Худеть придётся, – вздохнула Ира.

– Тебе-то куда? – через силу, но всё же съехидничала я, а она тут же добавила:

– А я-то причём? На тебе будем экономить.

– Или в ресторане посудомойкой отработаешь. Вечерами, – мрачно пошутил Димка.

Опять замолчали, переживая – всё же тысяча евро! Для любого из нас очень немалые деньги!

«Стоп, – взяла я себя в руки, – собираясь, я хотела положить деньги в билет. А положила... Если их нет в билете, то... То в страховку, которая сложена так же, как и билет! Страховка же... страховка-то осталась в сумке! О боже, она осталась в кармане сумки, который только молнией застёгивается! Достаточно любому, кто будет перетаскивать её, открыть карман и...»

Я поделилась мыслями с друзьями. От этого сообщения они немного взбодрились – хоть какая-то надежда появилась.

– Да, Кира, подальше положишь... – начала Валя.

– Дольше искать будешь! – закончила Ирина (ну не может она, чтобы не подколоть).

Переживая за свою недотёпистость, с настроением хуже некуда, прошла в самолёт, нашла своё место... Слава с Валею расположились рядом почти в самом хвосте, Димка – через проход от меня, Ира – где-то впереди. Почему так? Было бы славно, если бы они оказались рядом.

После взлёта моё беспокойство о денежных средствах забылось, потому что приятно поразил сервис – и телевизоры в спинках кресел, и то, что раздали пакеты, а в них чего только ни было: и маска на лицо, если захочется вздремнуть, и подушечка, и... носочки. Они-то зачем? А во втором – маленькие наушники, которые можно было подключить и слушать музыку или звуковое сопровождение фильма. Я их повертела в руках, разглядывая и прикидывая, не заменить ли свои к мобильнику...

– Ты, Кирка, думаешь, как бы их свистнуть, – догадался Димка. – Ты вспомни, у твоих наушников штекер, а у этих – вилочка. Так что ничего не выйдет – смысла нет.

Через шесть часов приземлились в Стамбульском аэропорту. За время полёта я успела посмотреть два с половиной фильма, и очень хотелось остаться в самолёте, чтобы досмотреть третий. Но злые пилоты выключили телевизоры – пришлось выходить.

Местный аэропорт поразил нас своими размерами: транзитная зона, что в одну, что в другую сторону простиралась, казалось, до самого горизонта. Некоторые служащие – их можно было понять, – передвигались зачастую на каких-то маленьких электрических машинках.

Мы гуляли по этим просторам в ожидании посадки на Мюнхен, как по музею. Я вертела головой, разглядывая всё, что нас окружало – как же, ведь это была ЗАГРАНИЦА! И вокруг – сплошь ИНОСТРАНЦЫ! Поэтому, наверное, постоянно отставала. И вдруг увидела молодого парня, сидящего в большом чёрном кресле и трясущегося в каком-то припадке. Тут же окликнула Валу:

– Там человеку плохо. У него, наверное, эпилепсия, – Валя была врачом и, я знала: в любой ситуации и где бы она ни находилась обязана была оказывать помощь.

Встревоженные друзья вслед за мной вернулись к тому месту, где я видела больного (его уже и след простыл). Димка прочитал таблички на кресле и засмеялся:

– Эх ты, паникёрша! Это же массажное кресло: бросишь монетку и тебя это кресло отмассирует не хуже хорошего массажиста.

А потом я, отстав в очередной раз, умудрилась заблудиться, запутавшись в указателях и переходах. В огромном здании аэропорта это было немудрено (наш-то аэропорт «Манас» крошечный по сравнению с этой махиной).

Дома я месяц ходила на курсы немецкого языка, поэтому, с трудом составив фразу и немного стесняясь, обратилась к какому-то европейцу: «Во ист Мюнхен?». Он подумал-подумал, потом рукой показал куда-то в сторону городских строений – видимо дал направление на этот немецкий город. Что он, не понимает нормального немецкого языка? Или он так пошутил? Вот, гад! С тем же вопросом я обратилась к другому мужчине, по-видимому, местному служащему (на груди у него был какой-то бейджик). Но на всякий случай подняла руки, изображая крылья, и добавила: «Самолёт». Он улыбнулся, сообразив, чего от него хочет эта иностранка (то есть я), взял за руку и подвёл к информационному табло... Я тут же увидела номер нашего рейса, слово «Мюнхен» (но написанное как-то странно – «Мюних»), номер сектора, где идёт регистрация, и поняла, куда мне нужно мчаться. Я прибежала, когда все пассажиры уже прошли в самолёт и только мои друзья нервной кучкой стояли возле дежурных, которые что-то им говорили, жестикулировали руками, показывая, что нужно проходить на посадку. Да-а, если бы была возможность, меня бы, наверное, поколотили. Валя сердито сказала, что я доставляю всем головную боль.

В самолёте, который понес нас из Стамбула в Мюнхен – такая досада, персональных телевизоров не было. Только кое-где с багажных полок свисали маленькие экранчики, на которых демонстрировалась какая-то реклама, а в промежутках – данные о полёте, где мы находимся, мимо или над какими городами пролетаем. В общем – совершенно не нужная информация. Скукота!

Самым первым моим чувством после приземления в Мюнхене было то, что в сорок пятом году, теперь уже в прошлом веке, здесь заканчивал войну мой дед. Но никакой враж-

дебности к этим первым, встреченным мною в таком количестве немцам, не было – обычные люди.

Пассажиров было много, и возле каждой будки с пограничником (а их было несколько) выстроился большой хвост прибывших. Мы были одними из первых. И минут через пять к будке прошла Валя. Сразу же возникла проблема: что сказал ей пограничник, она со своим английским, естественно, не поняла и позвала мужа. Он, подойдя, подал письмо-приглашение и свой паспорт. Пограничник просмотрел бумагу и ещё что-то спросил. Даже глядя в спину Славке, было совершенно ясно, что он ничего из сказанного ему не уразумел. Офицер ещё раз старательно и с улыбкой попытался что-то объяснить. Тогда Славка обернулся и позвал меня – он-то знал, что я месяц ходила на курсы. Но, как оказалось, месячных курсов маловато. Нужно не только уметь хоть что-то сказать по-немецки, очень важно понять, что говорят тебе.

Офицер всё пытался что-то выяснить у нас и, кажется, уже начал терять терпение. Вдруг я уловила, что он спросил: «Инглиш?».

– О, йес, йес, – воскликнула я и позвала Димку – ведь он совсем неплохо владеет английским.

С помощью Димки всё быстро выяснилось: и что мы едем в Австрию кататься на лыжах, и что у нас достаточно денег, и есть приглашение, и мы не собираемся оставаться ни в Австрии, ни в Германии, и вернёмся через десять дней. Наконец-то мы получили все пять наших паспортов с отметками о прибытии.

Напоследок я, язвительно улыбнувшись, сказала пограничнику:

– Русский язык учить надо.

Тот, конечно же, ничего не понял, тем более моей иронии, но на всякий случай улыбнулся в ответ.

Кстати, людей, что стояли за нами, уже не было. Видимо, у них лопнуло терпение, и они перешли к другим будкам. И там быстренько покончили со всеми формальностями.

Как всегда, пришлось немного подождать багаж. Когда мы снимали свой совсем не лёгкий багаж с ленты, я с ужасом увидела, что и другое колёсико на моей сумке сломано. Ну, что за невезение! Но это было всё же пустяком, потому что в кармане сумки я нашла свою страховку, а в ней две бумажки по пятьсот евро. Как же полегло от этой находки! Не нашлось ни одного человека, который бы подумал, что есть идиотки, хранящие крупные суммы денег в незакрытых на замок сумках.

Постепенно все пассажиры разобрали багаж, транспортёрная лента опустела, а лыж всё не было. Нами овладело беспокойство, мы стали растерянно озираться. И вдруг увидели парня и девушку с лыжами (а что ещё могло быть у них в чехлах?). Славка бросился к ним и жёсткими попытками выяснил, где они получил лыжи. Странно, но они поняли и показали в дальний конец зала. Там едущие в Альпы покатаются забирали последние комплекты снаряжения. Тут же лежали и наши. Почти все. Не оказалось лыж Димки и моих. Ну что же это такое? Что за наказание? В чём я провинилась? Настроение опять испортилось! Слёзы едва не полились у меня из глаз.

Димка со Славкой куда-то убежали. Их не было минут двадцать. Вернувшись, они стали торопить:

– Быстрее, автобус вот-вот отойдёт, а нам на поезд нужно успеть.

– Куда быстрее? А лыжи?

– Лыжи найдут и привезут нам в отель. Давайте поторопливайтесь.

Подчиняясь, я поволокла сумку с оторванными колёсами по полу – нести в руках её было мне не под силу, а волоком тащить было мученьем!

– Ладно, давай я понесу, а ты кати мою, – какой всё же хороший наш Димка.

Автобусы в Германии ходят точно по расписанию. И нервничай-не-нервничай, умоляй-не-умоляй водителя, он не тронется с места раньше. Но мы всё же успели: минут десять побегали по перронам в поисках нужного нам поезда и чуть ли не в последний момент прыгнули в первый попавшийся вагон.

Видимо в это время людей ездит мало – в нашем вагоне, куда мы заскочили, их вообще не было. Расположившись в мягких креслах, мы предались блаженству от плавного «полёта» по рельсам германской железной дороги, сбрасывая нервное напряжение последних минут, когда искали сначала кассу, а потом – нужный нам поезд.

Приглядевшись, Слава и Димка обнаружили, что кресла раскладываются, после чего в них можно очень удобно возлежать. Что мы и сделали.

Но тут вошёл контролёр. Мы предъявили ему билеты, а он почему-то стал возмущаться, потрясая нашими билетами и обводя рукой салон. Что мы могли ему сказать? Только «нихт

ферштеен». А английского он не знал. Повозмущавшись, контролёр махнул рукой: мол, что взять с этих русских и ушёл. Только потом мы поняли, что не по чину расположились в салоне первого, если не «вип» класса.

Не буду описывать наши (мои) мучения при пересадках в Иннсбруке на электричку и в Енбахе на дизельпоезд, а потом ещё и в Майрхофене на автобус... В общем, к вечеру мы добрались до отеля «Версаль» в Финкенберге.

Радушная хозяйка, худенькая фрау с очаровательной улыбкой – должность обязывает, проводила нас в домик, расположенный чуть ниже гостиницы. Она всё-всё (как оказалось потом не совсем всё) объяснила Димке на... английском. Оказалось, что здесь, на альпийском курорте практически все местные жители владеют двумя, а то и тремя основными европейскими языками. Конечно, ведь здесь в каждом доме принимают туристов со всей Европы.

Разместились в трёх комнатах, заняв понравившиеся койки. Распаковали сумки, вещи пока просто побросали на койки, и занялись продуктами. Сколько же мы их привезли с собой: соленое свиное сало, отварённое бычье сердце, крупы, рожки, сахар, овощи... Знакомясь с кухней, нашли посуду, ложки, вилки... Кстати, кухня устроена очень разумно: под одной столешницей небольшой холодильник, рядом встроенная мойка, шкафчик, электроплита... Хозяйственная Валя разложила продукты в холодильнике, а я про себя отметила, как рационально она это сделала. Ира выложила овощи на стол...

– Кира, ты найди, куда их деть, а я заберу у Димки то, что привёз он.

Ну, не под мойку же их складывать! Потянув ещё одну дверцу, я удивилась тому, что она не открылась, как обычно, а вытянулась со всеми внутренностями. Что за кухонные странности у этих австрийцев? Там, за дверцей были какие-то перегородки из толстой проволоки, куда я после небольшого колебания уложила наши овощи. Тут и Ира принесла лук, свеклу...

– Ир, как ты думаешь, зачем здесь кнопки? – она, быстро глянув, только пожала плечами.

Из любопытства я нажала несколько – ничего не произошло, – и толкнула дверцу. Та плавно со всем содержимым вкатилась вовнутрь. И едва она защёлкнулась, как внутри что-то загудело! Перепугавшись, я попыталась открыть шкафчик. Но не тут-то было! С ужасом я дёргала и дёргала ручку – всё было без толку. Ирина тоже растерялась, попыталась помочь мне...

Подошедший Димка внимательно посмотрел на наши судорожные движения, хитро посмотрел на нас, засмеялся.

– Знаете, мне кажется, это посудомоечная машина. Вы что, овощи туда сложили?

– Посудомоечная машина?! – для меня дома грязная посуда в раковине, как эшафот. – Значит, самим мыть не надо будет!

– А для меня помыть посуду – не проблема, – как бы между прочим заметила Ира.

«Ах, как тонко она перед Димкой-то», – усмехнулась я про себя.

Из-за лыж настроение поганое – когда их ещё найдут и привезут, да и вообще – найдут ли. А найдут – привезут ли?

Но ужин-то готовить надо. Тем более, что с утра практически ничего не ели. Только в самолёте самолётную еду и приняли. Едва мы начали резать салат, как в дверь постучали. Вошёл молодой парень, занёс два чехла с лыжами и сказал что-то на английском. При этом Димка очень удивился и как-то странно посмотрел на меня.

– Что случилось? – похолодела я.

– Он говорит, что привёз лыжи, но твоих не было, а вот за этими не пришёл хозяин.

– Что значит «не было моих лыж»? А это чьи же? – в сердцах я рвала молнию на чехле и никак не могла её открыть.

Наконец, она подалась – внутри я увидела СВОИ лыжи!

– Что вы мне голову морочите! – обернулась я к курьеру. – Это мои лыжи!

Димка перевёл, потом они перебросились парой фраз, и посланник авиакомпании как-то подозрительно быстро исчез.

Но червячок сомнения всё же грыз меня – я положила лыжи на пол, взяла свой ботинок и приложила к креплениям. Крепления были настроены на... больший размер! Это были НЕ МОИ лыжи! Абсолютно той же марки и точно такой же раскраски, но сантиметров на пять длиннее! Ну и что делать? Я не смогла сдержаться и расплакалась. Мои друзья сочувственно, не зная, как утешить, смотрели на меня.

– Ладно, Кира, покатаешься на этих. Я переставлю тебе крепления, и всё будет хорошо, – попытался утешить меня Димка.

– Покатаешься! Всё будет хорошо! – раздражённо огрызнулась я. – А потом, дома я на них же должна буду кататься?

Видимо то, что я весь вчерашний день нервничала, смена временных поясов, перевод часов на новое – местное время, сыграли со мной злую шутку. Мне показалось, когда я проснулась, что уже семь часов, а в девять, как сказал Славка, нужно выходить в полной боевой экипировке. Поэтому, выдержав ещё полчаса, начала будить остальных. Меня не смутила темнота за окном – почему-то подумалось, что здесь светает поздно. Но мои друзья, проснувшись, протирая глаза, явно не выспавшиеся, пообещали, что снимут фильм «Один дома» со мной в главной роли, если я не угомонюсь.

– Ты у нас на горе по утрам постоянно мучаешь нас, не даёшь выспаться. Ещё и здесь! Ведь только пять часов утра!

– Как пять часов? – я уселась на диван в кухне и начала высчитывать: вспомнила время вылета, время в полёте до Стамбула, потом – до Мюнхена, добавила время на поезде и ещё часа два на всякие заморочки. Учла сдвиг по времени – получилось только просить прощения и пообещать, что больше такого не повторится.

– Если повторится – отлупим! – пообещали друзья и разошлись досыпать.

А мне спать совсем не хотелось – ведь там, далеко-далеко, у нас дома уже десять.

Ни нижняя станция канатной дороги, ведущая на гору Пенкен, расположилась в центре Финкенберга. Но до неё от нашего дома метров триста. И что за мученье было ковылять в нашей «ортопедической» обуви вниз по крутым асфальтированным дорожкам к станции!

Приобретая в кассе «скипасы» на пять дней, мы влились в общую толпу желающих покататься. И когда наша кабинка стремительно вылетела из-под крыши станции, признаюсь, мне стало не по себе. Пять или шесть метров в секунду! На самолёте чувствуешь себя всё же более защищённым, а здесь – круговой обзор! Так же, как и после взлёта на авиалайнере, скорость перестала чувствоваться. Но высота-то ощущалась, и делалось тревожно! На мгновение оторвавшись от созерцания захватывающих дух пейзажей, я взглянула на друзей. Они, как и я, любовались горами и, казалось, не испытывали никакого страха или умело его скрывали.

В посёлке абсолютно не было снега. Не было снега и в

начале подъёма. Он стал попадаться где-то с середины. А в конце – видимо сказывалась высота, – всё было белым-бело! Когда же мы уже на второй канатке поднялись на самый верх и вышли на свет божий из-под крыши станции, то буквально онемели от снежного сияния! Несколько секунд мы приходили в себя. Вот если бы у нас, на нашей горе «Политеха», было столько снега!

С ощущением счастья покатились вниз. Но через три-четыре виража я почувствовала, что эти, чужие лыжи, нужно вести более жёстко. Остановилась, перестегнула клипсы, а когда подняла голову, друзей не было. Кинувшись вдогонку, полетела вслед за другими лыжникам. И после пологого выката оказалась у кресельного подъёмника. Никого из наших здесь не было. Пожав плечами, уселась в кресло и опять поднялась на Пенкен. Но и здесь никого не застала. Я опять покатились вниз и опять никого не нашла. На третьем спуске увидела, что там, где сворачивала вправо, можно свернуть влево. О, оказывается так можно попасть к той, второй, канатке с кабинками, на которой мы поднялись на Пенкен.

Я не считала, сколько раз скатилась, но в очередной раз наверху, когда я, отойдя от станции подъёмника, бросила лыжи на снег, меня окликнули. Обернувшись, увидела друзей. Лица их были суровы.

– Ты куда подевалась? – без улыбки спросил Славка.

– Как куда? На лыжах каталась. Просто забрела немного в сторону. И вообще, ребята, давайте не делать трагедии из ничего. И договоримся, в какое время и где будем встречаться, если потеряемся.

– Нет, всё же тебя нужно поколотить. И как следует.

– Да ладно вам. Где здесь заблудиться? Вечером всё равно бы вниз спустилась. И вообще, сколько сейчас времени? Может быть, обедать пора?

Многочисленные столы со скамейками стояли под открытым небом около круглого бара. И почти все были заняты. Народ сидит, из высоких кружек потягивает австрийское пиво вместо катания, курит... Сколько же здесь этого народа! А лыжи и сноуборды дожидаются своих хозяев у специальных стоек. Те лыжи, которым не хватило места, лежат просто без надзора на снегу. Это скопление снаряжения было похоже на токовище симпатичных птичек турухтанов. Говорят, что среди них нет двух с одинаковым оперением. Даже была объявлена премия тому, кто принесёт пару абсолютных близнецов. Так

и эти лыжи: яркие, нарядные и, кажется, среди них нет двух одинаковых.

С трудом отыскав свободные места, мы бросили лыжи на снег так, чтобы их было видно. Всё же на душе как-то спокойнее, когда они на виду.

– Слушайте, а второй-то рюкзак с чаем и бутербродами не взяли, что ли? – прервала мои размышления Ира.

Все посмотрели на Димку – это он должен был взять наш обед. Димка растерянно захлопал глазами.

– Ага, не я одна сегодня провинилась! – оживилась я. – Но всё же как-то есть хочется. Что будем делать?

– Я сейчас, – Димка быстренько сбежал к бару, потом обежал кафешки, что располагались вокруг. – Ничего нет съестного. Только напитки, вино и пиво.

– А у нас, – Валя расстегнула молнию на своём рюкзаке, – всего литр чая и две булочки.

– Немного. Ну, хоть что-то. Давайте чай по кругу пустим. Каждый будет делать по три глотка. Тогда всем будет поровну.

У наших женатиков нашлось и ещё кое-что: кто-то из них когда-то положил в карман рюкзака пакет с печеньем и забыл. Как же это печенье сейчас оказалось кстати! Правда, Славка, умудрился раздавить его. Но хоть что-то сладкое к чаю мы получили.

Рядом со столами была установлена стела с указателями, а на указателях – названия городов и расстояние до них. Рассмотрев их, Димка сказал:

– Здесь не хватает ещё одной стрелки, на которой должно значиться, сколько километров до Бишкека. Я считаю, что это дискриминация и предлагаю такой знак установить.

Полуголодные мы решили съехать на другую сторону горы Пенкен. Ну, тут я совсем одурела от этого снежного простора! И, по-моему, не я одна. Сколько канаток и трасс спуска и на нашей стороне долины, и на противоположной, сейчас освещённой солнцем. Канатки кресельные, буксировочные... Их множество.

– Смотрите, вон какой-то вагон поднимается, – показал Димка палочкой. – Поехали туда.

Для нас это было экзотикой, и стремительно слетев по широкой трассе вниз, подкатили к очереди на эту, как сказал Славка, маятниковую канатку. Плотная толпа перед подъёмником не позволяла пробиться к турникетам. Поэтому от-

дались медленному топтанию с постепенным приближением к заветному входу на площадку. И вот уже просочились Димка, Ира, потом Валя, проскользнул Слава... И тут турникет заблокировался. Прямо передо мной! Всё, 120 человек пропустил, хватит. Я растялась – а как же я? Когда ещё следующий вагон будет! Почему-то мне показалось, что они ходят, как электрички в каком-нибудь российском городе – раз в полчаса. Толпа погрузилась, закрылись двери, трап медленно поднялся, и вагон тронулся вверх. А за турникетом я увидела... своих друзей. Потом они сказали, что их чуть ли ни силком пытались втолкнуть в вагон дежурные.

Следующий вагон пришёл неожиданно быстро – минут через восемь. Ну, тут уж мы первыми все вместе туда влетели и заняли место у окон, из которых была видна, пока мы поднимались, вся панорама курорта. Где-то в середине подъёма нам повстречался второй вагон. Пустой. А под нами, – довольно крутой и почти нетронутый ослепительно белый склон. Но и на нём виднелись два-три следа от лыж и сноуборда.

– Дим, а ты здесь спустишься? Если спустишься, все будут тобой гордиться, – стал подначивать Славка.

Он немного завидовал технике и смелости Димки. Сам он всегда чуть-чуть осторожничал. Может быть, потому, что у него была жена. Димке-то что, он пока «без никого».

– Я сам собой буду гордиться, – отозвался Димка, оглядывая склон, выбирая, видимо, траекторию спуска.

– Посмертно, – не удержалась я, хорошо представляя, чем может это закончиться.

На самом верху мы всей группой сфотографировались у креста с эдельвейсом, отмечающим высшую точку. Можно было поехать ещё дальше, но мы решили спуститься вниз и покататься в долине – и по правым склонам, и по левым, побивать на всех канатках.

– Там, я читал, – сказал Славка, – есть трасса, которая называется «Харакири». Давайте посмотрим, что это за «Харакири» такая? Что там особенного? У здешних склонов уклон не больше, чем у нас на «Политехе». Только тот, что под вагоном, был круче. Но по нему, я думаю, кататься нельзя.

«Но не круче, чем под канаткой на Кашка-Суу и у нас в конце второй канатки», – подумала я.

Друзья покатали по неширокому проезду куда-то вниз, а я забрала влево, выехала на самый край раскатанной трассы. Ещё раз оценила возможность спуска по головокружитель-

ному склону. Нет, слишком круто, не стоит рисковать. Друзья были уже далеко. Догонять? Нет, не в моих правилах быть позади всех! Воровато оглянулась и, испытывая некоторый холодок где-то внутри, скользнула на опасный склон. Как мне повезло, что в последние, перед морозцем, дни, видимо, стояла тёплая и очень тёплая погода. Снег взялся крепким настом, и я молилась, чтобы этот наст не провалился внезапно под моими лыжами. Острые канты резали жёсткий снег, на виражах скорость возрастала до невозможной! Тогда я, чтобы немного погасить её, поворачивала прыжком, выбрасывая задники в сторону и тут же кантуя лыжи. Иногда в косом спуске проходила подальше, специально затягивала, не входила в поворот, а, собравшись – снова в вираж! И молилась, молилась, чтобы наст выдержал (это я потом уже подумала, что молилась)! Где-то на самом краю восприятия отметила, как надо мной прошли вагоны маятниковой канатки. А сама я изо всех сил боролась со склоном! От напряжения и бешеной работы сердце колотилось в груди как птица, пытающаяся ускользнуть от преследующего её сокола. Или ястреба – не знаю, кто охотится в воздухе. Дыхание сбивалось, как будто я пробежала в бешеном темпе километр по пересечённой местности.

Ещё несколько виражей – и склон начал выполаживаться, а потом и вообще не стало никаких трудностей. Уже на этом пологом участке я стала посматривать туда, откуда могли спуститься мои друзья. Остановившись, чтобы перевести дыхание и немного отдохнуть (ноги всё же тряслись от перенапряжения), взгляделась и, наконец, заметила ярко-красную куртку Славы, а на некотором отдалении – и Валю с Ириной. Где же Димка? А, вон и он, далеко оторвавшись от остальных, стоит и с кем-то разговаривает. Ну, мимо меня не проедут – я скользнула ещё ниже, прикинув, что они скатятся как раз к очереди на кресельную канатку.

Через некоторое время они друг за другом подкатили ко мне. Затормозили рядом. И почему-то молчали. А потом...

– Слушай, Кира, может быть, ты вообще не с нами? А как бы сама по себе, – то, что Славка говорил спокойным голосом, не могло меня обмануть – он был вне себя, он был зол, он был в ярости. Он – это я понимала, – был готов разорвать меня.

Подруги укоризненно молчали, а Димка, мой друг Димка, который поддерживал меня в самых рискованных предприятиях на лыжных трассах, который сам зачастую подбивал меня на рискованные спуски, чуть ли не орал:

– Ты хоть соображаешь, что ты делаешь? Да ещё на чужих лыжах! А если бы разложилась? наших всех страховок не хватило бы, чтобы собрать тебя заново! Ты же могла испортить всем нам отдых, о котором так долго мечтали! Ты что, думаешь, я не смог бы? Но я же не пошёл! А-а, что с тобой говорить!

– Чего вы отвязались? На «Кашка-Суу» под канаткой лоб такой же крутой, а мы все там ходили.

– Сравнила! Там метров сто пятьдесят от силы. И снега – кот наплакал. А здесь сколько?

– Чего сколько?

– И того и другого! Стоило бы ногам подустать, и не сработала бы. И что? Летела бы со свистом по отдельности, – Димка сердито замолчал.

Обернувшись к склону, ещё раз оценила его и подумала: а ведь точно могла бы. И наст мог провалиться под лыжами. Только сейчас мне стало страшно (я даже глаза прикрыла). Да, могла подвести всех. Мне стало стыдно! Я погладила по руке Димку, потом Славика:

– Ребятки, Валя, Ира, простите меня! Честное слово, больше не буду!

– Не будет она, – проворчал Димка, остывая. – Кстати, меня тоже остановил один... дружинник. Я разогнался, а он, вижу, стоит ниже по этому узкому проезду, смотрит на меня, и руку поднял. В общем, выговор мне сделал: нельзя в таких местах гонять.

Я опять про себя отметила: «Не я одна провинилась».

Когда мы поднимались впятером на одном широком кресле, по пройденному мной убийственному склону шел какой-то лыжник.

– Вот видишь, спровоцировала... – начал было Дима и осёкся.

Мой последователь упал – в разные стороны разлетелись лыжи, палки... А самого его понесло по крутяку – задержаться и тем более остановиться в этом месте было невозможно. Страшно было видеть, как его тело, беспорядочно кувыркаясь, пару раз взлетало в воздух и снова падало на откос. Я почувствовала, как мои руки от страха за него непроизвольно сжали лыжные палочки! Кресло несло нас всё выше и выше, а мыavorачивали шею, чтобы увидеть, убедиться, что лыжник, остановившись, поднялся. Нам этого очень хотелось! Когда мы от кафе покатались вниз, ярко-красный маленький вер-

толёт садился там, где, видимо, остался лежать экстремал. Я чувствовала себя очень неудобно. Мне казалось, что друзья укоризненно смотрят на меня, как будто это я виновата в падении того лыжника.

Ближе к трём часам снег стал раскисать, и мы решили, что на сегодня достаточно и спустились в Финкенберг. Всё же, как здорово подниматься и спускаться в этих кабинках! Молодцы, кто это придумал! А по «Харакири» мы всё же прошли. Ничего особенного. Заледенелый, зализанный склон. Ну, может быть, чуть покруче, чем у нас на «Политехе».

На следующий день мы решили: раз на Пенкене снег потёк – а сегодня будет ещё теплее, – нам стоит поехать в Хинтертукс. Это последнее селение в долине.

Хорошо, что остановка автобуса рядом с отелем. Вчера то чуть ли не триста метров вниз по крутым дорожкам в горнолыжных ботинках, а после катания – вверх. А по асфальту ох как тяжело ходить в этой обуви для пыток.

В багажное отделение остановившегося автобуса засунули лыжи, палки – с собой... Ах, какой это был автобус! Какие комфортабельные кресла! Какие огромные окна! Не автобус, а какой-то автолайнер!

Славка сразу, как принято у нас, прошёл к водителю, чтобы оплатить проезд, протянул ему деньги... Тот что-то стал ему «чирикать» по-немецки. Я различила два слова: «вюншен» и «бир». Напрягла память и всё же вспомнила, что вюншен – это желать, а бир – ну, это понятно. Тут, какой-то мужчина, сидевший на одном из передних сидений, пришёл на помощь Славке:

– Он спрашивает: тебе пива или колы?

– Да нет! Я за проезд хочу заплатить.

– Ну, ясно, – снисходительно сказал нежданный русскоязычный помощник, – впервые в этих местах? Здесь стоимость проезда входит в стоимость скипаса.

– Ну да! – невольно вырвалось у нас, когда Славка, вернувшись, огорошил нас этой новостью. – Здорово!

Дорога вдруг стала так закручиваться на виражах, что могла, казалось, завязаться в узел. Пару раз прошла под противолавинными галереями... В крохотных посёлочках, через которые мы проезжали, дома стояли так близко к проезжей части, что было удивительно, как это длинный автобус умудряется протискиваться меж ними. Как водители умудряются

вписываться в эти узкости!? Наконец, въехали на небольшую площадь, где стояло множество машин и несколько таких же автобусов, как и наш. Из них выгружались толпы лыжников, сноубордистов... Мы влились в их число и прошли на посадку в кабинку, чтобы подняться в зону катания, на ледник.

Вылетев из-под крыши, кабинка резко, очень резко пошла вверх. Под нами оказались крутые склоны, по которым, конечно же, невозможно кататься. Но даже на них видны были следы от сноубордов. Какие-то безголовые всё же прошлись здесь. Постепенно заросли елей остались далеко внизу, открылись снежные поля. Мы вертели головами и беспрестанно восторгались распахивающимися просторами. У нас, наверное, был такой вид, какой бывает у провинциала, когда он впервые попадает в Москву. А на снежных полях, немного в стороне от нас, на укатанных трассах видны были сотни лыжников, сноубордистов. Как же нам хотелось побыстрее оказаться там же!

В очередной раз у меня ёкнуло сердце, когда наша кабинка влетела в станцию. Почему-то создавалось впечатление, что она под конец разгоняется. А вдруг не успеет затормозить? Нет, успела. Открылись дверцы, торопясь, друг за другом лыжники стали выходить из неё, а тут уже следующая влетела под крышу! А не врежется ли она в нашу? Но, нет, плавно притормаживая, замедлила свой ход и продолжила двигаться по дуге... Вместе со всеми мы перешли ко второму подъёми- ку...

Когда мы вышли из сумрака станции на залитую солнцем площадку, то даже оторопели от открывшегося раздолья! Этот вид с трёх тысяч с лишним метров ошеломлял ещё больше, чем панорама с Пенкена! Окружающие горы были ниже, а мы (и я тоже) – выше всех окружающих вершин. Ну, кроме одной. Потом мы узнали – это пик Ольперер (выше всего-то метров на двести с копейками). Он смотрел на нас с противоположной стороны, а под ним канатки, канатки, канатки... Нет, мы не смогли сразу же ринуться вниз – нам надо было оглядеться, впитать эту необыкновенную ширь и красоту. Высота 3250 м! Все вершины, все склоны белые-белые – под нами. Наши-то горы выше, и в Кыргызстане такими видами могут любоваться только альпинисты! А здесь!.. Вот тут я и поняла, что такое эйфория!

А народу! И каждые три-четыре минуты большая группа

лыжников вываливалась из-под крыши станции на снег, на площадку, чтобы, защёлкнув крепления, устремиться вниз. Боже, с каким восторгом мы в этот день катались по ухоженным широченным трассам, по пологим участкам и крутым сбросам. Как это здорово – длинный-длинный спуск! Как хорошо было, остановившись, немного перевести дыхание, переброситься парой восторженных фраз и снова – вниз, чуть-чуть притормаживая на крутизне и разгоняясь на пологих участках. Мы терялись и встречались снова! Сколько раз мы поднялись в этот день до обеда – не знаю. Хотелось ещё и ещё: из кабинки на снег, со снега – снова в кабинку...

В обед мы собрались у станции на 2660. И у всех – улыбки на лицах! А ещё – глаза! Сияющие глаза моих друзей! Наверное, и у меня были такие же.

Только в автобусе мы почувствовали, как устали. Валя тут же склонилась к мужу, не сразу, но и Ира задремала на плече у Димки. Я тоже клевала носом, а сквозь дрему подумала:

«Ага, процесс пошёл, а то всё чего-то боялись. Оба».

В том, что они оказались рядом, была моя заслуга: это я быстренько прыгнула в кресло рядом с каким-то дядькой, и Димке ничего другого не оставалось, как сесть к Ире.

До нашего отеля езды всего-то минут тридцать, но даже Славик с Димкой уснули, и мы едва не проехали мимо нашего «Версаля». Да, сегодня мы укатались, как говорится, «в ус-мерть».

Почти в бессознательном состоянии разбрелись по своим комнатам, переоделись... Я мгновенно, едва коснувшись подушки, куда-то провалилась. И только часов в семь один за другим мы повылазили из своих комнат.

А ночью пошел сильный снег. Снегопад длился, видимо, почти до утра – снега насыпало сантиметров двадцать, а то и больше. Утро же было неожиданно ясным, ярким, а от свежего снега ещё и каким-то праздничным.

– Ну, сегодня погоняем по пухлечку, – размечтался Славка.

И все-таки приятной неожиданностью для нас было то, что все трассы на Хинтертуксе были укатаны ратраками. Надо же, они работали всю ночь! И мы, повизгивая от восторга, гоняли по всем склонам, поднимались на всех канатках, фотографировались везде, где только можно: и на фоне долины, и

на фоне вершин, и на канатках, и на склонах, и у самых скал, где некоторые отчаянные лыжники выписывали фееричные виражи по нетронутому снегу.

В общем, мы были похожи на детей, которых запустили в большой-большой магазин игрушек и разрешили резвиться там, сколько захочется. И мы резвились! Понимая, что нарушаем, но всё же иногда выскакивали за край обработанной трассы. Как здорово было по целинному снегу лететь, лететь, вздымая вихри снежной пыли за собой! Под конец мы решили пройтись впятером синхронно, катиться, выписывая виражи в едином ритме. Не могу подобрать других слов – мы были счастливы!

Так мы откатались два дня. И решили устроить день отдыха.

Кажется, в Майрхофене не было ни одного магазинчика, куда бы мы ни заглянули. Накупили сувениров: магнитиков, открыток, брелочков... Валя в тайне от мужа купила ему лыжную шапочку с какой-то альпийской эмблемой – у него скоро День рождения. Мы с Ирой накупили самого разного шоколада (естественно, австрийского) – для родителей, знакомых и друзей. Димка решил купить вина в единственном, найденном нами, супермаркете. Рассматривал этикетки, снова ставил бутылки на полку, брал другие... Это длилось, кажется, бесконечно. Тоже мне, знаток вин! К нему подошёл какой-то мужчина и сказал: «Но! Итальяно вино...». Что-то он ещё добавил. Кажется, посоветовал купить вместо австрийского итальянского вина. Димка решил взять и того и другого и пообещал по возвращении угостить нас. А мы и не против!

Потом мы ещё гуляли, рассматривая дома, гостиницы... И как-то забрели к железнодорожным путям.

Оглядевшись, я заметила:

– Что-то места знакомые.

– Да это же конечная станция узкоколейки, по которой мы сюда, в Майрхофен, приехали! Ты что, не узнаёшь?

Действительно, именно здесь мы пересели с дизельпоезда на автобус.

Димка зачем-то посмотрел расписание, а потом сообщил:

– Знаете, через пятнадцать минут будет какой-то «ретропоезд».

И ровно через пятнадцать минут к станции подкатил почти игрушечный поезд, состоящий из старинных вагончиков с

самым настоящим древним пофыркивающим паровозиком, выпускающим клубы пара. Ну, как тут удержаться: мы «обстреляли» паровозик с вагончиками со всех сторон – благо, что снимков на цифровую камеру можно делать немерено. И с машинистом сфотографировались. На память.

До вечера было ещё далеко, и мы опять пошли в центр городка. И вдруг наткнулись на бассейн.

– А давайте сходим, поплаваем, покупаемся.

Пришлось возвращаться в Финкенберг, чтобы оставить в наших апартаментах закупленное. Раскладывая покупки на столе, Ира заметила:

– Ну вот, помогли австрийской экономике.

А Валя добавила:

– Все помогают ей, приезжая сюда.

– Да, – вздохнула я, – есть у них чем привлечь толпы отдыхающих даже зимой. А у нас – только Иссык-Куль, да и то всего лишь два-три месяца в году.

На подходе к бассейну я «состряпала» фразу, которую в переводе служащий бассейна мог бы понять как «Сколько стоит посещение бассейна?».

– Дим, можно я попрактикуюсь? Ты только не помогай, хорошо?

– Да ради бога.

Надо же, служитель бассейна меня понял, мы оплатили, и друг за другом пошли к указанной двери. Я же чуть-чуть задержалась, забирая чеки. Неожиданно этот австрияк (а может быть, и не австрияк) вдруг предложил почти по-русски:

– Хотите парную?

Я опешила! И тут же моя рука, кажется, дёрнулась, чтобы вклепить оплеуху этому хаму, посмевавшему предложит мне такую гадость. Но он успел поправиться:

– Сауна.

Так это он финскую баню предложил, решив блеснуть знанием русского языка. А я-то подумала... И ведь надо же, во что превратилось наше такое ласковое русское слово «парная»!

Пока я разбиралась с чеками и многообразной изменчивостью русского языка, мои друзья уже переоделись, закрыли свои вещи в кабинках и скрылись за дверью, за которой, как я догадалась, и был бассейн.

Чтобы закрыть шкафчик с одеждой на замок, нужно было

бросить в щёлку еврик. И только я достала кошелёк, как из дверей, где скрылись мои друзья, вышли два здоровых парня. Абсолютно голых!

Мгновенно моё лицо запылало огнем от стыда! Я и двое совершенно обнажённых мужчин рядом! А они спокойно остановились около меня и стали, не торопясь, вытираться полотенцами, о чём-то переговариваясь. Я же готова была провалиться сквозь пол, но пол был прочный, и покинуть это помещение другим путём, не взглянув на парней, не представлялось возможным. И стояла я истуканом, глубоко воткнув своё лицо в шкафчик и догадываясь, какой глупый вид имею. Едва не теряя сознание, шевелила руками – вроде, как бы ищу что-то в куртке, – но парней это, видимо не обмануло, потому что, когда они пошли к выходу, услышала, как мне позалось, пренебрежительное: «Русиш».

Я чувствовала себя униженной, опозоренной! Как будто не они только что находились здесь голыми, а я стояла нагой перед хохочущими и разглядывающими меня мужиками! Как стыдно! Ой, как стыдно! Всё так же, краснея и переживая случившееся, я оказалась в бассейне. И только через несколько минут пришла в себя.

Огляделась: бассейн как бассейн. Только предназначен не для плавания, а для купания. Весь кривой, да ещё и с аквапарком. Подруги беззаботно резвились, плескались, смеялись, да и парни не отставали от них. Потом Валя с Ирой забрались наверх, помахали нам оттуда. Я поосторожничала, не полезла. Наши мужчины вообще посчитали это забавой для детей. А девушки с шумом поочерёдно вылетели из трубы, взвизгнув, с брызгами плюхнулись в воду и снова полезли по лестнице. Ну, тут уж и я решилась. Стою наверху, дожидаясь своей очереди (в бассейне, кроме нас были и ещё люди), а тут и Славка с Димкой поднялись – не выдержали. Я, конечно, съехидничала. А они:

– Ну, мы надеемся, что ты никому не скажешь. Если скажешь, мы тебя здесь же и утопим.

– Обязательно расскажу, – и, чтобы остаться в живых (с них станется), я быстро уселась на резиновый баллон и влетела в замкнутое пространство.

Сделав пару выражей (даже голова немного закружилась), я выскочила на свет; от неожиданности, как и подруги, взвизгнула и тут же плюхнулась в воду. Но как-то неудачно – меня завертело в потоке, льющемся из трубы. И не было

никакой возможности выбраться, потому что меня заклинило в баллоне. Я была совершенно беспомощна! Спасибо Ире – смеясь, оттащила в сторонку и перевернула. Ну, я и вывалилась из круга. Только после этого там, наверху, дежурный впустил Димку, а потом и Славика. Это я их всех задерживала, барахтаясь под трубой.

– Знаете, а мне понравилось! – и это глава семьи, всегда такой серьёзный и деловой Славка. Ну, раз Славке понравилось, то нам и подавно.

Почти час мы, как малые дети, резвились в бассейне...

В последний день мы катались на отдалённой трассе – широченной и не очень крутой. Кататься можно было, даже закрыв глаза. Поднимались попарно (только я одна) на буксировочной канатке и тут же – вниз. И опять...

В очередной раз примостились в хвосте длиннющей очереди. Пока продвигались, я впитывала чистейший, ничем не испорченный воздух высокогорья. Но тут перед нами два здоровых парня («Американцы, – определил Димка. – Они всегда ведут себя беспардонно») достали сигареты и попытались закурить.

– Чтоб у тебя зажигалка никогда не зажигалась, – в сердцах сказала я так громко, чтобы и парни слышали (даже если они и услышали, то, наверняка, не поняли).

А потом стала молить:

– Не зажгись! Не зажгись! Не зажгись!

В это заклинание я вкладывала все свои силы! И что-то мощное, наверное, исходило от меня, от этих слов... Очередь продвигалась не очень быстро, а у американцев всё не получалось прикурить. И минут через десять они, вдвоём зацепившись за подвеску, покатали вверх, а зажигалка так и не вспыхнула!

Когда мы наверху, бросив подвески, собрались в начале спуска, Ира, улыбаясь, спросила:

– Ты часом, не колдунья ли? – она с Димкой ехала сразу за американцами. – Представляешь, они так и не закурили.

Вот так этим парням не удалось вкусить отравы, а, главное, отравить этот хрустальный, настоящий на льду, на снеге, на восторге воздух высокогорья.

В этот день, ясный солнечный день, мы катались до упора – пытались насытиться, впитать всё-всё, что нас окружало, навсегда запомнить эти дивные просторы и ощущение сво-

бодного скольжения по почти бескрайним трассам. Мы пару раз прошли синхронно впятером, и у нас всё получилось. Даже Димка-торопыга не выпадал, как бывало, из общего ритма.

– Ребятки, через пятнадцать минут перестанут пускать на канатки. Давайте на самый верх – у меня есть идея, – предложила я.

– Кира, опять у тебя какие-то фантазии! Учти, мы против того, чтобы где-нибудь было написано: «Здесь были...» или «Бишкек, Кыргызстан».

– Ну что вы! Всё гораздо проще и... лучше, – я показала листок бумаги, на котором заранее написала несколько слов.

Мои друзья, прочитав, заулыбались:

– Ну, тогда поехали.

Кабинка вновь подняла нас на 3250. И когда почти все лыжники и бордисты укатили вниз, мы в скале нашли мало заметную щель и заложили туда записку, завернув в неё ещё и еврик на удачу. А в записке значилось: «До новой встречи через два года, Хинтертукс!» (я очень надеюсь, что мы ещё приедем и найдём её).

Да, всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Поэтому вечером мне было грустно. И не мне одной.

Милая хозяйка Версаля помогла нам, и нас на бусике прямо в аэропорт Мюнхена довёз русский водитель Василий. По дороге он много чего рассказывал, но я, будучи под сильным впечатлением от прошедших дней, почти ничего и не запомнила. Василий (вот что значит соотечественник) помог найти место, где проходит регистрация на турецкие авиалинии, и распрощался с нами.

Знакомая процедура – взвешивание наших сумок, получение посадочных талонов... И тут оказалось, что негабаритный груз, то есть наши лыжи сдавать нужно где-то на втором этаже. В этот раз Димка оказался не на высоте – не расспросил, как следует, куда нам надо идти. И мы, сойдя с эскалатора, стояли и беспомощно озирались – где тут что? Тут я заметила стенд с надписью «Информация» (естественно на немецком языке, но я не зря ходила на курсы – сразу поняла). Надо же, оказалось, что можно выбрать язык общения, и девушка с восточными чертами лица на русском языке объяснила нам, что где-то за этим стендом есть место, где наши лыжи заберут и обязательно погрузят в самолёт. За стендом стояла семейная пара и, поглядывая на часы, нервничала. Причина

была в том, что отсутствовал служащий, который принимает багаж. Не дождавшись его, пара ушла. Но у нас-то время было и, оставив меня охранять вещи, друзья пошли поискать чего-нибудь съестного. Минут через десять подошёл служащий, молча взял первые попавшие лыжи и на специальном стенде стал обматывать чехол с лыжами полиэтиленом. Зачем? Хорошо, что я быстро сообразила и закричала: «Найн, найн!». Он удивлённо посмотрел на меня, но, нажав кнопку, остановил стенд.

– Во? – то есть «где» по-немецки спросила я и, загудев, изображая самолёт, подняла руки, как крылья, и добавила, смешав немецкое «где» с русским словом, – Во багаж?

– Господи, опять русские всё путают! Лыжи вон там сдают, напротив, – парень, русский парень показал рукой (сколько же их, ищущих лучшую жизнь, едут в богатую Германию).

Мне повезло – я в числе первых пробралась в самолёт, заняла своё кресло у иллюминатора и снисходительно поглядывала на суетящихся пассажиров, закидывающих, за-талкивающих свои непомерно огромные сумки в полки над креслами. Как они закроются? Прошли мои друзья, улыбаясь, погрозили мне... Пассажиры рассаживались, а кресло рядом со мной всё оставалось пустым. Неожиданно в проходе среди других я увидела... шефа. И почему-то затаилась. А он, продвигаясь по проходу между кресел, искал свой ряд, своё место и не смотрел на сидящих.

«Увидит или не увидит?» – подумала я.

А шеф, дойдя до моего ряда, тут же узнал меня, широко улыбнулся (какая чудесная у него, оказывается, улыбка):

– Не ожидал увидеть вас здесь, – усаживаясь рядом со мной, сказал он. – Судя по загару, вы катались на лыжах.

– А вы здесь, в Германии, в командировке были?

– Нет, я отдыхал в горах. Был на Пенкене, на Хинтертуксе, в Циллерталь Арена, – тут я припомнила, что как-то в толпе вроде бы мелькнуло знакомое лицо. – Где бывали вы?

«Вот почему он чуть ли не цвёл, подписывая мне заявление – тоже в отпуск собирался», – подумала я.

– Олег Владимирович, так вы тоже лыжник, – не отвечая, поразилась я. – А катаетесь где?

– Почему вы удивляетесь? Хотя для меня тоже довольно неожиданно, что вы любительница зимнего отдыха. А катаюсь в Орловке. Лет шесть уже, наверное. Да, шесть лет.

– А мы в основном на «Политехе».

– На «Политехе» хорошая трасса, но канатки... Если бы там был кресельный подъёмник, то это было бы лучшее место для лыжников.

– Ну, Олег Владимирович, мы-то ездим кататься не на канатках, а на лыжах, – подколола я (когда ещё представиться такая возможность). – А как вам понравилось в Австрии?

– О, я в восторге! Какие горы, какие трассы, подъёмники! Правда, в первый же день настроение было подпорчено. Видимо, в аэропорту я немного поторопился и взял не свои лыжи. Чехол был точь-в-точь как мой. А потом оказалось, что лыжи тоже, как мои, но сантиметров на пять короче. Я на них почти порхал...

– Олег Владимирович, – закричала я, – Олег Владимирович, это мои лыжи вы забрали в аэропорту, а мне пришлось кататься на ваших!

Он как-то обалдело долго-долго смотрел на меня, а потом смешно фыркнул и засмеялся. Мне тоже стало весело – надо же, как всё счастливо разрешилось.

Пока мы обменивались восторженными воспоминаниями, меня мучила мысль: как же мы не встретились ещё в самолёте на Стамбул, а потом – на Мюнхен. Но, оказывается, он прилетел из Москвы, где у него была встреча с друзьями. А самолёты наши в Мюнхене приземлились почти одновременно.

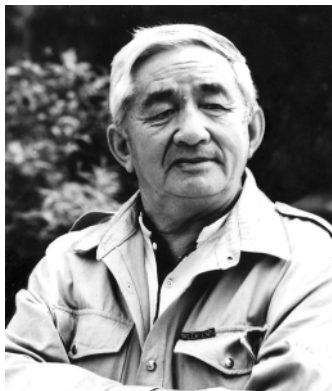
Самолёт нёс нас на восток, а мы говорили и говорили, перебивая друг друга, делясь своими впечатлениями.

– На Пенкене, – рассказывал шеф, – видел одну классную лыжницу, которая так отчаянно прошла по крутому-крутому склону. Даже страшно за неё было. Потом там же упал парень. Так его вертолётom эвакуировали. А в последний день на Хинтертуксе группа лыжников так красиво шла, синхронно, в едином ритме выполняя повороты! Такие гармоничные змейки они выписывали! Там все остановились и любовались ими. Инструктора, видимо.

Я не стала говорить, что это были мы, но гордость наполнила меня – пусть знают все эти заграничные снобы (О.В. я не имела, конечно, ввиду), что в Кыргызстане есть хорошие лыжники, способные удивлять если не весь мир, то хотя бы один австрийский горнолыжный курорт. А шеф наш никоим образом не бука, а очень общительный человек, наделённый эмоциями, чувствующий красоту, вообще мира и горных лыж. И ещё он очень симпатичный мужчина. Даже очень.

За иллюминатором в темноте ночи яркими вспышками бортовых огней освещалось крыло самолёта, мерно гудели двигатели... Многие спали, а мне не спалось. Я сидела и улыбалась. Про себя. Ведь только вчера я была в какой-то сказке. И у этой сказки оказался счастливый конец. И, кажется, может начаться новая. Ещё лучше прежней.

ПОЭЗИЯ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

От переводчика:

Атаке! Вы когда-то называли меня сыном, и я с тех пор думаю о Вас – как и о моем родном отце: вы оба воевали, израненные и измученные – победили, подарили нам наше будущее.

В канун великой Победы позвольте поздравить Вас и Ваше поколение победителей – тех немногих, что еще живы и охраняете нас, своих потомков, от бед нового века крохотным огоньком теплящейся в ваших сердцах жизни. Позвольте выразить свою любовь и безмерную благодарность, сказать о нашем почтении к вам, ветеранам войны и творцам мира!

У киргизской поэзии сегодня горят ее последние зори — это творчество последних воинов и в то же время последних строителей фундамента отечественной литературы, светочей культуры наших дней.

Суюнбая Эралиева, Героя Кыргызстана, Народного поэта Кыргызской Республики, классика XX века, рядового солдата Великой Отечественной, в 70-е годы называли крупнейшим поэтом тюркского мира. Он привнес в этот мир русскую есенинско-твердовскую просветленность и поэтический простор, выстраданную точность европейского свободного стиха и свободную стихию тысячелетнего кочевого Востока, новый взгляд на национальную историю как на многоголосье человеческих мыслей и чувств, надежд и утрат...

Живите долго и светло, Суюнбай-ата вместе со своими друзьями-фронтовиками! Вы – победили!

*Вячеслав Шаповалов,
Народный поэт КР*

После войны...

Когда из окопов мы пулям навстречу рвались,
В бессмертье свое и страны так мы верили свято,
Что после атак — засыпали легко,
И снилась нам высь,
И видели мы бесконечную мирную жизнь,
Щекой ощущая
Холодную сталь автомата.

А после войны мы познали бессонницы шквал! —
Года проходили в ночном бесконечном мученье,
И каждый из нас, лишь глаза закрывал,
Воевал,
Он снова в атаку, в атаку, в атаку вставал,
И сердце рвалось и гремело в ответ наступленью.

А те, кто когда-то подняться уже не смогли
И юные головы в красном снегу уронили,
Чей голос звенит и звенит,
Не затихнув вдали,
Доносится к нам с запредельного края земли, —
Все с нами они,
Ибо их ни на миг не забыли.

Прошло через жизнь столько майских ликующих дней...
Но столько бессонных салютов мне сердце взрывают...
Проснитесь, друзья,
Поднимитесь с замерзших полей!
Я вижу их лица печальной ночью своей.
Смотрю им в глаза.
Только слезы мне взор застилают.

Наши реки

Киргизские реки!
На стыке земли и небес
Они рождены, чтобы ринуться к теплым долинам.
В заоблачной мгле ледников гипнотический блеск
Следит их исход немигающим оком орлиным.

В смятенье сметая препятствия, встав на дыбы,
И жалуясь, и торжествуя — и грозно, и грустно,
Свергаясь сквозь створы нелегкой, несладкой судьбы,
Сквозь гордые горы — торят они честные русла.
Вот белая пена дрожит на губах берегов,
Вот слезы и смех, и прощанье с минутным минувшим,
Живое стремленье арчовых прозрачных ручьев —
Разбуженных вод — к нашим вещим всепомнящим душам.
Ущелье изранено — скал безымянный обвал
Грохочет внезапно над стылым безмолвьем природы,
И кажется, гром грозовой над землей прорыдал,
Колючая молния режет дрожащие своды.
Стою над величьем киргизских стремительных рек,
И слушаю сердцем кочевий напевы родные,
И знаю, что весь мой судьбою дарованный век
И плакать и петь суждено мне с тобою,
Стихия...

Перелетные птицы

Когда весна свой теплый свет прольет
На сумрак гор иззябнувшего края,
Издалека прибудет птичья стая -
Усталых птиц медлителен полет.

Но осени дыханьем роковым
Наполнятся тоскующие крылья,
Единый вдох, мгновенное усилье —
Взлетают птицы, словно горький дым...

Что их сбивает в трепетную нить
В бездонном небе, темном и туманном?
Кочующим бездомным караваном
Они летят — чтоб мир соединить.

О, ветер дальних странствий, дальних стран...
Сквозь судьбы и миры, через границы,
Летят, как память, птичьи вереницы —
Крылатый кругосветный караван.

Пусть бесприютен – но свободен час,
Наполненный врачующим полетом!
Что в этой жизни ожидает нас
За бесконечно круглым поворотом?..

Но минет час – на север, шум и гам! –
Весть о весне, крылатая орава,
Как будто с гор обвал – небес облава!
Как хорошо, что вы вернулись к нам...

Вы словно знали, как от вас вдали,
Где солнце – в красной дымке на закате,
Тянулись к вам бескрайние объятия
Весенней, теплой, любящей земли.

Бег времени

Упало дерево. Замерз родник.
И больше пустоты на свете стало.
Я слышу, как за мигом меркнет миг —
И время, как состав, прогрохотало.
Проникнись чувством перемены дней —
Лишь в ней вершится жизнь. Над нами всеми
Летит, невозвратимей и быстрее,
Пылающая колесница — Время!
Услышь напев, в ночи иной, чем днем:
О чем поют деревья-побратимы?
Здесь тоже жизнь, иная, чем в былом,
В ней — времени полет необратимый.
В осенних листьях кромке золотой,
В осенних мыслях прежних или новых,
И в скрипе снега под моей ногой —
Во всем бег времени без остановок!..
Я слышу, как несется сквозь меня
Незримый ветер будущих столетий,
За каждым мигом, каждым взглядом дня —
Я слышу поступь времени на свете.

Монолог поэта Касыма Тыныстанова перед расстрелом. 1938

Честно жил на земле я, не нажил богатства,
Оклеветан, оболган был злобой чужой,
Лишь взошло мое солнце — и сразу погасло,
Все погибло, охвачено мутною мглой.
Жизнь мою отобрали — дабы расквитаться,
Честь и имя швырнули на откуп вору,
И теперь суждено моей тени скитаться
И оплакивать нищую землю мою.
Горе мне — я свою эпохой расстрелян,
Что любя создавал из вселенской мечты.
Беззащитное сердце болит все острее
От бессильной, бессмысленной правоты.

Чингизу Айтматову

Меж земных пределов и горних сфер,
Как слеза на реснице — аил Шекер,
Благодатный мир в золотой дали:
Здесь ты был рожден, сын своей земли.

Ты к груди отчизны душой приник,
Путь твой так далек, дух твой так велик!
Ты вельем века был окрылен,
Наставленьем предков благословлен.

Твой негромкий голос пронзал сердца,
Ты сиротской эпохе был за отца,
Вот и прячет мир золотой улов —
Груз высоких дум и бесценных слов.

Ты пророком слыть не желал никак
Или знаменем — но в чужих руках,
Зло тебя не щадило — и вот стоим
Перед тем, что было огнем твоим...

Но летит череда быстроскрылых лет,
В поколеньях юных — твой вещий свет,

В душах их — твоя доброта жива,
В них — твои надежды, твои слова.

За кочующими облаками

Я уйду за кочующими облаками —
Далеко, без возврата,
На прощанье со всем себя обрекая,
Что любил когда-то.

Пыль развеется по бездорожью,
Русла сменят реки.
И живые смутятся ложью,
Что ушел я навеки.

Миг прощанья беспечен и беспечален —
Только сердце заночует...
Не бесследно ушел — и крыла за плечами
Спорят с тягой земною.

Не бесследно ушел! — пусть вернусь не собою,
Но под пальцами внука
Зазвучат комуза живой струною
Мои счастье и мука.

Сооронбай ЖУСУЕВ

Народный поэт Кыргызстана и Герой Кыргызской Республики Сооронбай Жусуев родился 15 мая 1925 года в селе Кызыл-Жар Каракульджинского района Ошской Области. В годы Великой Отечественной Войны он воевал в легендарной Панфиловской дивизии. После войны окончил Ошский Государственный пединститут, затем

– московский Литературный институт им. М. Горького. Работал главным редактором журнала «Ала-Тоо», литературным консультантом Союза писателей Киргизии. Автор многих десятков собственных поэтических сборников и не менее – переводных. Лауреат Государственной премии им. Токтогула, Всесоюзной премии им. А.Фадеева и Международной премии им. Ч.Айтматова.

ОБ ОРДЕНАХ

Сегодняшних дней ордена и медали
Я все получил, что в заслугу мне дали,
Их с гордостью в праздник ношу на груди
Как новой Киргизии вехи и дали.

Наверное, Хизр помогал мне в пути,
А счастье судьба подсобила найти.
Награды одной лишь прошу я у Бога:
«Здоровье!» – его бы сейчас обрести...

О КЫРГЫЗСТАНЕ И ВОЙНЕ¹

...И здесь людей война коснулась так,
Что был любой из выживших – бедняк:

¹ Отрывок из романа в стихах.

И хлеб, и скот они отдали фронту,
Трудились сами до седьмого поту,
Забыв про *боорсоки*, *беш бармак*¹,

Лепёшку поделив на четверых,
Жевали *сарымсак*² и чёрный жмых...
Но вкус Победы был им слаще меда –
Она пришла стараньями народа,
Упорством всех людей и волей их.

Когда фашист Москву пытался взять,
Любой кыргыз скорее стремился встать
В ряды народной армии советской;
Наш Душенкул³ свой подвиг молодецкий
Свершил, героям эпоса подстать;

Казах, кыргыз ли, русский – все равны
Предстали перед ликом той войны,
Что доказал Душен Шопоков делом:
Огонь врага закрыл своим он телом,
Чтоб шли в атаку Родины сыны.

В последний миг под вражеским огнём
О долге ли солдатском думал он,
О мирной жизни, о своей любимой,
О Чуйском небе, синем над долиной?..
Мы не узнаем этого о нём.

Мы только знаем: он не предал нас,
Кыргызов честь и русских тоже – спас,
И защитил Москву и Чуй, и горы...
Его жена... вдова в объятьях горя
Свой подвиг совершала в тот же час:

На плач и слёзы наложив табу,
Работала в тылу Керимбюю
Как будто бы на фронте находилась,
В свой день любой – как в песне говорилось, –
Входила, как в горящую избу...

¹ Боорсок, беш бармак – названия национальных блюд.

² Сарымсак – дикий горный чеснок.

³ Душенкул Шопоков, Герой СССР.

В одном гнезде родились два орла:
В одном доме Героев двух смогла
Взрастить долина Чуйская родная;
Керимбюбю, о муже вспоминая,
Себя навек работе отдала,

Заветам чести следуя, как он,
До солнца прерывая краткий сон,
Она к свекле своей спешила в поле,
Не покидали рук ее мозоли...

Дехкане фронту фрукты, скот, зерно
Всё отдавали – веруя в одно:
Что сытый воин – он отважный воин,
К тому же он посланьем успокоен,
Мол, дома, там, еды ещё полно.

По сути, фронту этот дальний тыл
Всё отдавал: запас еды и сил,
И кровь свою сдавали люди скопом,
Чтоб всем хватало раненым в окопах,
Чтоб наш боец сильнее вражых был.

Вот почему, наверное, бойцы
У нас такие были храбрецы
В любом бою, и даже в рукопашном;
За день грядущий и за день вчерашний
Стояли насмерть братья и отцы.

Солдаты гибли, похоронки шли...
Но все в душе надежду берегли:
Ещё чуть-чуть! Ещё рывок – последний!..
И днем, и ночью каждый ждал победный
Сигнал освобождения земли:

От нечисти фашистской, от беды;
Поля, казалось, ждут, и ждут сады...
Однажды, чуть забрезжил луч рассветный,
Пришел в наш край веселый клич победный:
Мы победили! Вместе – я и ты!

От страстных звуков полнится тревогами душа –
Мелодия ведет её по острию ножа:
Над павшим в битве воином рыдает хрипло мать,
И с плачем ты сливаешься, от горя чуть дыша...
Как голос человеческий, сумевший смерть погрять,
Комуза голос певческий взывает к нам, дрожа.

Судьба есть у мелодии, и норов свой, и лик,
Она рисует красками весь мир, что так велик.
Кыргызская мелодия твердит, что жизнь – борьба,
Что тот сумеет выстоять, кто ценит каждый миг.
В мелодии раскроешь ты все тайны для себя,
Когда не ухом – сердцем всем – к мелодии приник.

ЛИК СТИХОТВОРЕНИЯ

Для поэта блаженство – стихов не писать.
Для поэта мучение – строчку начать...
Нет похожих поэтов, как строк-близнецов:
Свой у каждого лик, и характер, и статья.
Каждый стих для поэта – единственный стих:
Стих – мудрец, он в своём озаренье велик,
Свят, красив, как любовь,
Не похож его лик
На сто тысяч других, как родник – на родник.
Если нет вдохновенья, поэт ни на миг
Не поднимет строку – её колос поник,
Мысли косны, слова не становятся встык...
Перед нами не мастер уже – ученик.
Вдохновенье приходит как важная весть.
Будь поэт наготове – затем ты и есть.
Пусть две птицы сидят на плечах твоих чутко:
Это – совесть поэта
И певчая честь.

В СИНЕМ МОРЕ – БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Чингизу Айтматову

Белый пароход в синеве морской –
Словно яркий луч он в судьбе людской,
Символ красоты, мужества, добра,
Будущих побед, славы мировой.

Волны вдаль бегут под его кормой.
Тысячи наград ждут тебя, герой!
И со всех сторон стар и млад глядят,
Гордость и почёт путь венчают твой.

Белый в синеве – он мечтой богат,
И, наметив цель, не свернёт назад,
Лишь вперёд, вперёд – чтоб достичь всего,
Что предначертал прозорливый взгляд.

Белый пароход, торопись вперед:
Нет таких преград, чтоб ты сбавил ход,
За волной – волна финишной чертой,
Всё преодолел: цель влечёт, влечёт...

Белый пароход, вдаль плыви смелей:
Покоренья ждут тысячи морей!
Вдохновенья стяг плещет на ветру,
Красоту несёт всей земле своей!

Перевод Светланы Суслевой

Георгий СУСЛОВ

(1922-1999)

Георгий Алексеевич Суслов ушел на фронт 19-летним студентом медицинского училища. На передовой ему довелось командовать санитарным взводом. Вот что писали о нем его командиры, представляя его к очередной награде (медалям «За отвагу», «За боевые заслуги» и др., Ордену Красной

Звезды и Ордену Отечественной войны II степени): «Тов. Суслов в боях показал мужество, храбрость (...). В течение двух дней санитарями его взвода вынесено с поля боя 193 раненых бойцов и командиров (...). Лично тов. Суслов оказал первую помощь на передовой 162 человекам...» Спустя буквально несколько месяцев, представляя Г.А. Суслова к новой награде, его командование пишет: «...тов. Суслов с его взводом... оказал первую помощь и вынес с поля боя 265 раненых бойцов и командиров с их личным оружием»... После каждого боя спасенные взводом Георгия Суслова бойцы и командиры исчислялись десятками и сотнями. В одном из представлений рассказывается, как Суслов вытащил с заминированного поля 17 раненых, подорвавшись сам, но в медсанбате продолжал оказывать помощь другим, наскоро перебинтовав свои израненные ноги... Если посчитать, то около тысячи человек вырвал он из лап смерти! Эти и другие сведения о подвигах лейтенанта медслужбы Г.А. Суслова можно прочесть более подробно на сайте <http://www.podvignaroda.ru/>, а «ЛК» предлагает читателям подборку стихотворений нашего земляка Георгия Алексеевича Суслова, после войны с отличием закончившего Киргосмединститут и проработавшего в Кыргызстане хирургом и терапевтом не один десяток лет.

НАКАНУНЕ

На крыльях памяти лечу я в этот день,
Обычный день под звонким небосводом.
Недобрую тогда отбросил тень
Июньский день длиной в четыре года.
Я вспоминаю медленно, не вдруг:
Сама природа расточает знаки:
Сады, луга, побережье – всё вокруг
Окрасил вечер зыбким цветом хаки;
Над нами гроздятся облака,
В неверном свете тонут наши взоры...
Ах! Как твоя доверчивость сладка,
Как глубоки очей твоих озёра,
Как жарок круг смыкающихся рук,
Манящий нас в неистовую нежность...
(Осylim мы иль нет всю скорбь разлук,
Куда уже уносит неизбежность?)
Ах, как кричал оранжевый закат –
Так пилит рашпиль терпко и шершаво.
(Потом я видел много лет подряд
Его в атаках и в зарницах славы).
Какой была тяжелой тишина,
Каким тревожным – зыбкое веселье,
Гроза как будто в воздухе висела...
Наутро грянул горький гром – война!

ЗИМА 1940-1941

Зима в тот год была свирепой,
Как из арктических широт.
И даже с виду очень крепкий
Трещал на Шилке гулкий лёд.
Земля стонала под ногами
И гибли птицы на лету...
Такой, с обильными снегами,
Я и запомнил зиму ту.
Студент вчерашний, сельский лекарь,
Купить я шубу не успел,
В пальтишке ветхом и штиблетах

От лютой стужи коченел...
Теперь с зимою той мы квиты –
Теплы осенние года.
Но не на пляжах – в жарких битвах
Я отогрелся навсегда!

ДЕРЕВЬЯ ПЛАЧУТ НА ВОЙНЕ

Весною, на пороге лета,
Когда в предчувствие рассвета
Скворцы на ветках зазвенят,
Люблю порою зыбкой этой
Я выйти в яблоневый сад.
Он светлым облаком обнимет,
Росой ознобной сон отнимет,
Туманом околдует взгляд.
Здесь молодею я незримо
И, давней памятью гонимый,
Совсем в другой вступаю сад:
В такой же ранний, предрассветный,
В кипенье розовом на ветках,
Но – искалеченный, немой...
Его я видел в пойме Сейма
В боях под Курскою дугой.
Он, весь снарядами изрытый,
Полуживой, полуубитый
Гарь источал, не аромат;
Деревья вышли с поля битвы
Как поредевший строй солдат.
Они стояли насмерть с нами,
И превращались кроны в знамя,
И был он ярок – строй знамён;
Наш сад алел – живое пламя,
И кровь ронял по капле он.
Одни деревья пали долу –
Такая выпала им доля,
Другие – сучья до земли:
Как будто сгорбились от боли,
Неловко взяли костыли.
В тех пор всё время снится мне:

Деревья плачут на войне,
И сад цветёт багровым цветом –
Не то в крови, не то в огне...

А мне опять идти в разведку
Связным – от павших на войне.

XXX

«Молодость моя! Моя чужая...»
Марина Цветаева

«Молодость моя! Моя чужая...»
Чем тебя мне вспомнить? Я не знаю.
Пролетела мимо как мгновенье,
Как кошмара злое сновиденье.
Молодость моя ты, огневая,
Где тебя искать мне? Я не знаю:
В Старой Руссе, на Днестре, на Соже,
Иль в бою под Понырями, может?
Годы то лишений, то сражений –
Ни боёв не счесть мне, ни ранений.
Молодость, окрашенная кровью,
Разминулась с нежностью, с любовью:
Молодость моя утех не знала,
Молодость мою война украла.
Лишь одна любовь – любовь к Отчизне –
Нас вела в бои по кромке жизни.
Молодость моя! – чужая птица,
На тебя роптать или гордиться?
Ты осталась на переднем крае.
Чем тебя почтить мне? Я не знаю...

ДОЛЖНИК

Мы шли в атаку утром ранним, росным,
Под гром фугасов и шрапнельный вой.
Стонали сосны, плакали берёзы.
Мы шли в атаку по траве густой.
Взять не смогли намеченной мы цели –
Уж очень силы были не равны.

Ряды заметно наши поредели,
Пал не один на краешке войны.
Обратно выходить нам довелось
Из боя под густым свинцовым градом.
Упал, сражённый, мой товарищ рядом.
Я взял его на плечи и понёс...
Отстреливаясь, тяжело нести,
Да и огонь был чересчур неистов,
Но так хотелось мне его спасти
Избавить от глумления фашистов!
Принёс к своим, и вижу, как сейчас:
Он пулями изранен, изрешечен...
И понял я, должник его извечный:
Не я, а он меня от смерти спас.

Напрасно думают: с теченьем лет
Свет подвига в забвенье угасает;
Звезда погасшая сквозь вечность полыхает
И дарит людям тот же яркий свет!

КУКУШКА

От дедов достался мне в наследство
Лес огромный в любопытном детстве.
На лесной таинственной опушке
Задавать любил вопрос кукушке:
«Рябушка-кукушка, мне ответь –
Сколько лет расти, чтоб повзрослеть?»
А потом выслушивать, ликуя,
Как кукушка-рябушка кукует...

Сладкий чад черёмух и акаций
Гонит из дому, когда семнадцать.
Ног не чуя, мчусь я на свиданье.
Только бы пришла без опозданья!
Под душистой дымкою сирени
С нетерпеньем жду, душа в смятенье,
На часы гляжу, томлюсь, тоскую...
А кукушка-рябушка кукует!

Застят небо в сумерках не тучи –
Враг крадётся гадиной летучей;
На рассвете блещут не зарницы –
Бой идёт на западной границе;
Не осинка притулилась к тыну –
Мать на битву проводила сына,
В сердце затаив печаль глухую...
А кукушка-рябушка кукует.

Не на карте стрелами косыми –
Реки крови на груди России.
Не бывало злей, страшней разбоя!
Знать, вернулись с эры мезозоя,
Ужасы неся из-за кордона
Бронтозавры и птеранодоны, –
Не видали люди мразь такую!..
А кукушка-рябушка кукует.

Кони ржут над Волгой и над Доном,
Над Днепром справляют пир вороны:
Алчными клыками враг стремится
В сердце нашей Родины вонзиться!
Ото всех необозримых далей
Сыновья богатырями встали,
Бьют врагов жестоких, негодую...
А кукушка-рябушка кукует!

Не пришлось испить фашистской птице
С нашей Волги-матушки водицы:
Отсекли ей хищный клюв зимою
Вместе с кровожадной головою!
Бронтозавры и птеранодоны, –
Ваши карты биты, хоть краплёны!
Вспять бегут фашисты, смерть почуя...
А кукушка-рябушка кукует!

Много ль, мало я прошёл с боями –
Не считал ни вёрст и ни ранений.
В огненной дуге под Понырями
Встретил я костлявую в сраженье.
Опрокинулось на землю небо,
Провалился я в туман и в небыль.

Пить... Но кто мне воду даст живую?..
А кукушка-рябушка кукует.

Позже рассказали, как меня
Девушка тащила из огня,
Завернув в палатку, словно кокон,
Через рвы, воронки и окопы;
Как хирурги наши ночь не спали –
Шили, резали и вновь латали,
Над моими ранами колдуя,
Слушая, как рябушка кукует.

Доноры, врачи и санитары
Жизнь вдохнули в штопаное тело.
Веселей на сердце как-то стало.
Что грустить, коль руки, ноги целы?
Ждут меня бои, окопы, пушки...
Задаю опять вопрос кукушке:
«Сколько лет, вещунья, проживу я?»
А кукушка знай себе кукует!

Вся Европа пламенем объята:
Близится священный час расплаты.
Драпают поспешно всюду каты.
Стяг Победы в логове проклятом!..
Жив я, мама! Я пришёл, невеста!
Здравствуй, лес из розового детства!
Радуюсь я, тишину смакуя...
А кукушка-рябушка кукует!..

ЗАВИСТЬ

Первогодки. Стройные ребята,
Словно молодые топольки,
Загорают на траве примятой,
Плещутся в излучине реки...

В их-то годы был и я солдатом,
Тоненьким и хрупким, как свеча.
Тайно я завидовал комбату –
Грузному, широкому в плечах.

Я теперь, как тот майор когда-то,
Грузным стал и чуточку седым...
Может, мне завидуют ребята,
Как сейчас завидую я им?

Родился в 1937 г. в г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. С 11 лет начал свою трудовую деятельность учеником жестянщика. Окончил школу мастеров Лениногорского полиметаллического комбината, а затем

Лениногорский лесной техникум по специальности техник-механик широкого профиля.

У него было две страсти, которые он пронес через всю свою жизнь, - литература и прикладная механика.

Переехав с семьей во Фрунзе, работает в Управлении теплосети. Ушел из жизни в 2013 году. Спустя год вышел сборник его стихов с предисловием народного поэта КР Вячеслава Шаповалова.

СНЕГОПАД

Был снегопад на вальс похож точь-в-точь –
Кружился в танце снег под фонарями,
Заштатный городок, зарывшись в ночь,
Манил к себе призывными огнями.

Я из вагона вышел подышать
И замер на заснеженном перроне,
Как будто бы боялся помешать
Снежинкам в нескончаемой погоне,

Как будто бы боялся разбудить
Волшебный мир из белой акварели,
Сумевший так искусно нарядить
Пушистые заснеженные ели.

Передо мною в благодатной тиши,
На фоне русской матушки-зимы
Горбатились заснеженные крыши
И вились запоздалые дымы.

И восхищенье овладело мною,
И все смятенья отлетели прочь –
Был снегопад тому виною,
Прекрасная чарующая ночь.

И вдруг, совсем внезапно для себя,
Я окружен был выпившим народом,
И, пригоршнями кинув снег в меня,
Девчонка засмеялась: «С Новым Годом!»

Был снегопад на вальс похож точь-в-точь,
В душе печаль саднила, как заноза,
И разбивалась всплугнутая ночь
О потный лоб трудяги тепловоза.

Вагон меня баюкал, как ребенка,
Но отчего-то я уснуть не мог –
Мне виделась веселая девчонка
И маленький заштатный городок.

ПОБЕДА

Мы помним волнение той даты –
Столица встречала сынов,
Домой возвращались солдаты,
Кольчугой звеня орденов.
Победа, победа, победа –
Не просто досталась она,
И всюду от внучки до деда
В слезах ликовала страна.
Мы все забывали усталость,
Трудясь для нее для одной,
Нам эта победа досталась
Такою огромной ценой!
Мы столько ночей недоспали,
И помним во веки веков,
Как в день этот под ноги пали
Штандарты и флаги врагов

Брошу все, - уеду к морю,
Отрешусь от всех забот,
Наслажусь свободой вволю
На песочке, словно кот!

Натяну в заплатках шорты, -
Все свое с собой ношу,-
Многолюдные курорты
Я совсем не выношу.

Встану станом у залива,
Ни за что не утону,
Буду щурится лениво
На зеленую волну.

Буду плотно, - до упора,-
Загорать и отдыхать,
Буду запахи простора
Полной грудью я вдыхать.

На волне, слепящем бликом,
Сплав из солнца с тишиной
И кричат, унылым криком,
Только чайки над волной.

Пахнут водоросли йодом,
И пугая царство грез,
Надо мной пчела за медом
Пролетит, как бомбовоз.

ТОРГ

Пестротою зевак увлекает
В конкурентной борьбе за навар,
Всевозможный товар предлагает
И шумит многоликий базар.

Бойкий парень скупает медали,
В заграничные шмотки одет.
Подмигнул и хохочет – видали?
Во, ползет ископаемый дед!

А старик с деревянной ногою,
Проглотив ставший в горле комок,
Подавал орден дрожащей рукою:
– Посмотри-ка на это, сынок.

Парень взял, повертел, как игрушку.
– Продаешь? – Если купишь, продам.
– Я, старик, за твою побрякушку
Больше тысячи сроду не дам.

Деньги жалко на глупости тратить!
А старик, как в ознобе, дрожит.
– Этих денег на уголь не хватает,
И старуха больная лежит.

Парень орден ногтем поцарапал.
Дед ему: – Не шути, дорогой.
Мне фашист мою ногу оттяпал,
Видишь сам, я работник какой.

– Да, старик, без ноги дело – бяка! –
Парень чурку его оглядел:
– Ты, оказывается, вояка;
А, похоже, в тюрьме сидел.

Значит, раньше по фене ты ботал.
Сколько просишь? Пять штук? Ну, даешь!
Если кровью своей заработал,
Так чего ж ты его продаешь?

Нацепляй и носи, коли дали,
И пускайся от радости в пляс.
Вы похуже б тогда воевали –
Может, лучше б мы жили сейчас.

Дед ответил: – Ты горя не видел,
Сытно ел, сладко спал, вдоволь пил.
Ты, сопливый гаденыш, обидел
Всех, кто жизнь за тебя положил.

Не они, так вы б вовсе не жили,
Не позорили б память отцов,

Всех, кто жизни свои не щадили,
За таких вот, как ты, подлецов.

От обиды аж дух захватило,
Как у бездны на самом краю.
Будто смерть над бойцом закружила,
Как в том самом последнем бою.

Трое их – из живых в первой роте.
Приближаются взрывы стеной.
Он лежит с пулеметом в окопе,
И Москва у него за спиной.

И старик распалился, как в драке:
– Кровь чужую скупаешь, стервец!
Посмотреть на тебя бы в атаке,
Под огнем пулеметным, подлец!

– Это кто кровь чужую скупает? –
Оскорбился крутой паренек.
– Ты гляди-ка, еще выступает,
Нарывается старый пенек.

Что я взял? Где свидетель? Кто видел?
Отойди, не мешай торговать.
Ты во сне, видно, орден увидел
Отцепись, говорю, твою мать!

Не стеснясь людей, подзаборно
Старика паренек матюгнул.
Чемоданчик захлопнул проворно
И в толпу, как в пучину, нырнул.

Дед взмолился: держите ворюгу!
Обокрал среди белого дня!
Но блуждают улыбки по кругу.
Всем забавна вся эта фигня.

И смотрела на старого хрена
Молодежь, что торгует с лотка.
Вот такая надежда и смена –
Все продаст, и страну с молотка.

Им понятно, что деду обидно,
Так попасться на простенький ферт.
Но в глазах сострадания не видно,
Забавляет бесплатный концерт.

И старик, словно разом очнувшись,
Стер со скулы слезу кулаком.
И пошел, виновато согнувшись,
К воротам сквозь толпу напрямиком.

Нет, никто тут не вступится, ясно.
Хоть живому в могилу ложись.
И обидно до слез, что напрасно
На таких вот потрачена жизнь.

Значит, зря жил, душой не виляя,
Шел под пули в мороз и дожди...
Только сзади, его догоняя,
Кто-то крикнул: – Отец, подожди!

И вторично окликнув, догнали,
Повернув за плечо старика.
Лет примерно по двадцать, едва ли,
Невысокие три паренька.

И в ладонь ему орден вложили,
И сказали: – Прости нас, отец!
Мы подонка того изловили,
Ты не думай, что каждый – подлец.

И, на жалости время не тратя,
Обыскали карманы свои.
– Мы себе заработаем, батя,
Забери – эти деньги твои.

И ушли, словно канули в воду,
Будто деньги для них ерунда.
На дороге, мешая народу,
Плакал старый боец от стыда.

Вот такую я видел картину.
Прочно врезалась в память она.
И подумал: в лихую годину
Нам любая беда не страшна.

Если в эти нелегкие годы
Мы сумеем друг другу помочь –
Пересилим любые невзгоды,
Сможем все одолеть, превозмочь.

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий САНДЛЕР

ГЛАВНЫЕ ПЕСНИ О СТАРОМ

Вместо предисловия.

Ты жив, пока у тебя есть хорошая история и кто-то, кому ты можешь ее рассказать.

**Алессандро Барикко,
«1900-й. Легенда о пианисте».**

Все хорошее когда-нибудь кончается. Вот так и моя публичная жизнь приказала долго жить. Больше не будет в американских газетах и журналах статей за моей подписью, и NTV America не возьмет у меня интервью по случаю выхода в свет новой книги для рубрики «Русское зарубежье», потому что я ее не напишу. Всему (и всем!) свое время. Мое мне видится в прошлом. Вроде бы у пенсионеров принято писать мемуары, но это сказано про тех, чья биография может представить интерес для окружающих, - значит, не про меня.

С другой стороны, как ни крути, а полвека из 76 мною прожитых лет отдано журналистике: радио, телевидение, газеты, журнал; Киргизия, позже - Штаты. Сюжетов набралось на целый роман, как минимум - на киносценарий, по которому режиссеры плачут. Романист и сценарист из меня никудышний: не художник я, сочинять, чтоб при чтении дух захватывало, не умею. Лучше возьму пример с киргизского акына: что видел, что знаю, про то и спою.

КАРА-КУЛЬ: ТУДА И ОБРАТНО

Я Б В РАБОЧИЕ ПОШЕЛ...

Из несчетного числа командировок, в которых я побывал за семь лет работы корреспондентом Киргизского радио, очень многие пришлось на поселок (ныне город) Кара-Куль на реке Нарын, где в узком горном ущелье строилась знаменитая в ту пору Токтогульская ГЭС – основная станция в составе Нарынского гидроэнергокаскада, строительство которого так и не было завершено. Первая наша с «Токтогулкой» встреча состоялась, когда Нарын был уже перекрыт и оба его берега соединяла основание бетонной плотины, которой предстояло (замечу сразу: не без моего скромного участия!) подрасти до 215 метров. Проектную мощность станции в 1 миллион 200 тысяч киловатт обеспечивали четыре агрегата по 300 тысяч киловатт каждый.

Возвращаясь из Кара-Куля во Фрунзе с набором магнитофонных кассет, на которых были записаны интервью руководителей стройки, инженеров и мастеров, разговоры с рабочими - бульдозеристами, бетонщиками, монтажниками, - я рассказывал в радиоэфире обо всем, что увидел и услышал. Дважды в моих очерках и репортажах звучал голос начальника Управления строительства НарынГЭС Зосимы Львовича Серого, много раз я встречался и беседовал с руководителями других подразделений стройки. Так что, отправляясь летом 1970 года в Кара-Куль с заданием взять интервью у Казбека Хуриева, начальника Управления основных сооружений, которое строило плотину «Токтогулки», я ехал туда как свой человек, перед которым все двери открыты. Оказалось - все, да не все. Хуриев передал через секретаря, что на встречу с журналистами у него «нет времени». Дня два я нахально попадался ему на глаза то перед зданием УОС, то на створе плотины – всё бесполезно. Прошу знакомого мастера участка Александра Панькова: замолви, Саша, за меня словечко перед Хуриевым, скажи, что не для того я проехал четыре с половиной сотни километров, чтобы возвращаться с пустыми руками. Паньков на моих глазах подошел к Хуриеву, о чем-то с ним заговорил. Вернулся ко мне и, не пряча злорадной ухмылки, популярно объяснил, за что его шеф не любит нашего

брата-журналиста: «Вы, говорит, ходите по стройке в белых перчаточках, строчите в блокнотик цифры выполнения плана да имена передовиков, где ж вам понять, как тяжел труд гидростроителя...»

Он все это мне сообщал, весь из себя гордый от сознания порученной миссии, а у меня в голове, как на кассете магнитофона, крутилось мичуринское: «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее – наша задача». На самом ли деле абсурдная мысль, которую нам вдолбили еще в школьные лета, принадлежала знаменитому селекционеру или ему ее приписывают, но мне она припомнилась вовремя и к месту...

Вернувшись во Фрунзе, я доложил своему начальству, что задание не выполнено, тут же оформил давно заработанный отпуск, уложил в здоровенный рюкзак магнитофон с большим запасом кассет, туда же - старые брюки, свитер, резиновые сапоги, пару смен белья, попрощался с женой и детьми – и к рейсовому автобусу, чтобы отвез меня в Кара-Куль.

Замначальника НарынГЭС Петр Федорович Шинко – «папа и мама» всех журналистов, пишущих о стройке (место в гостинице, машина для поездки на объект, свежая информация о стройке, помощь в устройстве быта - никогда ни в чем мы не знали отказа) очень удивился: «Ты ж от нас два дня как уехал!..» Узнав про мою причину, рассмеялся, но одобрил и сказал: «Пиши заявление: прошу направить временно на строительство плотины ГЭС. Написал? Теперь двигай к Хуриеву, он как раз у себя». Хуриев, когда я положил перед ним заявление, глянул на меня пристально, узнал, но радости по этому поводу не проявил, только спросил: «Что, потянуло поближе к народу?» Я бормотнул что-то вроде: вот именно, потянуло. Он вынул авторучку, черкнул по бумаге: «В бригаду Феттаева, разнорабочим».

С ПОНТОМ СТУДЕНТ, А САМ...

Прославленная бригада механизаторов Сеяра Феттаева работала на послышной укладке бетона в тело будущей плотины. Бетон поступал круглые сутки без перерывов, работа шла в три смены с участием миниатюрных бульдозеров и тракторов на электротяге. Механизм с кабиной объемом с собачью будку подсоединен кабелем к силовому щиту, человек в такой кабине сидит за рычагами, скрючившись. Процесс прост и

монотонен: малютка-бульдозер своим ножом равномерно распределяет по гигантскому телу плотины доставленную в самосвале бетонную массу, следом на эту мерно колышущуюся массу вползает малютка-трактор с навесным пакетом из четырех электровибраторов, человек в кабине простым нажатием кнопок на рычагах погружает вибраторы в бетон и три-четыре минуты его «прорабатывает», то бишь уплотняет до состояния монолита. Очередное нажатие кнопок - вибраторы выползают наружу, чтобы погрузиться в новой точке. И так – восемь часов с перерывами на перекуры и обед. Кстати, слово «перекур» здесь присутствует по дежурной необходимости – просто я не знаю, как по-другому назвать короткий, в десятку минут, отдых от изматывающего ритма и шума рабочего дня на строящейся плотине ГЭС. Можете мне не поверить, но на всю нашу бригаду, разбитую на три звена и на три смены, было всего трое курящих, включая меня.

Мой первый день в бригаде начался с ответов на вопросы, которые обычно задают любому новичку: кто такой, откуда и зачем прибыл, надолго ли. Как было задумано с самого начала, я соврал: студент, стипендия маленькая, сейчас у нас каникулы, хочу подзаработать. Мне поверили. Выдали совковую лопату, ведро, рукавицы из толстой резины, строительную каску, объявили бетонщиком 3-го разряда и приставили к ответственной операции: черпать совковой лопатой воду, вытекавшую из-под свежего бетона, сливать ее в ведро, оттуда – в огромный металлический бак.

Дня через три мой звеньевой Саша Ильин, убедившись, что перед ним не филон, доверил мне управление электро-трактором с пакетом вибраторов, показал, как «прорабатывать» бетон. Процесс, с которым бы после часовой дрессировки справился цирковой медведь, во мне вызывал чувства сродни тем, что испытывает летчик за штурвалом МИГа.

Свое истинное лицо перед бригадой я раскрыл к концу первой рабочей недели, во время перекура. В конце концов, не ради одного Хуриева я сюда приехал, вон какие интересные люди меня окружают, с каждым есть о чем говорить. И вот сидим мы вчетвером на перевернутых пустых ведрах: звеньевой Саша Ильин, бульдозеристы Александр Луценко и Иван Чжан и я, разнорабочий. Собравшись с мыслями, обращаюсь к Ильину как к старшему по должности: «Саша, я никакой не студент, это была шутка, я журналист, работаю на радио, хочу писать про вас, про стройку. Не сразу в этом признался, хотел,

чтобы меня приняли за своего...» Ильин посидел-посидел, переваривая новость, потом произнес: «Много видал я вашего брата, но такого вижу в первый раз. Ладно, работай, как работал». Неожиданной была реакция Луценко: «Вот это ни х...! А мы при тебе матерились!» Пришлось успокоить человека, сказать, что я и сам такой, а если редко выражаюсь матом, так это потому, что лень лишний раз рот раскрыть шире обычного. Взаимное уважение было восстановлено, и мы вернулись к работе.

Заставь Сандлера бетон уплотнять...

ИНТЕРВЬЮ ХУРИЕВА БЕТОНЩИКУ 3-го РАЗРЯДА

Ночевал я в общежитии, где мне выделили отдельную комнату, по вечерам ходил в гости к кому-нибудь из бригады, и под включенный магнитофон, под вкусный чаек, а иногда и под водочку, слушал и записывал их рассказы о стройке, о житье-бытье в условиях высокогорья, на отшибе от искусов цивилизации. Поняв, что в бригаду к ним пришел не белоручка, не праздно интересующийся щелкопер, люди раскрывались

передо мной, рассказывали «как на духу». При этом я ни на минуту не забывал, что поводом к моей нынешней поездке и одной из главных целей моего нечаянного трудового порыва было интервью с Казбеком Хуриевым.

Прошла еще неделя. В один прекрасный рабочий день, когда на створе были временно отключены генераторы и наступила непривычная уху тишина, Хуриев сам подошел и спросил: «У вас, кажется, были ко мне вопросы – они остались?» Да, отвечаю, остались, а к ним новые прибавились. «Ну, хорошо, зайдите после смены в мой кабинет». Я отпросился у Ильина, вскочил в вахтовый автобус, приехал в поселок, помчался в общежитие, схватил магнитофон – и назад, на створ, в контору к Хуриеву.

Беседа наша длилась дотемна. Инженер от Бога, трудолик и умница, Хуриев говорил тихо, как это свойственно людям, знающим, что каждое их слово будет услышано, потому что оно - весомо и ценно. Ответил на все мои вопросы, отвез меня в общежитие, и мы попрощались. Интервью прошло в эфире республиканского радио, затем его отправили в Москву, на радиостанцию «Юность», она периодически освещала дела киргизской стройки, признавая ее всесоюзное значение. Для меня интервью с Хуриевым было одним из многих, взятых до и после, другое дело, что оно поменяло мое отношение к профессии, которую я только-только начал по-настоящему осваивать, и в этом его главная ценность.

В последующие три-четыре года, что я регулярно наезжал в Кара-Куль, Хуриев, встречаясь со мной, узнавал, кивал издалека - и только. Я не в обиде: дела и люди, его окружавшие, для него были важнее любого корреспондента, даже такого, который доказал на деле, что ходить по стройке в белых перчаточках – не его стиль.

CHEVROLET ОТ БЕЗРАБОТНОГО ПАПЫ

На стройке проходили производственную практику студенты-иностранцы технических вузов Союза. Будущие геодезисты, проектировщики, гидроэнергетики, выходцы из стран Азии, Африки, Латинской Америки, они жили в Кара-Куле по полгода и дольше, постепенно осваиваясь, как у себя дома, а порой и вольготнее. Пожалуй, скромней и скудней прочих жили студенты-вьетнамцы. Этих малорослых ребят, в отличие от африканцев или сирийцев, невозможно было встретить

в местном ресторане или даже в столовой, еду они готовили сами, варили супчики из дешевых концентратов, чай пили, по три дня не меняя заварку. Во время практики они получали не очень большие деньги, но и эти малые суммы старались на себя не тратить, отправляли своим семьям во Вьетнам, где местный банк их рубли переводил в донги. Люди на стройке про это знали, и вьетнамцам сочувствовали.

В соседнем с моим номере гостиницы «Турист» жил студент из Сомали, звали его Мохамед. «Токтогулка» давала богатый материал для дипломной работы, которую он готовился защищать в своей альма-матер, Московском инженерно-строительном институте. По-русски он говорил свободно, но с заметным акцентом, что лишь добавляло мне удовольствия от бесед с ним.

Стоим на улице у входа в гостиницу. Мохамед провожает взглядом проезжающий мимо «горбатый» «Запорожец»:

- Я раньше уже видел такую машину. Это Volkswagen, да?

- Ну, нет, - блеснул я знанием марки автомобиля, - это «Запорожец».

- А у нас в Сомали такие бывают Volkswagen. Их покупают всякие бедняки, студенты, у кого деньги мало.

- А у тебя, - интересуюсь, - там есть машина?

- Да, есть. Дорогая. Chevrolet. Мне папа купил.

- А где папа работает?

- Нигде не работает. Дома сидит. Мама тоже дома сидит.

- Откуда у безработных родителей деньги на такую дорогую машину?

- Папа имеет овцы, козы, бараны, берблюды. Наверно, десять тысяч штук.

- За ними же присмотр нужен! А ты говоришь – не работают.

- Там есть специальные люди, они смотрят. За это папа им платит деньги...

О ПОЛЬЗЕ БРОСАНИЯ КУРИТЬ

В вечерних посиделках «за чашкой или рюмкой» случались ситуации курьезные, при этом нередко имевшие серьезные последствия. Вот одна такая, которую я люблю рассказывать с особым удовольствием.

Сижу в гостях у Ивана Ивановича Чжана. Он в Киргизию приехал с Дальнего Востока, сын русской мамы и отца-китай-

ца, отсюда и фамилия. Крутится кассета моего магнитофона, записывает рассказ хозяина о недавних временах, когда он работал на большом бульдозере С-100, пробивал техническую тропу к отметке «1300» на левом берегу Нарына.

- Сперва идут скалолазы-оборщики, за ними - взрывники: бурят шпурь, закладывают взрывчатку, потом отпаливают, взрывают, а я бульдозерным ножом осторожно подталкиваю взорванную породу к краю обрыва и сбрасываю вниз. Гляну из кабины: правый башмак бульдозера завис над обрывом сантиметров на пять... - Секунду подумав, поправил себя: - ...на шесть.

В тихом восторге от проявленной бульдозеристом ювелирной точности, замечаю как бы проходя:

- Нервы, поди, в такие минуты натянуты, как струна...

- Да нет, знаете, не очень, - успокоил он меня. - А вот как смена закончится - тогда понимаешь, на каком работал на пределе. Спустишься из кабины, на землю сядешь - ощущение такое, будто тащил в гору груз килограммов под сто, дотащил, с плеч свалил. И сразу так легко станет...

Все еще под впечатлением от его рассказа, раскрываю пачку болгарских «Родопи»:

- Не возражаете, если я закурю?

- Курите, вон, даже пепельница вам поставлена, - показал он рукой.

- Угощайтесь и вы.

- Нет, спасибо, с этим я давно покончил.

- Похоже, не вы один покончили. В бригаде вообще мало кто из мужиков курит. Чем это объяснить?

- Бетоном. Раньше у нас почти все курили. Мне лично двух пачек на день не хватало. Это когда мы на больших бульдозерах работали: сидишь, дымишь... А как на плотину пошел большой бетон и мы пересели на малые бульдозера, дымить стало неудобно. В кабине сигарету запалишь - дым в глаза, кашель. Никакого удовольствия! Остановить бульдозер, выйти из кабины и спокойно покурить - нельзя, бетон не ждет. Пришлось бросить...

Очерк о строителе Токтогульской ГЭС Иване Ивановиче Чжане и целой бригаде бросивших курить прошел в республиканском эфире и был отправлен в Москву, на радиостанцию «Юность», где нашим материалам с «Токтогулки» всегда давали зеленый свет. А тут и новая удача: меня посылают в командировку на Всесоюзное радио. Прилетев, еду на Пятницкую,

25, поднимаюсь на лифте в редакцию «Юности», по коридору навстречу - мой московский редактор Миша Землянский:

- О, старик, молодец, что приехал. Заходи ко мне. Как раз завтра твой материал идет в эфир. Все в нем классно, только один кусок я вырежу, где твой герой рассуждает о вреде курения.

- Но почему, Миша?! – ахнул я, чуть не сходя на крик.

- А что такого? Подумаешь, трудно ему курить в кабине! Когда я студентом ездил на лесозаготовки, помощником крановщика, так мы, работы не прекращая, в две цыгарки как засмолим – света божьего не видим, - и ничего. Короче, этот детский сад я вырежу.

Вошел не знакомый мне сотрудник «Юности», поздоровался, спросил:

- Об чем спор, други?

- Вот, познакомься, мой постоянный автор из Киргизии, сделал для нас хороший материал, завтра даю его в эфир, но хочу убрать оттуда один кусок, а он против. Да вот, сам послушай.

Он включил стоявший в кабинете студийный МЭЗ, на котором лежал блин пленки с записью моего очерка. Прослушав «крамольный» кусок раз и другой, коллега Землянского сказал:

- Миша, по-моему, ты неправ. Сам подумай, доктора страшат нас, курильщиков, всякими напастями: одышка, рак легких, болезни сердца, - много мы их слушаем? А тут работа заставила людей бросить курить. Кому такое рассказать – не поверят!

Землянский, вынимая из пачки сигарету, обреченно махнул рукой:

- Ладно, пусть идет как есть. Вас двое, я один...

МОНТАЖНИК-НЕ-ВЫСОТНИК

Быть разнорабочим мне понравилось, я захотел повторить опыт, и очередной летний отпуск провел на строительстве здания ГЭС, в бригаде Ислама Хамдамова. Зарема с детьми (Марине было неполных девять лет, Саше - пять) приезжала ко мне «на побывку» - вот мы стоим вчетвером на фоне кара-кульской жилой новостройки. Фотографировал мой друг Рашид Акбутин, мы с ним были знакомы, когда он еще жил

во Фрунзе, а в Кара-Куль его привела любовь к горам. Этот снимок, а с ним и несколько других, сделанных там же, - немой укор мне, четыре лета подряд лишавшему самых близких мне людей возможности отдохнуть нам вместе, по-семейному, - и все ради моих амбиций. Владевший мной некий романтический порыв на самом деле был откровенной дурью, которую, увы, не исправишь..

Мой третий отпуск пришелся на работу в мехколонне №38, которая вела прокладку ЛЭП-500 на трассе Кара-Куль – Андижан. Меня зачислили в бригаду монтажников под командой Михаила Калмыкова. Мастер высокого класса, объехавший пол-Союза, силач, каких мало, матерщинник, каких мир не видал, он не боялся ни начальства, ни бога, ни черта, и только один человек в мире мог заставить Мишу Калмыкова унять буйный темперамент и понизить голос до шепота – его миниатюрная жена, подарившая ему двух дочурок, которых он боготворил.

В бригаде мне выдали страховочный пояс для работы на высоте – широкий, тяжелый, усыпанный заклепками, да еще усиленный мощной цепью. Этим поясом монтажнику полагалось прикреплять себя к стальной секции опоры, которая во время сборки лежала на земле, – это спасало от перспективы сверзиться вниз с шестиметровой высоты и покалечить руки-ноги. Не догадываясь, что на этой работе нужно еще и голову беречь, я перекинул цепь через шею и, оседлав этаким лихим джигитом свое рабочее место (см. фото), огромным гаечным ключом подтягивал гайки к болтам – и так полную смену, две недели подряд. А однажды... Впрочем, слава Богу, ЧП не случилось.

ЯСАК НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

На оставшиеся полмесяца меня перебросили на другой участок работы, менее ответственный и, как оказалось, более сытный. Накануне предупредили, чтобы взял с собой пару пустых стеклянных банок. «Для чего?» - «Там увидишь».

Часть калмыковской бригады в составе: двое взрывников, бульдозерист и двое разнорабочих – расширяла пробитую в горах старую грунтовую дорогу, готовила трассу под высоковольтную линию электропередачи, которой предстояло покрыть расстояние в 118 км. от киргизского Кара-Куля до узбек-

ского Андижана. Наш бульдозерист Борис Иванович, следуя за взрывниками, аккуратно подгробал ножом бульдозера груды скальной породы, подталкивая их к краю обрыва. Мне с моим напарником Генкой доставалась самая легкая часть: вручную убирать с проезжей части оставшиеся камни, добавляя к основной массе. Трасса проходила в горах, дорожное полотно следовало расширить до 10 метров, чтобы по нему не только прошли новые опоры, но и могли напрямую проезжать автомобили, доставлявшие из ближайшего совхоза в магазины и столовые Кара-Куля свежее молоко, сливки и сметану. До сих пор доставка велась кружным путем, километров за 70, но в будущем, которое пока не наступило, путь по прямой обещал стать вдвое короче. Совхозные водилы, понимая, что с хорошими людьми всегда можно договориться, не стали дожидаться, пока дорогу достроят и откроют по ней движение...

Время приближалось к полудню. Мастер-взрывник Сергей спросил у меня:

- Банки взял?

- Взял. Хотя и не понял, зачем.

- Сейчас поймешь. Тебе что больше нравится – сливки или сметана?

- Да вроде все вкусно.

- Ну, вот и хорошо. Борис Иванович, глуши мотор, к нам, кажется, едут.

И правда: со стороны, откуда, по идее, никто ехать не должен (дороги-то нет!), приближались две автоцистерны с надписью «Молоко». Машины остановились, из кабин вышли водители, а к ним уже шли с банками наперевес мои товарищи. Я от них не отставал с банкой, тщательно отмытой от кабачковой икры.

- Кому сливок – идите к первой цистерне, за сметаной – ко второй.

- А я в обе банки залью сметану. Жинка моя уже не помнит, когда покупала ее в магазине.

Я подставил пол-литровую тару под струю сливок: спасибо, хватит.

Расстались, довольные друг другом: довольные водители, выплатив дорожный ясак, повезли свой скоропортящийся груз в Кара-Куль кратчайшим маршрутом; сытые дорожники вернулись к прерванным занятиям.

На следующий день все повторилось: автоцистерны – сливки-сметана – «спасибо, до завтра».

Завтра принесло неожиданные перемены. Машины подъехали вовремя, в первой из них рядом с водителем сидел незнакомый мужчина. Он-то и вышел из кабины, направился к нам, спросил строго:

- Я главный агроном совхоза. Кто здесь у вас старший?

- Ну, я, – выступил вперед Сергей. – Случилось что-нибудь?

- А то и случилось, что вы тут поборами занимаетесь. Меня директор послал с вами разобраться. Немедленно пропустите машины в Кара-Куль!

- Какие машины, в какой Кара-Куль? – удивился Сергей. – Вы же видите – здесь дороги нет. Федор Иванович, объясните товарищу.

Подняв лежавший на земле металлический штырь с табличкой, на которой было выведено красным «Проезд строго воспрещен! Идут взрывные работы», Федор Иванович воткнул его в землю перед носом главного агронома, обложил рваным камнем, чтоб не упал. Залез в кабину бульдозера, завел двигатель, развернул машину поперек, заглушил двигатель, вышел, сел на камень, закурил...

- Вы грамотный? – кивнул на табличку Сергей. – Езжайте назад. Счастливо вам.

Мне, скажу честно, стало жаль бедного главного агронома, когда я представил, как он везет в обратный путь сметану и сливки, пока те медленно, но верно прокисают.

Но снова был день. И снова нам была предоставлена вкусная молочная пища. Это выглядело так. В полдень знакомо проурчали двигатели молоковозов. Водитель первой машины шел к Сергею, неся на вытянутых руках по бутылке «Столичной».

- Мужики, все путем. Это директор наш посылает, просит не обижаться за вчерашнее. Берите кому чего надо, сколько хотите...

Ни разу в жизни не ел я сметаны и сливок вкуснее, чем те, добытые на большой дороге!

СТРАСТИ ПО ДОБРОТВОРСКОМУ

**Не знаю человека, который мог бы возглавить театр
после моей смерти. Вместе с создателем обычно
умирает и его дело...
Сергей Образцов**

Последний раз мы с ним встречались больше тридцати лет назад, когда киргизская столица еще звалась Фрунзе, а не Бишкеком. Встреча оказалась короткой и грустной. Мы оба знали, что вряд ли увидимся в этой жизни: я уже подумывал об эмиграции, а мой *vis-a-vis* уезжал на Керченский полуостров, в крымский поселок Щелкино, в окрестностях которого строилась (да так, похоже, и не достроилась) атомная электростанция. Вот почему прощались мы навсегда, оставив для общения единственный мостик: звонки по телефону. Привыкший всегда и во всем добиваться победы, он три года назад ушел из жизни побежденным, почти 90-летним и практически нищим.

В киргизском поселке (ныне - городе) Кара-Куль, где жили строители станций Нарынского каскада, в первую очередь – важнейшей из них, Токтогульской ГЭС, за ним закрепилось прозвище, сполна выражавшее все то, что думали о нем люди, близко его знавшие: Добро. Звучит красиво, а ведь это всего лишь производное от фамилии.

Тощенькая, в неполную сотню страниц книжечка под странноватым названием «Не время ждать отбоя» вышла весной 1980 года. Ее герой - Вячеслав Прокопьевич Добротворский, начальник автотранспортного объединения в структуре Управления строительства «Нарынгидроэнергострой». В ремонтных мастерских АТПО я работал весь июль 1973-го, используя всякую свободную минуту для встреч и разговоров с Добром. Не стану здесь пересказывать содержание книжки, лишь приведу отдельные эпизоды из нее. Каждый эпизод выглядит легендой, которыми была окружена личность Добротворского, но в которых что ни слово, то правда.

«НЕ ИМЕЛА БАБА ХЛОПОТ...»

В декабре 1964 года Добротворский принял под свое начало коллектив водителей, ремонтников и инженеров почти в

тысячу человек и к ним впридачу - четыре сотни автомобилей, преимущественно большегрузных. Автохозяйство, находившееся в стадии полуразвала, ежегодно доставлявшее 300 000 рублей убытка, он в короткий срок сделал прибыльным и высококорентабельным. Способ для этого выбрал до смешного простой, зато на редкость эффективный.

Вся жизнь Кара-Куля, залегшего далеко и высоко в горах, куда и самолетом невозможно долететь, в сотне километров от ближайшей железной дороги, целиком зависела от автотранспорта. Металлоконструкции, цемент и агрегаты для строящейся ГЭС, продовольствие и промтовары для поселковой торговли, стройматериалы для жилья – все доставлялось в кузовах ЗИЛов, КраЗов, БелАЗов. Миллионы тонн, которые часто некому было перевозить: один за другим увольнялись водители. Их отсутствие стройка ощущала мгновенно и болезненно по сбоям в поставках материалов, по тому, как срывался график строительства основных сооружений, по частым остановкам двух жизненно важных заводов: гравийно-сортировочного и бетонного.

При огромных новостроевских нагрузках, рискуя жизнью и здоровьем на горных дорогах, в июльский зной и в декабрьский гололед, водитель редко успевал пообедать, да и чем могла его удивить общепитовская столовка, чей борщ хотелось, даже не замочив в нем ложку, отправить в помойное ведро вместе с рыбой жареной и котлетой с макаронами. Если кто-то, не имея выбора, приноравливался к быту новоселов, при котором живешь с семьей в строительном вагончике, а мясо, молоко, фрукты и свежие овощи – редкие гости в твоём холодильнике, то опытный водитель с такой романтикой мириться не хотел, он знал, что есть в стране другие стройки, где его примут с дорогой душой и создадут условия, близкие к человеческим.

Первая в Кара-Куле свиноферма (она же и последняя) появилась в хозяйстве Добротворского, нигде больше она появиться не могла. Денег на такое обзаведение бюджет не выделяет, поэтому строили свинарник всем миром, в выходные дни и просто в свободное от основной работы время, пуская в дело бракованные панели, доски и кирпичи, их на поселковой свалке было навалом. Поросят купили, скинувшись по пятерке с носа. Год спустя появилось мясо, работники АТПО покупали его прямо со склада по цене полтора рубля за килограмм. Дешево, говорите? Ну, не так уж и дешево, мясо-то свое, и на

откорм свиней тратиться не пришлось, их кормили отходами из столовой. Свиньи плодились и размножались, но и аппетиты едоков росли: захотелось им курятины. Пришлось закупить несколько сотен цыплят, заложить инкубатор. Потом и до покупки коров молочной породы руки дошли.

В коллективе работало немало киргизов, узбеков, татар, они, как всем известно, свинину не жалуют. Добротворский в обмен на свиней добыл в Алайском районе десяток овец, а из соседнего Таджикистана выписал баранов гиссарской курдючной породы. В свой черед овцы дали потомство, в столовском меню появились блюда из баранины: плов, шорпо, мастава. Все работники АТПО могли отовариваться свежим мясом по льготной цене, - все, повторяю, кроме... Зои Алексеевны Добротворской, ей муж запретил даже появляться возле склада: «Ты купишь, а люди скажут, что взяла бесплатно, как жена начальника. Жди, когда завезут мясо в поселковые магазины, стой в очереди, а не купишь - перебежмся». Мария Долгушева, диспетчер АТПО, мне рассказывала: «Другой раз куплю на ее деньги курицу или баранины кусок, принесу, она обед приготовит, так Добро по мясу узнавал, что оно – наше, и такой разгон ей устраивал! И она, знаете, как вышла из положения? Развела возле ихней пэдэушки своих кур, и этим семью кормила»...

Чабанами и скотниками работали местные жители, киргизы, на свиноферме, в инкубаторе и теплице - русские из приезжих. В штатном расписании автобаз таких должностей не предусмотрено, поэтому значились они слесарями по ремонту автомобилей. Обман, с которым проверяющие были вынуждены мириться, потому что видели его результат.

Не большой любитель цифири, все же здесь без нее не обойдусь. Автопредприятие получало со своего подсобного хозяйства больше пятидесяти тонн мяса в год. Когда его стало так много, что самим не съесть, стали продавать на сторону, а вырученные средства пускать на социальные нужды.

Бывая в кабинете начальника АТПО, я всякий раз обнаруживал на полках книжные новинки. Если в прошлый раз там стоял томик под романтическим названием «Инкубаторное птицеводство», то в очередной приезд я обнаруживал, что инкубатор работает вовсю, а хозяин кабинета штудирует пособие по разведению и содержанию пчел, и было ясно: скоро у шоферов появится мед с собственной пасеки. Да и отчего бы ему не появиться? Деньги на покупку десятка ульев были, альпийская зона – под боком, в паре километров от поселка,

ухаживать за пчелами нашлось кому, а зимой ульи стояли на складе, места им хватило.

Вовсе не из чистого человеколюбия Добротворский совершал поступки, о которых в Кара-Куле складывались и пересказывались легенды. Ему, сухому прагматику, были не знакомы, а то и вовсе чужды так называемые прекрасные движения души. Все, что он делал, выглядело протестом против общественно-экономической системы, при которой полстраны томилось в очередях за куском говядины, за брусом масла. Протест был убедительным: люди, которым повезло с ним работать, забыли, что такое пустой холодильник в семье. Автохозяйство из убыточного превратилось в успешное, прибыль доходила до миллиона рублей в год, увольняться по собственному желанию людям уже не хотелось: от Добра добра не ищут.

ПО-ЛЮДСКИ ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ.

Георгий Цибизов, водитель БелАЗа, привел меня в ремонтный корпус, построенный «исключительно на субботах, в нерабочее время». Во время этой импровизированной экскурсии я держал в руке зажженную сигарету, пепел на ней все нарастал, грозя вот-вот упасть, я искал глазами урну поблизости, не нашел и... подставил под столбик пепла свободную ладонь: стряхнуть его на пол выглядело бы кощунством – такой свежестью и чистотой дышало все вокруг. Цибизов решил, что этого мало, и открыл передо мной дверь цеха с табличкой «Ремонт топливной аппаратуры», где полы были выстланы метлахской плиткой, на стенах - белоснежный кафель, укрытый зарослями плюща и традесканции. Гордым вызовом всей на свете топливной аппаратуре, которой положено засорять воздух ароматами выхлопных газов, возвышался посреди цеха розовый куст с распутившимися бутонами, поставленный здесь не только для красоты, но и чтобы каждому стало ясно: в помещении с вытяжной вентиляцией свободно дышится людям и цветам.

Из ремонтного корпуса наш путь лежал в душевые с зеркалами во всю стену, оттуда - к шоферскому общежитию. При входе с улицы мы сменили обувь на домашние тапочки, их было много, на специальных подставках. Полы в здании выстланы паркетом, «сами его изготовили, у себя в мастерской»,

- сообщил шофер Степан Кулакли. Во всю длину коридора стелилась ковровая дорожка, история ее появления – отдельная легенда, о ней речь впереди. Комнаты на двоих жильцов, в каждой - полированная мебель, на стенах - писанные маслом или акварелью картины («Наш, местный художник рисовал, Омельченко Петр Григорьевич», - заметил Кулакли), окна прикрыты тюлевыми занавесками, в вестибюле - мягкие кресла, огромный цветной телевизор, и кругом – цветы... Окончательно меня сразил Кулакли, сказав, что за комнату в общежитии с ее домашним уютом «мы не платим ни копейки».

Цибизов, посмеиваясь, поглядывая на меня, сбитого с толку непривычностью увиденного, - взял курс на «атэковскую» столовую. И там, за столом, покрытым не клеенкой - скатертью, за обедом, состоявшим из куриного бульона с домашней лапшой, котлет по-киевски с салатом из свежих помидоров и огурцов, присыпанных ароматной зеленью, и стакана компота на десерт, - пояснил, что вся мебель и утварь в шоферском общежитии куплена за денежки, заработанные от продажи излишков мяса; а помидоры и огурцы выращены в теплице, где урожаи зреют круглый год, также как гвоздики и каллы – «чтоб женщин радовать 8 марта, в день свадьбы или рождения».

С нескрываемым удовольствием ответил Цибизов на мой вопрос - сколько мы должны уплатить за обед: «По полтиннику». И добавил как бы между прочим: «Раньше обеды у нас были бесплатные, но откуда-то сверху Добру позвонили, сказали, чтоб прекратил безобразие, коммунизм еще не наступил, нечего туда лезть поперек батьки. А ведь все продукты – с подсобного хозяйства, там каждый из нас отработал по две недели в году. Выходит, что платим себе за свой собственный труд...»

Столовая строилась, как остальные объекты «социалки», на субботах-воскресниках, на деньги от продажи излишков мяса, на солидные премиальные за перевыполнение плана перевозки грузов; строилась по проекту, лично составленному Добротворским, в коем уживались таланты архитектора, строителя, инженера и даже... дизайнера.

Никогда не забыть мне, как поднялся Добротворский из-за стола, за которым я сидел, любясь этой песней из бетона, стекла и алюминия, как подошел он к стеклянной, от пола до потолка, стене, почти во всю высоту и ширину которой распластался мощный куст винограда; как, взобравшись на подоконник, пошарил рукой в листве, спрыгнул на пол, вернулся к

столу, протягивая мне крупную, в полкило весом, густо-фиолетовую гроздь:

- Бери, угощайся. Сорт - «бычий глаз». Это больше для уюта, для декорации. А на ближних холмах, где подходящие земли, у нас разбит виноградник, дает приличный урожай «пальчиков дамских», «муската» с «изабеллой»...

БОЛЕТЬ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

На теплицах и овечьей отаре, на свино-и птицеферме, на общежитии с коврами и цветным «телеком» для Добротворского свет клином не сошелся, ставить точку в своих далеко идущих планах он намерен не был. И однажды, вызвав главного бухгалтера, попросил подготовить данные за последние двенадцать месяцев: сколько дней и по каким болезням пропустили его подчиненные и какие суммы были выплачены по больничным листам. Болезни были по большей части профессиональные, «шоферские» - пневмония, радикулит. А еще – гастрит, но его постепенно стали изживать с тех пор, как ввели в столовой диетпитание, да и на общее питание жалоб не было: круглый год на столах – мясо, свежие овощи, фрукты, молоко, мед. Но восемь часов за рулем самосвала, летом в жару, зимой в холод, снег и гололед, почти не покидая кабины!.. Тут не о потерянных деньгах – о людях думать нужно.

«Больной человек – это нам невыгодно!» Такой лозунг хоть и не был выписан аршинными буквами на полотне, но витал незримо над участниками субботников, начавших строить профилакторий на семьдесят пять мест. Здание построили за полгода, столько же времени ушло на то, чтобы напихать в него необходимой медтехники, покрыть стены деревянными панелями, уложить под ноги паркет (без которого, похоже, «атэковцы» своей жизни уже не мыслили)... Всего этого показалось мало шоферам, разбалованным своим начальником, они уже не мыслили жизни без сауны и крытого плавательного бассейна, отделанного голубым кафелем. Которые, опять-таки, пришлось построить, потратив еще полгода.

Рассказывают, что Добротворский при встрече с главным врачом кара-кульской больницы заинтриговал его словами:

- Зашли бы нас проведать, Кимсан Сарыбалаевич, да посмотрели, что у нас делается. Может, совет какой дадите.

- Я зайду, а вы начнете уговаривать, чтобы остался насосведом. Признайтесь – начнете?

- Не знаю. Там видно будет. Ну, до скорого свидания...

Таким был их разговор или немного иным, но их «скорое» свидание затянулось на несколько лет, до самого отъезда Добротворского из Кара-Куля в Крым. Кимсан Сарыбалаев, хирург высшей квалификации, перешел главврачом в шоферский профилакторий, уведя с собой трех коллег: терапевта, невропатолога и ревматолога; в свою родную больницу он навещался для проведения самых ответственных операций. Ему, как он мне объяснил свой необычный поступок, импонирует идея Добротворского, по существу не новая, но далеко не всегда внедряемая на практике: легче болезнь предупредить, чем ее лечить. Негласная статья закона, сформулированная кратко и конкретно: «Болезнь строго воспрещается!», была понята и принята не сразу и не всеми. Одни вслух ей удивлялись, другие - откровенно противились. Сами подумайте: каждый работник АТК обязан был, невзирая на хорошее самочувствие, нежелание или неверие в результат, провести двадцать четыре дня в году не дома, а в профилактории. Закончив смену, ему полагалось вечером пройти врачебный осмотр, принять курс физиопроцедур, поплавать в бассейн или попариться в сауне. После ужина - цветной телевизор или бильярд в холле, затем ночь в двухместном номере с мягкой мебелью. Дома, в семье, за этот срок появляться не запрещалось, но... не рекомендовалось, чтобы не нарушать почти курортный режим.

Уклонявшимся от этих благ (были такие!), приходилось просто. Мне рассказали случай с бригадиром, который, отбыв положенный срок в профилактории, отказался ехать по бесплатной путевке на курорт в Кисловодск, подлечить язву желудка. Врачи наябедничали на него Добротворскому, тот вызвал отказника к себе.

- Езжайте, лечитесь. Предприятию невыгодно, когда вы болеете.

- Вы не из своего кармана мне больничный оплачиваете. Нечего мной распоряжаться. А то возьму и уволюсь...

- Пишите заявление, я подпишу.

До заявления дело не дошло, бригадир выбрал из двух зол меньшее: поездку на курорт.

Вам еще не одну легенду расскажут о Добротворском люди, с ним работавшие. Взять, к примеру, историю с квартирой. Его семья - он, жена и сын – занимала ПДУ, передвижной домик универсальный, проще говоря, вагончик. На предложение заселиться в коттедж с удобствами, как и положено руководителю его уровня, он отвечал: «Мне не к спеху, вы моих шоферов да слесарей нормальным жильем обеспечьте». Но вот он поехал в Крым закупать виноградные саженцы, а его супруга Зоя Алексеевна пришла в постройком, там ей выдали ключи от новенького коттеджа, помогли с переездом. Добротворский по возвращении заявил, что ноги его в коттедже не будет, снял номер в гостинице и там жил, пока жена и сын не согласились вернуться в вагончик.

Он считал, что не пристало ему жить в лучших условиях, пока его подчиненные с женами и детьми ютятся в вагончиках, говорил: «Пускай мне выделяют квартиру не как руководителю, а в порядке общей очереди, тогда я ее приму».

Я спросил начальника Управления «Нарынгидроэнергострой» Зосиму Львовича Серого:

- Много у вас хлопот с таким сотрудником?

Был поздний вечер после напряженного рабочего дня. Хозяин кабинета меньше всего походил на командира огромной стройки, облеченного колоссальной ответственностью за судьбу уникального гидротехнического сооружения и многотысячного коллектива строителей. Передо мной сидел усталый, немолодой уже человек, глаза его светились мудростью опыта и знаний пополам с семитской печалью урожденного одессита. Он и ответил, как подобает одесситу:

- А вы хотели бы со мной эти хлопоты разделить? Так я вам отдам лучшую половину.

И, помолчав, серьезно:

- Его бог – экономика, его мышление рационально даже в мелочах. Ему говорят в УОСе: что ты нам выставил восемь КраЗов, давай больше, пускай они стоят в очереди за бетоном, мы все оплатим. Он отвечает: лишних машин не дам, назовите объемы грузов и сроки вывозки, остальное моя забота, я составлю расчет производительности труда и получу то, что заработал, мне ваших подачек не надо. То есть рассуждает как государственный деятель.

Однажды отказался выполнить мое распоряжение. Мое, начальника строительства! Нам требовалось срочно отсыпать десять тысяч кубометров скального грунта в перемычку

за плотиной станции. На планерке я поручил Добротворскому выделить пять 27-тонных БелАЗов, они бы управились с этим объемом суток за трое. Он встает и говорит: «Я машин не дам». Что такое, почему?! Оказывается, дорожники не подготовили вовремя 500-метровый участок от бетонного шоссе к берегу Нарына, у них грейдер сломался. Но перемышкы-то надо отсыпать, иначе сорвем график работ! А он: «Не позволю гробить машины! Они после трех дней такой работы встанут на три недели в ремонт. Сделайте дорогу, тогда и поговорим. Не нравится – снимайте меня с должности». Целое сражение со мной устроил у всех на глазах. Но ведь был прав! Пришлось нам поступиться графиком, перемышкы начали отсыпать двумя днями позже, когда дорожники довели, наконец, до ума этот несчастный участок.

Вы знаете, бывали минуты, когда мне хотелось наорать на него, прогнать за дерзость, за манеру оспаривать мои распоряжения, а то и вовсе их не выполнять. Но я ни разу этого не сделал, потому что правда всегда оказывалась на его стороне. Тому, кто вместо одного Добротворского предложит мне пятерых покладистых сотрудников, я рассмеюсь в лицо и скажу: возьмите их себе...

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР ПРАВИТЕЛЬСТВА

Боюсь увлечься и одну за другой, увязнув в деталях, пересказать все кара-кульские легенды о Добротворском (из которых каждая, напомню, - правда). Сдержусь и, перейдя на стиль, кем-то названный телеграфным, припомню историю появления теплицы (о ней здесь уже говорилось). В декабре 1966 года они с Серым ездили во Фрунзе для участия в республиканском совещании по проблемам гидростроительства. Когда совещание закончилось, на правительственной даче состоялся неофициальный званый обед, на который оба были приглашены. За столом их приятно поразили салаты из свежих огурцов и помидоров, обильно посыпанные петрушкой и укропом. Узнав, что все овощи выращены в собственной теплице, Добротворский сказал, что через пару-тройку лет намерен завести такую у себя в автохозяйстве, и попросил, пока суд да дело, чтоб ему показали, как выглядит здешняя теплица. Его туда проводили, сделав невольным свидетелем сцены, которая заставила его пересмотреть далеко идущие планы.

К заведующему теплицей подошла скромно одетая женщина, как потом выяснилось, одна из уборщиц на даче, и попросила продать ей «полкило огурчиков, а то внучка заболела, ничего не ест, врач советует каких-нибудь витаминов для аппетита...» Надо ли говорить, что в этой малости ей было отказано... На обратном пути в Кара-Куль все время молчавший Добротворский вдруг заявил Серому: «Жив не буду, а теплицу для моих мужиков поставлю не позднее лета». К следующему Новому году теплица АТПО дала первый урожай, вполне достаточный, чтобы угостить салатом из свежих овощей несколько сотен проголодавшихся мужчин.

Как обещал выше, раскрою большой секрет появления ковровой дорожки в шоферском общежитии и профилактики. Появилась она в результате, чего уж тут скрывать, преступного сговора двух руководителей. Один из них, а именно - Добротворский В.П., видел во Фрунзе, в Доме правительства, это красное ковровое чудо, устлавшее мраморные лестницы между этажами, и подумал: а шоферам такое иметь слабо? Второй, чье имя для нас останется Х., - директор коврового комбината в одной из среднеазиатских республик. Продукция комбината попадала к потребителям, чей социальный уровень был далек от автобазовского, как небо от земли. Считаться с такими тонкостями Добротворский не пожелал, он благополучие подчиненного ему народа ставил превыше всего, потому и сделал то, что сделал. На пару с директором комбината они придумали хитрую комбинацию. Мастеру ткацкого агрегата, на котором выпускают дорожку, директор разрешил (!) выткать 150 метров брака: краситель применить пониже качеством, зеленую окантовку чуть-чуть в сторону отклонить... Брак пустили в свободную продажу, и покупатель – вот он, за ним далеко ходить не пришлось. За выпуск брака мастер лишился премии и прогрессивки – этот материальный урон ему на месте возместил наличными человек из Кара-Куля...

Не забыть бы мне про нашуевшую историю с орденом... Она достойна быть услышанной.

По итогам 9-ой пятилетки коллективу строителей Нарынского энергокаскада была спущена из Москвы разнарядка на зное число правительственных наград, это число поделили на все подразделения стройки, оставалось составить списки достойных. Готовые списки послали на утверждение в Ошский обком партии, где секретарь по пропаганде обратил внимание, что в них нет фамилии Добротворского, под чьим руководством автохозяйство добились успехов, прежде неви-

данных. Вычеркнув из числа представленных к ордену «Знак Почета» водителя Н., он вписал ФИО начальника автотранспортного объединения. Начальник, прознав об этом, сел за руль служебной «Волги» и на предельной скорости погнал ее в Ош, чтобы войти в кабинет к секретарю и сказать:

- Ордена и медали я получал в Великую Отечественную, а сейчас просто выполняю свой долг. Верните фамилию водителя в список, иначе я при всем честном народе откажусь от награды, которая мне не принадлежит...

Он ушел, а хозяин кабинета, оскорбленный в лучших чувствах, позвонил в Кара-Куль, Серому, требуя принять меры к бунтовщику. На что Серый ответил:

- Никаких мер я к нему принимать не собираюсь. Возможно, другой на его месте принял бы вас благодарить, а Добротворский поступил, как ему подсказала совесть. И дал понять, что с ним так поступать нельзя. Впрочем, вам простиительно, ведь вы его практически не знаете...

Пришла пора подвести итог моему рассказу. Он будет невеселым. Не знаю в деталях, что стало с «хозяйством Добротворского» после того, как сам он в середине 1980-х покинул Кара-Куль, сменив Киргизию на Крым, где много лет работал, а скончался уже пенсионером. Из переписки старых кара-кульцев на сайте karakulcy.narod.ru узнаю, что шоферское общепитие и профилаторий, а также столовая, теплица и фермы, украшавшие многим людям жизнь, лишившись хозяина, пришли в полный упадок, поросли бурьяном, а с ним и быльем.

Чем не ирония судьбы: человек подал яркий пример, которому никто не последовал. Ни в одном из подразделений в структуре Управления строительства «Нарынгидроэнергострой» за все годы их пребывания в Кара-Куле не появилось ничего даже отдаленно похожего на шоферский подхоз. Работники этих подразделений с понятной завистью поглядывали в сторону авторанспортников, они бы и сами готовы были потратить несколько выходных дней на своё и общее благо, да вот беда, не нашлось для них своего Добротворского...

Попробуйте «прогуглить» не к ночи будь помянутое имя «Жириновский» - вам откроются тысячи упоминаний о политическом деятеле, само существование которого в приличном обществе (а в парламенте страны – и того более) считалось бы знаком позора; но спросите Google, что ему известно о Вячеславе Прокопьевиче Добротворском, и этот всезнайка стыдливо выдаст две-три скромные заметки о человеке, достойном, чтобы о нем знали миллионы...

Владимир ФЕДОРОВ

ТАЙНЫ КИТАЙСКОГО ПОХОДА МАННЕРГЕЙМА

5 мая 1937 года Храм Святой Троицы в столице Финляндии Хельсинки был закрыт для прихожан. В сумраке горящих свечей молился один единственный человек. Но как ни старались посвященные в этот молебен, избежать огласки не удалось: слишком яркой была персона молящегося. На коленях перед алтарем стоял барон Карл Густав Эмиль Маннергейм, один из самых знаменитых финнов в истории страны. Главнокомандующий вооруженных сил, национальный герой, лютеранин. И вот молится в православном храме. Пошли толки, пересуды. Просочились слухи, что маршал заказал поминальную службу по русской женщине, рабе Божьей Анастасии. Кто такая? Раскопали бумаги прошедших времен – да, была в жизни барона русская жена. Староста церкви Герман Меррас вспоминает, что их обвенчали и в лютеранской церкви, и в православной. История давняя. Они расстались тридцать лет с лишним назад. Анастасия жила в Париже, в 1936 году умерла.

В самой России на кровавом переломе эпох русские страницы жизни знаменитого финна напрочь были забыты. Маннергейма в основном вспоминают в связи с оборонительными сооружениями между Финским заливом и Ладогой – протяженность 135 километров, полторы сотни пулемётных бункеров, в которые уложено 14520 кубометров бетона, чуть меньше, чем в здание Финской национальной оперы. В ходе советско-финской войны в 1939 – 40-м годах на преодоление линии Маннергейма Красная армия положила десятки тысяч жизней бойцов.

Оценки этой операции расходятся. Любопытна реплика самого Маннергейма из поздних мемуаров: *«Русские во время войны пустили в ход миф о «Линии Маннергейма». Утверждали, что наша оборона на Карельском перешейке опиралась на необыкновенно прочный и выстроенный по последнему слову техники оборонительный вал, который можно сравнить с линиями Мажино и Зигфрида и который никакая армия никогда не прорывала. Прорыв русских явился «подвигом, равного которому не было в истории всех войн»... Всё это чушь. В действительности положение вещей выглядит совершенно иначе. Оборонительная линия, конечно, была, но её образовывали только редкие долговременные пулемётные гнёзда да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов, между которыми были проложены траншеи. Да, оборонительная линия существовала, но у неё отсутствовала глубина. Эту позицию народ и назвал «Линией Маннергейма». Её прочность явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений».*

Военный талант финского маршала признавали по обе стороны фронта. Откуда же корни? На какой почве вырос? Оказывается, на той же, на русской. Сегодня в Финляндии нет более популярной исторической персоны, чем Карл Маннергейм. Он был офицером, а затем и генералом царской армии. На Гражданской войне он главнокомандующий армией белой Финляндии, потом главнокомандующий финской армией в советско-финскую войну. Во время Второй мировой войны, когда Финляндия воюет против Советского Союза, – главнокомандующий финской армией. В 1942 году Маннергейм отмечает свое 75-летие и к нему прилетает Гитлер. С 1944 года он становится Президентом Финляндии и устанавливает мирные, добрососедские отношения с Советским Союзом.

Исследованию жизни Маннергейма посвящены труды 700 биографов. А «белые пятна» всё еще остаются. Российский биограф финского маршала Владимир Хукка обращает внимание на примечательную дату из Царскосельской хроники Императорского двора - 20 октября 1908 года. На этот день Николай Второй назначил аудиенцию барону Карлу Маннергейму. В августейшем расписании на неё было выделено двадцать минут. Между тем, прошло тридцать минут, затем еще тридцать и еще полчаса, а барон

всё не покидал царский кабинет. Такого еще не случалось: государь опаздывал на ужин, это грозило семейной ссорой с педантичной матерью императрицей Марией Федоровной. Только вопрос чрезвычайной важности мог заставить Государя нарушить строгий придворный распорядок. Речь шла об особо секретном поручении, которое барон Маннергейм выполнил в ходе своего поистине уникального китайского похода по заданию Генерального штаба русской армии. С риском для жизни офицер в штатском посетил монастырь Утай-Шань, где встретился с духовным лидером Тибета Далай-ламой XIII. Через много лет в своих мемуарах барон так описал эту встречу:

«Он сидел на золоченом кресле, поставленном на возвышении из досок против окна в конце небольшой приемной комнатки. Далай-лама с видимым интересом расспрашивал о Государе Императоре, о России, её нынешней армии. По его указанию был доставлен кусок белой шелковой материи, так называемый «хатан», который он торжественно вручил мне с просьбой передать от его имени Государю Императору в Санкт-Петербурге. Государь был тронут».

Завершая разговор, император спросил Маннергейма: «Что бы вы хотели»? И Маннергейм сказал, что хотя он и полковник, но полком не командовал. Биографы отмечают, что именно после этой аудиенции карьера сорокалетнего полковника стремительно пошла в гору. Через год он кавалер ордена Святого Владимира, через два с небольшим – командир лейб-гвардии Уланского полка и генерал-майор Свиты его Величества. А еще через два года Маннергейм командует Отдельной гвардейской кавалерийской бригадой.

При этом сам барон важнейшим делом своей жизни считал именно Китайский поход, в котором он проявил себя не только как бесстрашный разведчик и дипломат.

Официально азиатская экспедиция барона Маннергейма началась 29 июля 1906 года. Поход начался с территории современной Киргизии, из города Ош, и за два года его караван проследовал до Пекина, нынешней столицы Китайской Народной Республики. Маннергейм выехал в сопровождении двух казаков 2-го Уральского казачьего полка, квартировавшего в Самарканде. Оба казака, Игнатий Юнусов и Шакир Рахимжанов, говорили по-киргизски. В дневнике Маннергейм записал: «Снаряжение их было безукоризненным, даже богатым, они сидели на прекрасных конях в щегольских седлах».

Сам барон, азартный наездник и тонкий знаток лошадей, выбрал себе выносливого иноходца по кличке Филипп. Этот замечательный конь прошел все долгое путешествие, хотя многие лошади гибли на ледниках, перевалах, и Маннергейму постоянно приходилось покупать новых. Недаром в своих воспоминаниях Маннергейм называет эту главу «Конное путешествие через Центральную Азию». То было, конечно, чрезвычайно сложное, очень тяжелое путешествие, требовавшее колоссальной выносливости. За время похода Маннергейм провел картографирование местности вдоль движения каравана и сделал 1300 фотографий: портреты и групповые снимки местных жителей, исторические персоны, в том числе легендарная Царица Алайская Курманжан-датка, жанровые сцены, пейзажи, гарнизонные укрепления. В начале двадцатого века профессия фотографа была редкой, аппараты громоздкими, технология чрезвычайно затратной и трудоёмкой. Маннергейму пришлось везти на верблюдах хрупкие стеклянные пластины и множество реактивов.

Официально команда называлась географической экспедицией под эгидой Финно-угорского научного и Русского географического обществ. По документам, возглавлял экспедицию шведский ученый Карл Маннергейм. На самом деле это был разведывательный рейд Генерального штаба русской армии. На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков Россия активно осваивала Среднюю Азию и Северный Китай, где её интересы сталкивались с интересами Великобритании, Японии и, естественно, самого Китая. Российский генштаб отправлял разведывательные отряды под видом научных экспедиций. Как правило, во главе небольшой группы был опытный офицер, способный самостоятельно решать разнообразные проблемы военного, политического, дипломатического характера. Попутно поручались научные, культурологические изыскания. Полковник Маннергейм подходил по всем статьям.

Об экспедиции Маннергейма знал узкий круг российских военных и ученых. Документы хранились в секретных архивах. Автор дневников не спешил с публикацией своих походных записей, так как по большей части это были не записки ученого, а тайнопись разведчика. И только в 1937 году путешественник дал согласие на публикацию дневников. Правда, в сильно сокращенном виде. Небольшой тираж отпечатали на шведском, финском и английском языках. Се-

годня эти издания библиографическая редкость. На русский язык дневники не переводили никогда. В нашей публикации впервые цитируются новейшие изыскания историков.

Из путевого дневника Маннергейма. 1906-й год.

«Переход через перевал был тяжелым. Втянувшись в ущелье в третьем часу дня, мы, после пяти часов безостановочного движения и тяжелой работы, достигли вершины перевала лишь к восьмому часу, а лошади и люди настолько выбились из сил, что в этот день не могли одолеть самое крутое место».

В биографической хронике Маннергейма двух доверенных лет несколько примечательных дат. 15 января 1904 года молодой кавалергард танцует на балу Императора в Зимнем дворце. 27 января присутствует на церемонии официального объявления Николаем Вторым войны с Японией. В октябре того же года подполковник Маннергейм отправляется на фронт. Тяжелые бои, опыт командования – атаки, оборона, контрнаступление, смерть товарищей, страдания раненых в лазаретах, запах гноя, окопная грязь, унылые будни, редкие праздники.

Всю русско-японскую войну он воюет в кавалерии, участвует в рейдах в тыл японских войск, в знаменитом сражении под Мукденом. Все, кто с ним воевал, говорили о его храбрости, даже бесшабашности.

5 сентября 1905 года российский премьер-министр Витте в Портсмуте подписывает мирный договор с Японией. Маннергейм в звании полковника отбывает с театра военных действий в Петербург. Война превратила придворного кавалергарда в жесткого командира с опытом командования китайскими «хунхузами». Получив отпуск, Маннергейм отправился в родную Финляндию подлечиться и встретить Новый год с родственниками. Он родился в 1876 году недалеко от Турку в семье шведского аристократа, где с детства говорили на семи языках. Было правило: сегодня мы говорим на французском. Кто не умеет, тот молчит весь день. Следующий день говорим на немецком – кто не умеет, тот молчит.

Впрочем, детство будущего маршала омрачалось не только молчанием на нескольких языках, но и семейными

скандалами на почве безденежья. Отец ушел из семьи, когда Карлу было двенадцать лет. Чтобы содержать семью, мать продала имение с молотка. А через год умерла от сердечного приступа. Оказавшись сиротой, Карл перешел, так сказать, на казенное содержание – сначала в офицерском училище в Финляндии. За самоволки и прочие нарушения дисциплины был выгнан, что его не сильно расстроило. Дворянское происхождение, титул барона открывали ему двери в России. Полгода он учил русский язык и после этого, по протекции крёстной Альфит Скалон, жены генерала, поступил в знаменитое Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. В то самое, где в свое время учились Лермонтов и Мусоргский. По окончании училища, несмотря на генеральскую протекцию, Маннергейм два года ждал места в кавалергардском полку – одном из самых престижных в императорской гвардии.

Служба при дворе требовала нешуточных затрат, которых жалование не покрывало. Чтобы купить обмундирование, двух положенных по службе лошадей пришлось влезть в долги.

Казармы кавалергардского полка располагались в самом центре Петербурга. Офицеры являлись сюда к половине седьмого утра. Дежурные могли позволить себе лишь чашечку кофе. Занятия, учения, муштра, караулы во дворце. Служба требовала недюжинной выносливости. На казенных хлебах не растолстеешь. Необходимо блюсти форму: белые парадные лосины из замши на кавалергарда натягивают два солдата с помощью мыла. Маннергейм вспоминал, что на коронации Николая Второго в 1896 году, чтобы выгнать из себя лишнюю жидкость, кавалергарды парились в бане.

По вечерам – обязательные светские рауты. Отказаться невозможно. График молодых кавалергардов расписан на две недели вперед. Красивая жизнь заканчивается в казарме. Маннергейма унижает бедность. Денщик носит ему солдатские обеды. На офицерские просто нет денег. Единственным способом поправить дела казался брак. Кавалергарды, как правило, женились на дочерях кавалергардов. Маннергейм подружился с командиром соседнего взвода Петром Араповым. По линии матери он был внуком Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной, во втором замужестве Ланской. Кузина Арапова Анастасия в высшей степени выгодная партия. Ее приданое составляло 850 тысяч рублей. Это жалование гвардейского корнета за 700 лет. Женильба

решала материальные проблемы Маннергейма, но обостряла моральные. Ему нередко давали понять, что он просто красивый муж богатой жены. Собственные деньги приходилось зарабатывать на скачках.

После женитьбы Маннергейм мог позволить себе купить своих лошадей, и Анастасия на первых порах поддерживала мужа в этом аристократическом занятии. Но после серьёзной травмы на ипподроме, стала настаивать: хватит! Муж сопротивлялся. На кону были не шуточные деньги. Первый приз на скачках стоил 1000 рублей при том, что снять квартиру в престижном доме можно было за 50-70 рублей в месяц.

На ипподроме собирался бомонд - светские львицы, блистательные кавалеры. Маннергейм, статный мужчина ростом два метра, был заметной фигурой. У жены красавца кавалергарда появились поводы для ревности и скандалов. Взрывоопасная семейная атмосфера разрешилась экстравагантным поступком жены. Баронесса Маннергейм записалась на курсы медицинских сестер общины святого Георгия и осенью 1901 года в составе санитарного поезда отправилась на Дальний Восток – в Хабаровск и далее в Харбин, куда прибывали раненые из бунтующих провинций Китая. Бунт против императорской династии вылился в банальные грабежи и разборки многочисленных банд. В истории эта кровавая страница осталась, как «восстание боксёров».

Медсестра Маннергейм вернулась домой через полгода с медалью «За поход в Китай 1900 – 1901 годы». Барон был сокрушен, потрясен и влюблен в жену заново. Однако медовый месяц вновь разрушили скачки. На открытии очередного скакового сезона Маннергейма представили восходящей звезде балета Тамаре Карсавиной. Устоять перед ней барон не смог. Жена проявила норов: втайне от мужа распродала имущество, забрала дочерей и уехала в Париж. Навсегда. Карьера гвардейского офицера повисла на волоске. Офицеры разводились в исключительных случаях, старались до последнего сохранить узы брака. Вспомним историю кавалергарда Вронского, которому пришлось выйти из полка, когда его роман с Анной Карениной получил огласку.

Барон Маннергейм, забывший после женитьбы, как жить на офицерское жалование, снова вспомнил времена унижительной бедности. А он уже не мальчик, ему без

малого сорок и должность не ахти: командир эскадрона в кавалерийской школе и никаких карьерных перспектив. Всплыли огромные долги. Так что начало русско-японской войны Маннергейм воспринял едва ли не как подарок судьбы.

В Манчжурии он получил должность заместителя командира Нежинского драгунского полка, у него под командой оказались три сотни хунхузов - фактически китайских разбойников. Всех поражало, как этот лощеный светский красавец находит общий язык с неуправляемой, плохо понимающей по-русски толпой головорезов в самых рискованных операциях. Справиться мог только по-настоящему матерый вояка. Маннергейм всегда был впереди, в отличной физическом форме, прекрасно владел конем. За один дерзкий рейд получил благодарность командования и звание полковника. Казалось, открываются новые перспективы. Но не тут-то было. С окончанием войны его должность сократили. Что осталось, так это бесценный опыт общения с хунхузами. Скорее всего, именно поэтому ему предложили экспедицию в Китай.

Из путевого дневника Маннергейма. 1906-й год.

«Я получил приглашение прибыть в Генштаб в Петербурге, и его начальник генерал Палицын предложил мне поразительное задание. Надо было проехать на лошадях через всю Центральную Азию от российского Туркестана до столицы Китая. На все путешествие отводилось два года. Наш путь пролегал через Китайский Туркестан и горы Тянь-Шаня в район реки Или, а далее через пустыню Гоби в провинции Ганьсу, Шэньси, Хэнань и Шаньси».

Походу предшествовали несколько месяцев подготовки. Маннергейм работал по двенадцать часов в сутки, изучая карты и дневники Николая Михайловича Пржевальского, Михаила Ивановича Певцова, Всеволода Ивановича Роборовского, Петра Кузьмича Козлова. Все они были офицерами Генерального штаба и, отправляясь в глубины Центральной Азии, пользовались средневековыми китайскими картами, ничего не говорящими современному исследователю. Впрочем, Маннергейму достался свой фунт лиха.

Из путевого дневника Маннергейма. 1906-й год.

«В Кашгаре я простоял вторую половину августа и первую сентября. Мне пришлось прикупить лошадей и нанять трех человек: одного для разведок, одного — повара, а другого для ухода за вьючными лошадьми, взамен казака Юнусова, который был по болезни отправлен в полк. Я старался использовать продолжительное пребывание в Кашгаре и усиленно занимался китайским языком».

Маннергейм ехал как независимый исследователь с паспортом гражданина княжества Финляндского. Забавная история случилась с фамилией. Когда ему выдавали проездной документ, китайцы на свой лад переименовали его фамилию. Первый слог фамилии «Ма» был распространен среди китайских мусульман – обычно его носили дунганские генералы. Слово «ма» значит «лошадь», «конь». К «ма» добавили два иероглифа: Ма-да-лянь – конь, скачущий по небу. Именно под этим именем Маннергейм проскакал через весь западный Китай.

В Пекин гражданин Финляндии Ма-да-лянь прибыл только 12 июля 1908 года. За два года он в одиночку провел колоссальную работу – нанес на карту 3087 километров маршрута экспедиции, составил подробнейшие описания приграничных районов Китая и планы двадцати гарнизонных городов, оценил состояние войск и военных arsenалов Поднебесной.

Из путевого дневника Маннергейма. 1908-й год.

«Я наносил всю дорогу при помощи обыкновенной карманной буссоли, пользуясь для этого разграфленную записную книжкою, которая удобнее планшета для маршрутной съемки верхом и имеет то немаловажное преимущество, что менее обращает на себя внимание».

Генштаб получил от своего разведчика ценнейшее топографическое описание района Кашгар -Турфан и подробную карту всего маршрута от Ташкента до Пекина. Сделано это было с величайшей скрупулезностью и поправками на особенности китайских географических расчетов. Например, расстояния на местных картах зависели не от линейных размеров, а от сложности пути. Километр подъема и километр спуска китайцы обозначали, как совершенно разные дистанции.

Китайская коллекция Маннергейма сегодня составляет гордость Национального музея в Хельсинки. Впечатляют результаты экспедиции в области истории, археологии, большая коллекция этнографических материалов, связанных с жизнью, бытом, религией, предметы культа китайцев, уйгуров, киргизов, других народов, которые населяли земли, через которые проходил его маршрут. Путешественник провел целый ряд научных изысканий, сделал антропометрические измерения малочисленных племен, составил фонетический словарь языков народностей, проживающих в северных провинциях.

Научный багаж навьючивался на верблюдов. Вьюки становились всё тяжелее, пуды превращались в центнеры, приходилось покупать всё новых и новых верблюдов. Добытые раритеты путешественник отправлял в Финляндию через консульства, встречавшиеся на пути. Донесения в Генеральный штаб проделывали более сложный путь. Почтовые отправления шли через Париж в Гельсингфорс и лишь оттуда попадали в Петербург. Их пересылал хозяин фирмы канцелярских товаров барон Маннергейм старший - отец, с которым сын, повзрослев, восстановил отношения.

Полосу препятствий особой сложности представляли не почтовые, таможенные, географические барьеры, а бюрократические. Центральные китайские власти практически не контролировали собственные провинции. Региональные «мандарины», так европейцы называли местных вельмож, действовали по своим понятиям, превращая каждую свою подпись, каждое разрешение в дорогостоящий товар. Европейскому покупателю этого товара приходилось конкурировать с японцами, которые после русско-японской войны чувствовали себя в Китае, как дома. Любой из сопровождавших его китайцев мог оказаться агентом японской разведки. Противостоять этой враждебной среде Маннергейм был вынужден в одиночку, на свой страх и риск.

Шведскому ученому, как он официально представлялся китайским властям, месяцами приходилось ждать решающих документов. Ограничивались районы доступные для посещения. В частности, категорически запрещался визит в монастырь Утай-Шань, где на положении почетного пленника жил духовный лидер Тибета Далай-лама XIII. За эту влиятельную фигуру вели борьбу представители центральной китайской власти, английская и японская разведки. Японцы даже предложили Далай-ламе переселить-

ся на один из их островов и он всерьёз обдумывал это предложение.

У России в отношении главы буддистов были свои планы. На территории империи проживали многочисленные народы, исповедовавшие буддизм – тувинцы, калмыки, буряты. И потому Россия не могла допустить, чтобы их духовный лидер стал марионеткой в руках откровенно враждебной державы. В Урге с Далай-ламой встречались видный русский знаток Востока академик Щербацкий. Около двух месяцев рядом с Далай-ламой провел Петр Кузьмич Козлов. Впоследствии он написал книгу «Тибет и Далай-лама».

Полковнику Маннергейму тоже отводилась важная роль агента влияния. Он должен был дать сигнал Тибетскому затворнику, что Россия с ним.

8 июня 1908 года, несмотря на категорический запрет китайских властей, Маннергейм отправился в монастырь Утай - Шань. Он рисковал не только провалом своей секретной миссии, но и самой жизнью. Горные закоулки кишели местными и заезжими головорезами, грабителями караванов. Временами казалось, лишь чудо может спасти от гибели в дикой, пустынной местности. Впрочем, барон имел репутацию человека не робкого десятка.

Скрыть от китайских властей саму встречу было невозможно: русского визитера сопровождал чиновник из Пекина. Но только до ворот монастыря Утай-Шань. К Далай-ламе Маннергейм вошел один. Позже барон так описал эту встречу.

«Далай-лама показался мне живым и умным человеком, сильным духовно и физически. Во время приема было ясно видно, что по отношению к Китаю он настроен весьма прохладно. Далай-лама дважды проверял, не было ли за занавесками кого-нибудь, кто мог подслушать наш разговор».

О главным, о цели визита, сопряженного с такими трудностями, в дневнике разведчика ни слова. В Российском Генштабе поздравляли друг друга: в разведчике Маннергейме не ошиблись. Ему удалось почти невозможное. И дело не просто в удаче. Хотя действительно, есть в его биографии следы явного благоволения судьбы. В киноархивах сохранились уникальные кадры хроники 1896 года. Коронация императора Николая II. Справа от царя, в эскорте гвардейских офицеров Карл Маннергейм. Далее - воспоминания. На следующий день на торжественном

приеме Государь подходит к кавалергардам, обращается к молодому барону. Свита теряется в догадках: о чем разговор? Есть версия, что во время миропомазания в Успенском соборе Московского Кремля с государя соскользнула одна из важных регалий – цепь Ордена Андрея Первозванного. Как это могло случиться? Каждый этап сакрального действия, все детали с фотографической точностью фиксирует специально приглашенный на церемонию знаменитый художник Валентин Серов. (В скобках надо заметить, что позже с рисунков Серова были сделаны цветные литографии, ставшие самостоятельными произведениями искусства). После миропомазания император входит в алтарь и там причащается. И вот в момент причащения кто-то в ужасе замечает: у Государя нет цепи Андрея Первозванного. Церемония мистическая. Падение коронационной регалии могло быть истолковано, как дурное предзнаменование, как знак Божий. Но через пару минут - вздох облегчения: царь выходит из алтаря уже с цепью. Свидетели, связанные словом чести, неразговорчивы. Но все обстоятельства намекают на особую роль в инциденте кавалергарда Маннергейма. Якобы он успел подхватить падающую регалию.

Государь отблагодарил офицеров своим царственным благорасположением, а красавца скандинава со шведским акцентом запомнил. И когда Генштаб представил на утверждение кандидатуру резидента для особо важной Китайской миссии, сказал своё высочайшее «да».

Из дневника Маннергейма известно, что на прощанье они с Далай-ламой обменялись подарками.

«Этот подарок весьма прост, сказал я и посетовал, что не могу преподнести что-нибудь получше, ведь за долгое путешествие у меня, кроме оружия, ничего не осталось. С другой стороны, времена такие, что даже святому человеку чаще требуется пистолет, чем молитва».

Далай-лама тоже преподнес гостю подарок со смыслом: подушечки «олбок», на которых сидят буддистские ламы во время молитвы. Чем выше ранг ламы, тем больше олбоков ему положено. Сам Далай-лама использует тринадцать подушечек. Иноземец Маннергейм получил в подарок сразу четыре штуки. Слишком много для обычного знака внимания. То был явно сигнал особого расположения. После встречи с русским полковником переговоры японцев с Далай-ламой

о выезде на острова были свернуты. Перестали говорить даже о кратком визите в Страну Восходящего Солнца.

Об итогах миссии Маннергейм отчитался на закрытом заседании Генерального штаба. Высокие военные чины аплодировали докладчику стоя. Не менее лестные оценки звучали и в научных кругах. «Я восхищен Вами, полковник! Вы достойный ученый», - восторгался знаменитый исследователь Азии Семенов-Тянь-Шанский.

Впрочем, блестящие итоги этого путешествия так и не стали достоянием широкой общественности. О некоторых существенных деталях главного эпизода миссии узнал и вовсе лишь один человек - Государь император. Во время той таинственной аудиенции 20 октября 1908-го года, когда он, заслушавшись Маннергейма, на полтора часа опоздал на ужин, чем вызвал гнев матери-императрицы Марии Федоровны. Публичную информацию о Китайском походе на долгие годы законопатил гриф «совершенно секретно».

Карл Густав Эмиль Маннергейм имел все шансы остаться в российской истории наряду с такими знаменитыми путешественниками, как Беринг и Беллинсгаузен, Пржевальский и Семенов-Тянь-Шанский. Но Россия так и не узнала ни Маннергейма-ученого, ни Маннергейма-разведчика. В декабре 1917 года барон навсегда покинул страну, которую тридцать лет считал Родиной.

Личная жизнь самого знаменитого человека в Финляндии после разрыва с русской женой так и не сложилась. Про амурные похождения барона слагали легенды. Но нашел ли он хотя бы недолгое счастье с балериной Карсавиной, другими красавицами? Вопросы остались без однозначных ответов. Точно известно лишь то, что до самой смерти барон оставался один. По меньшей мере, пятьсот из семисот биографов склонны считать, что его многочисленные романы были лишь попыткой забыть неудачную, но главную любовь всей жизни.

Анастасия умерла 31 декабря 1936 года. Карл Густав был в тот момент в Африке. Вернувшись, он в первый же день отправился в церковь Святой Троицы на Унионинкату и заказал поминальную службу. Он молился в одиночестве, поминая женщину, из-за которой три десятилетия назад отправился на край света. Единственное, что он мог сделать для нее теперь, оплатить уход за могилой на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа на пятьдесят лет вперед.

Судя по всему, в душе маршал долго оставался кавалергардом. Своих офицеров в Финляндии он учил пить водку по-гвардейски, не пролив ни одной капли из наполненной по самые края рюмки. На его рабочем столе до конца жизни стоял портрет Николая Второго.

Александр КАМЫШЕВ

СЕНОКОС

Быль

В институте инженерных изысканий КиргизГНИЗ, куда я попал, имея небольшой геологический опыт работы молодого специалиста на Дальнем Востоке, Камчатке и в Кузбассе, приняли меня более чем радушно. Мне сразу же предложили должность ведущего инженера в техническом отделе и дали месяц на ознакомление с технологией и техникой проведения геологических исследований. Видимо предполагалось, что после этого срока институт получит обоснованные рекомендации по усовершенствованию технологии бурения в соответствии с последними достижениями науки и опыта передовых организаций. За окном стоял июль и меня на пару недель отправили на Иссык-Куль инспектировать инженерные изыскания под строительство пансионатов. Попастъ в командировку на высокогорное озеро в разгар курортного сезона для сибиряка было пределом мечтаний. Такое начало трудовой деятельности окрыляло. Жизнь удалась, – то ли еще будет, – думал я. Но дальше всё пошло совершенно по-другому.

Процесс написания отчета о командировке с предложениями как поднять производительность труда буровых бригад топтался в самом начале, когда в техотдел заглянул директор института.

– Ну, как, привыкаете? Нравится вам у нас? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Нет слов! – восторженно ответил я.

– Как семья? Не болеет ли ребенок? Хорошо ли отдохнули? – продолжал он расспросы, и зачем-то поинтересовался моей крестьянской родословной. Развернутый ответ содер-

жал массу всевозможной информации о нашем семействе, начиная с раскулаченного дедушки, поскольку долго не наступало прозрение о цели начальственного визита. Очевидно, что директор пришел неспроста, и имеет какое-то важное дело, однако он все ходил вокруг да около, но, наконец, после затянувшейся паузы перешел к сути.

– По разнарядке райкома партии институту предписано направить для оказания шефской помощи бригаду из восьми человек в Суусамырскую долину на заготовку сена сроком на три недели. Из каждого отдела выделяются по два сотрудника, а вот ответственным руководителем мы решили отправить вас. Какие будут возражения?

– Надо, значит надо, – одобрительно кивнул я.

– То, что вы согласитесь, я не сомневался, меня волнует другое, – справитесь ли вы с такой ответственной задачей? Подумайте.

Я был молод, самоуверен, к тому же комсомолец, воспитанный Советской властью не пасовать перед трудностями и потому, даже не имея представления, где находится эта Суусамырская долина, заверил директора, что задание райкома будет выполнено.

Отъезд назначили на утро понедельника от главного корпуса института. Пока шефская бригада собиралась в стареньком ПАЗке, в кабинете у директора проходил инструктаж:

– Контингент подобрался разношерстный: рабочие из топографического отдела, Лешка – племянник нашего главбуха, она попросила пристроить его, чтобы не шатался по подворотням в последние школьные каникулы. Особенно обратите внимание на Колю Масленникова, его на днях лишили за пьянку водительских прав, если он будет бузить, отправляйте обратно, по-хорошему его увольнять надо, но сейчас разгар полевого сезона, все сотрудники на объектах или в отпуске. Еще пара молодых специалистов, хотя с ними проблем быть не должно. Сами понимаете, отправляем тех, без кого в институте можно свободно обойтись, – директор лукаво улыбнулся. – Естественно, присутствующие не имеются в виду. Дерзайте, я на вас надеюсь!

После такого напутствия само собой пришло решение предстать строгим руководителем, установить дистанцию и не позволять подчиненным садиться себе на шею. Степенно зайдя в автобус и развернув листок, полученный в отделе ка-

дров с именами и фамилиями сотрудников, я для солидности, пытаюсь говорить как можно ниже и официальнее, начал знакомство с коллективом.

– Аюпов Шамиль.

– Присутствует, – отозвался молодой геолог с профессиональной бородкой, как у всех покорителей недр на советских плакатах. Его предприимчивость я смог по достоинству оценить на Иссык-Куле, где состоялось наше знакомство.

Шамиль документировал проходку скважин и отбирал образцы грунта, лежащего в основании проектируемого спального корпуса в пансионате «Ала-Тоо». Буровая установка расположилась на просторном пляже в ста метрах от шуршащего золотым песочком иссык-кульского прибоя. С глубины пяти метров шнеки вынесли на поверхность черные илистые отложения с резким неприятным запахом. Уходя на обеденный перерыв, буровики не удосужились убрать за собой извлеченный грунт, оставив его сохнуть на солнышке. Вернувшись, мы застали рядом с буровой установкой симпатичную девушку в купальнике, которая проводила лечебные процедуры, густо измазавшись илом с головы до самых пяток.

Шамиль попер на неё буром:

– Что за люди такие, невозможно на минуту отойти. Целую неделю корячились, добывали из глубины целебный ил для отправки в кремлевские лечебницы, а теперь вся работа коту под хвост.

Девушка, понутив голову, молча счищала с себя вонючую грязь, складывая её аккуратной горкой, а Шамиль распылялся всё более, грозил карой какого-то мнимого московского руководства, распространялся о сжатых сроках поставок и невозможностью что-либо исправить. Несчастливая курортница опешила от такого напора, на неё было жалко смотреть. Кончилось все тем, что она обязалась отработать свой опрометчивый проступок на кухне, приготовив ужин на весь геологический отряд. После затянувшегося до полуночи бурного застолья отдыхающая, неудачно принявшая грязевые ванны, перенесла свои вещи к Шамилю в палатку...

– Кто у нас Линник Валентин?

– Валентина, – поправила меня полногрудая молодая женщина, – я работаю в отделе выпуска, занимаюсь размножением.

– Чем, чем? – переспросил я.

– Размножением, но не тем, что ты подумал, а копированием схем, планов и отчетов. Для естественного размножения множителя сейчас днем с огнем не отыщешь. Она одна засмеялась над своей шуткой. – А тебя-то, как зовут? Ты бы сначала сам представился, сообщил, – женат – не женат, а потом уж всех переключал.

– Что за базар? Мы тут не в школе и, слава Богу, не на зоне – все уже на месте. Давай поехали, знакомиться за столом будем, – грубо оборвал мою переключку здоровый жлоб лет тридцати, половину лица которого скрывал бордовый нарост.

Проигнорировав это замечание, я продолжил.

– Володин Алексей.

– Здесь, – поднял руку щуплый пацаненок на первом сидении.

Критическая оценка потенциальных возможностей блатного племянника главного бухгалтера выражалась простой мысленной фразой: «Таких только на сельхозработы и посылать, много он там накосит».

– Масленников Николай.

– Ну, я, – откликнулся детина с лицом, пораженным родовым пятном. – Давай Толик, трогай, – крикнул он водителю, – подальше от начальства, а то вино киснет, уши пухнут, скорей на природу хочется.

– Ладно, поехали, – обратился я к водителю, так и не закончив переключку.

Коля Масленников и двое мужчин, немного старше среднего возраста, очевидно, рабочие топографического отдела перешли в конец автобуса и начали распаковывать свои тормозки, выставляя бутылки с вином. Вот здесь и надо было проявить характер, запретить готовящееся возлияние, показать свои организаторские способности, на которые так рассчитывал директор, но я промолчал, и все пошло вкривь и вкось.

На выезде из города Валентина попросила остановить автобус около магазина.

– Сигареты забыла купить, – объяснила она.

Все терпеливо ждали, пока она сделает закупки. Перед нами остановился грузовик доверху набитый арбузами. Двое мужчин вышли из машины и один из них, забравшись в кузов, стал сбрасывать полосатые ягоды другому. Они явно торопи-

лись и в спешке разбили пару арбузов, остальные с десятка остались лежать разбросанными в пыли. Машина ушла, а пассажир, взяв пару кавунов, понес их за угол. В это время вернулась Валентина и, увидав арбузы, поинтересовалась, откуда они.

– Выпали из проходящей машины, – ответил ей Алексей.

– Давайте, мы их заберем с собой, – обрадовалась халяве Валентина.

– Зачем, ведь мы в совхоз едем, там этого добра достаточно, – с серьезным видом продолжил паренек, вольготно развалившись на первом сидении, а остальные поддержали его розыгрыш молчанием.

– Вы как хотите, а я возьму, все равно их на дороге раздавят, – засуетилась Валентина и, подобрав два арбуза, занесла в салон автобуса. Она хотела сделать следующую ходку, но водитель закрыл дверь и автобус тронулся.

– Ты чего, – набросилась на шофера Валентина, – подожди минутку, я их все перетаскаю.

– А если хозяин увидит, накостыляет нам всем, мало не покажется, – рассмеялся Анатолий.

– Какой хозяин? Вы же сказали, что он уехал.

– Это первый уехал, а второй, кому эти арбузы сгрузили, сейчас вернется, а их и след простыл, – веселился блатной племянник.

Дружный хохот сопровождал начало поездки.

Топографы вместе с Николаем громко разговаривали, разливая по стаканам зелье, к ним присоединились и Валентина, купившая вместо сигарет бутылку вина.

– Может, мы тоже перекусим, а то я позавтракать не успел, – предложил Шамиль. Мне тут мама боорсоков положила, – и он развернул пакет с ароматными, видимо, еще теплыми кусочками обжаренного теста. – Угощайтесь! Шамиль так же достал из сумки аппетитно пахнущую курицу и три больших лепешки. – Налетай!

Утром я плотно позавтракал, планируя к обеду стать на довольствие в подшефном совхозе, и потому взять продукты в дорогу не удосужился, а садиться за общий стол, не внося своей лепты, мне представлялось неэтичным.

Алексей без разговора присоединился к импровизированному столу, поставив на него пару бутылок газводы «Буратино» и бутерброды с маслом.

– Возьмите и меня в свою компанию, – к разложенным продуктам присел еще один не переключенный мной сотрудник. – Меня Борис зовут, я техник геофизической партии. Открыв свой огромный рюкзак, он извлек из него гитару, а затем выложил на сидение пакеты с хлебом, помидорами и яйцами. – Ну, и для знакомства, – геофизик вытащил еще и бутылку водки. – Как говорят шотландцы, завтрак без виски – день прожитый напрасно.

– Это лишнее, – пытался воспрепятствовать я поголовной пьянке.

– Да тут по сто грамм на брата для поднятия аппетита, – поддержал Бориса Шамиль.

– Доза рассчитана приблизительно-точно, – добавил геофизик.

Бригада шефов, разделившись на две группы, принялась дружно уничтожать продовольственные запасы, а я, сидя посередине, держал дистанцию. Если бы меня отправили на сельхозработы простым исполнителем, я бы, наверное, сейчас уплетал за обе щеки аппетитную курицу, а мог бы присоединиться к другой компании, хотя и небольшой любитель выпить. Рассказывал бы анекдоты, слушал бы житейские байки, но сейчас, когда на меня возложили тяжкую миссию ответственного руководителя, я с мрачной миной смотрел то вперед, то назад. Шамиль несколько раз приглашал меня к столу и, пытаясь развеселить, вспоминал в подробностях свое иск-сык-кульское приключение.

– Представляете, ушлая такая авантюристка приехала с Урала на попутках отдыхать дикарем. Ночевать ей негде, вот она и присмотрела нашу бригаду, попросилась вначале на кухне помочь, потом стала требовать, чтобы её в отряд зачислили и зарплату выдали. Я от этой дикарки только через неделю смог отбиться. Она вознамерилась отправиться со мной во Фрунзе с родителями знакомиться, пришлось ей врать, что у меня жена и двое ребятишек.

– Как гласит английская поговорка, леди с дилижанса – пони легче, – подвел итог сказанному геофизик.

Мы не проехали еще и половину пути, когда Валентина попросила тормознуть автобус около сельмага.

– Никаких остановок, – возразил я.

– Ты что как не родной! Говорю тебе, предметы женской гигиены дома оставила, а в горах аптеки нет.

Пришлось согласиться. Валентина вернулась минут через пятнадцать с двумя бутылками вина. От такой беспардонной наглости я не смог проронить и слова, только посмотрел на неё с укором.

– Ладно, начальничек, не гунди, на природу едем, имеем право расслабиться, а то на работе нельзя, дома ни-ни. А годы проходят, все лучшие годы, – запела Валентина и, неловко качнувшись, стала заваливаться в мою сторону. Я приподнялся, чтобы её поддержать, а она, обхватив мою шею, неожиданно чмокнула меня прямо в губы.

– Не кручинься, милый, все будет тип-топ.

Все в автобусе дружно расхохотались, парни на переднем сидении потихоньку в кулак, а мужики сзади заржали от всей души, чуть ли ни тыча пальцем в нашу сторону.

Уткнувшись в окно, я наблюдал пронесившиеся мимо однотипные строения, словно автобус более часа ехал по нескончаемой улице. От обиды и бессилия хотелось плакать. «Зачем ты согласился возглавить эту банду алкоголиков» – терзал мою душу здравый смысл, – захотел выслужиться перед директором? Вот и терпи».

Анатолий остановил автобус около совхозной конторы.

– Михалыч, приемная на втором этаже, – подсказал он.

– Всем сидеть тихо и из автобуса не высовываться и не расползаться, – сказал я громко, без всякой уверенности, что мой приказ будет выполнен.

В кабинете сидели трое.

– С какой организации будете? – спросил директор совхоза, выходя из-за стола и протягивая руку.

– Институт инженерных изысканий.

– Сколько человек привезли? – строго спросил второй мужчина в черном костюме и такого же цвета галстук, сидящий за приставным столиком.

– Со мной восемь, – отвечивал я.

– По разнарядке райкома вы обязаны представить не менее 15 человек. Как, говоришь, называется твоя контора?

Я повторил. Мужчина начал рыться в своей папке с бумагами.

– Назови фамилию директора? Он у меня за игнорирование указаний райкома партбилет выложит. Восемь человек

курам на смех, пока скирду не завершите, будете торчать в горах хоть до белых мух.

Директор показал мне на стул.

– Сейчас перегрузишь своих людей в грузовик, с вами поедет наш бригадир Сан-Саныч, – директор кивнул на щупленького мужичка предпенсионного возраста, сидевшего в углу кабинета. – Он отвечает за организацию быта, ночлег, питание, ну и проинструктирует вас на месте как складывать люцерновые тюки в скирду. Работа сдельная, если управитесь за пару недель, получите премию по 50 рублей на брата. Все понял?

– Ясно, дурное дело нехитрое, – непроизвольно ляпнул я традиционную поговорку.

– Какое дурное? Ты чего несешь, сопляк! Тут дело государственной важности! – заорал представитель райкома партии.

– Извините, это присказка такая, почти вся бригада с техническим образованием.

Неудачное оправдание вызвало новую волну негодования со стороны райкомовского работника.

– Сбежали все, понимаешь, в город и сидят там в своих институтах, штаны протирают, а когда надо селу помочь, потрудиться на общее благо, для них, видите ли, дело дурное. Эти слова тебе еще аукнутся.

Директор совхоза махнул рукой бригадиру.

– Ладно, езжайте, а то путь неблизкий.

Мы с Сан-Санычем вышли, а в кабинете все еще слышались громогласные раскаты партийного инструктора.

В автобусе сидела только молодежь.

– Где остальные? – спросил я. – Сейчас будем перегружаться. Давайте быстро в разные стороны собирать людей. Минут через пять появился Николай, а с ним топографы, которые едва держались на ногах, но при этом горланили:

Ты уехала в знойные степи,
Я ушел на разведку в тайгу...

– Это твои кадры? – поинтересовался бригадир.

– Мои, – от стыда хотелось провалиться на месте.

– Отгони автобус подальше от конторы и потихоньку собирай свою команду, а то если мы под окнами директора начнем грузить твоих орлов, серьезных неприятностей не избежать.

– Анатолий, ездай следом за ГАЗ-51, – попросил я водителя.

Собиралась бригада около получаса, последней пришла Валентина, неся в авоське три блока сигарет. К тому времени мы уже закинули в кузов газончика спальные мешки и рюкзаки с вещами. Я попросил не вылезать из кузова, но поначалу все захотели перекурить, а потом разошлись искать туалет.

– Надо еще ко мне домой заскочить за продуктами, – сообщил Сан-Саньч, когда, наконец, все собрались в кузове. Усадьба бригадира с большим кирпичным домом и высокими металлическими воротами оказалась не близко, затем нам пришлось дожидаться, пока наше начальство отобедает и соберется. Вместе с железными вилами, одетыми на короткие кривые черенки, загрузили мешок муки, коробки с макаронами и ящик тушенки.

– Подождите, где-то у меня брезент завалился, продукты надо прикрыть, а то неровен час дождь пойдет, – вспомнил напоследок Сан-Саньч.

Выехали мы из поселка в начале пятого и уже через час стали подниматься на перевал Тоо-Ашуу. Несмотря на подавленное настроение, я с опаской любовался завораживающими видами скал, нависающими над извилистой трассой как Дамоклов меч над тронном правителя. Поражаясь размерам разноцветных осыпей в форме гигантских конусов с вершинами, уходящими в поднебесье, я представлял, как хлынет каменным потоком вниз на дорогу эта застывшая в шатком равновесии масса при небольшом землетрясении. По представлению равнинного жителя такие тектонические явления происходят в горах с пугающей частотой. Исполнялась моя заветная детская мечта жить и работать в горах, даже на моей белой школьной папке, подаренной старшей сестрой после окончания седьмого класса, красовались снежные вершины.

На серпантинах, напоминающих след гигантской змеи, извивающейся в тщетной попытке поскорей добраться до вершины, двигатель газончика начал перегреваться и периодически глохнуть. Для водителя, низкорослого плотно сложенного молодого киргиза, такая ситуация представлялась обычной. Он шустро выскакивал из кабины и подкладывал под колесо камень, который лежал на подножке, затем набрасывал на бензонасос тряпку и поливал её из ведра. Через несколько минут газончик вновь штурмовал крутые подъемы. На мое счастье кадры сладко спали, но на подступах к перевалу

пронизывающий ледяной ветер с мелким дождем разбудил команду. Спасаясь от холода, я нацепил на себя все три рубашки и пуловер, которые взял с собой, в таком же положении оказался и Алексей. Более опытные полевики достали из рюкзаков теплые куртки и телогрейки. Манящие с детства голубые вершины при ближайшем рассмотрении оказались покрыты рыхлым грязновато-серым снегом, а молочные облака, цепляющиеся за вершины, морозящим холодным месивом.

Сан-Саныч позвал Валентину к себе в кабину, а все остальные, накрывшись брезентом, жались друг к другу.

Последним проснулся Николай и начал вертеться:

– А где Валентина?

– Её водитель к себе на колени посадил, – отозвался, рабочий топографического отдела.

– Мужики, хочу всех предупредить, Валька моя баба, и нечего вокруг неё виться и слюни пускать, кто сунется, дам в рыло. Повторять не буду.

– Почему сразу твоя-то, – возник тот же рабочий, – это уж кого она сама выберет.

Николай смачно выругался.

– О чем я вам и талдычу, я с ней уже договорился.

– Договорился он! Ты на себя в зеркало смотрел, с такой физиономией только детей пугать, – не унимался топограф.

– Так тебе, значит, моя рожа не нравится, пойдём выйдем, сейчас и твоя будет не лучше, – Николай скинул брезент, выпустив в промозглое пространство накопленное общим дыханием тепло.

– Мужики, уймитесь, – я встрял между Николаем и продолжавшим лежать рабочим топографии.

– Чего ты их успокаиваешь, пусть помашутся, дурь из башки друг другу вышибут, – Шамиль совершенно равнодушно натягивал на себя сброшенный брезент, тогда как меня била мелкая дрожь. «Ему хорошо советовать, он ни за что не отвечает», – мысленно завидовал я геологу.

– Что, ссышь? – Николай пытался ногой достать своего противника, но, не удержав равновесия, свалился на лежавших под брезентом парней.

– Ладно, потом поговорим, – встав на четвереньки, он стал забираться под брезентовый полог.

Южная сторона хребта встретила нас приветливым солнышком, уходящим за ломаный контур остроконечных вер-

шин. Открывшаяся во всем своем великолепии панорама Суусамырской долины, исполненная яркими чистыми мазками творца, не пожалевшего красок изумрудных, сапфировых и опаловых оттенков, отвлекала от грустных мыслей. За возможность любоваться такими видами множество туристов преодолевают сотни и тысячи километров, а нам такая удача выпала почти даром. «Все будет тип-топ», – вспомнились слова Валентины, и на душе стало немного спокойнее.

Вниз по серпантинам газик покотился веселее и без остановок, подпрыгивая на колдобинах. Лежать при такой тряске желания ни у кого из бригады не осталось и все выстроились за кабиной, цепляясь за передний борт и друг за друга.

Уже стемнело, когда грузовик остановился около одиноко стоящего в степи домика. Навстречу нам вышел хозяин, пожилой киргиз с фонарем «летучая мышь». Русская речь давалась ему с некоторым трудом:

– Что так поздно прибыл? Тебе надо еще спать готовить. Вещи сюда бросай, – и он показал на низенький глинобитный сарайчик, служивший не то летней кухней, не то курятником в зимнюю пору, а, скорее всего, и тем, и другим.

– Натаскайте тюки, вон скирда неподалеку, – начал выдавать мне распоряжения Сан-Саньч, – спальники у вас есть, жить будете как в санатории. Валентину я пока в доме пристрою. Да следите, чтобы ребята не курили, а то скирду спалите, да и сами того...

Бригада после разгрузки, присев на корточки, курила в сторонке.

– Орлы, – начал я командным голосом, – окурки не разбрасывать и вообще с огнем осторожнее. Сейчас принесем соломенные тюки и устроим себе в этих хоромах царское ложе. Вопросы есть?

– А хавать мы сегодня будем? – поинтересовался Алексей.

– Об ужине позже, сейчас главное ночлег, – мне тоже хотелось есть, но я постеснялся спросить Сан-Саньча, собираются ли нас кормить.

– Завтрак съешь сам, а ужин отдай врагу, – так записано в скрижалях военных стратегов, – блеснул эрудицией геофизик.

– Слушай, шеф, подскажи водителю, пусть он развернется и фары включит, а то мы по темноте все костыли переломали, – подал дельный совет Шамиль.

– Хорошо, сейчас сделаю, – я отправился в дом искать шофера. Сан-Саньч, Валентина и водитель пили чай в комнате на полу, застеленного пестрыми стегаными одеялами, в центре стояла керосиновая лампа и стопка лепешек. Видимо, нас все же ждали, и вопрос с ужином отпадал сам собой.

– Извините, – обратился я к водителю, – не знаю, как вас величать, ребята просят фары включить, а то не видно ничего.

– Сделаем, – шофер протянул мне руку, – Кылыч, меня зовут, что значит – меч, запомнишь? Если забудешь, зови, как все, Колей.

Ночлег обустроили быстро, принесли по два тюка на брата и закрыли ими весь пол, а затем разложили на сенной перине свои спальные мешки, да так плотно, что свободного места не осталось. Геофизик отыскал в своем огромном рюкзаке карманный фонарик, и укрепил его в дверном проеме. Быт был организован, оставалось накормить бригаду и отходить ко сну, но напрасно я расслабился, как оказалось, все испытания поджидали впереди.

Молодежь, поужинав арбузом, сразу забралась в спальные мешки, а приглашение подкрепиться в столь позднее время приняли только Николай и рабочие-топографы: Иван - запевала и участник конфликта в кузове, а также его друг тихий и незаметный Сергей. Я отправился на ужин не столько из-за чувства голода, сколько из-за соблюдения обычая гостеприимства. Наложенные на меня вериги руководителя обявывали познакомиться с хозяевами, уточнить их требования и круг наших обязанностей. На одеяло рядом с горкой лепешек Николай водрузил две большие бутылки с вином, называемых огнетушителями.

– Для знакомства.

– Хозяюшка, организуй нам, пожалуйста, еще четыре пиалки, – суетливые движения Сан-Саньча, нетерпеливо потиравшего сухонькие ладошки, выдавали в нем любителя застолья.

– А где Валентина? – поинтересовался я, не видя нашей сотрудницы.

– Её хозяйка вместе со своими малолетними детьми спать уложила, так что не беспокойся, - подсказал мне Кылыч.

Вино разлили по пиалам, первое слово по старшинству взял Сан-Саньч.

– Я смотрю, мужики вы в основном крепкие, мне Валя рассказала, что вы геологи, народ бывалый, думаю, со своей

задачей справитесь. До вас тут неделю работали хлюпики городские, то им не так и другое не эдак, все ездили на почту в город звонить и жаловаться. Потом все бросили и сбежали. По моим подсчетам предстоит заскирдовать чуть больше шести тысяч тюков, если филонить не будете, и погода не подведет, за три недели должны управиться. Готовить вам обеды будет жена Тыная. Ну, будем здоровы!

– И вам не хворать! – поддержал его Николай, и все дружно опустошили свои емкости. Я тоже пригубил приторно сладкое вино и для поддержания разговора спросил:

– А что это у вас света совсем нет, Токтогульская ГЭС ведь где-то рядом?

– Провода ветер оборвал, говорил монтер, другой неделя делай, – ответил хозяин, подставляя свою пиалу под очередной разлив.

Вина хватило на три коротких тоста: – «Ну, давайте, мужики», «Вздروгнули!» и «Дай Бог, не последняя». Общий разговор не клеился и я предложил пойти спать. Мое предложение в корне не совпало с желанием подчиненных.

– Начальник, – обратился к Сан-Санычу Николай, – у тебя в заначке ничего не найдется, может, у хозяина есть, ты с ним побалакай по-свойски, если что, мы заплатим, бабки у нас имеются.

Отрицательный ответ не успокоил мятежную душу Николая, неожиданно он получил поддержку доброжелательного Кылыча:

– Можно до знакомого моего сгонять, он самогонкой приторговывает, тут недалеко, километров пятнадцать.

– Мужики, баста! Никаких знакомых! Посидели – и будет, уже час ночи. Идем спать! – запротестовал я.

– Да, ребята, завтра утром на работу, – поддержал меня Сан-Саныч.

– Ну, спать, так спать, – неожиданно легко согласился Иван, вставая с одеяла. Я поблагодарил Тыная за гостеприимство и вышел на улицу. Мои орлы стояли кучкой и о чем-то перешептывались, я подошел к ним поближе.

– Михалыч, ты иди, ложись, мы еще немного покурим.

Спокойный и почти трезвый голос Николая притупил мою бдительность и я пошел укладываться в спальный мешок. Но не успел заснуть, как услышал, что завелась и отъехала машина.

– Вот гады, все-таки поехали искать самогонку, – чертых-

нулся я, смутно сознавая, что добром эта поездка не кончится. Вновь нацепив в полной темноте еще не успевшую остыть одежду, я вышел на двор и, ориентируясь на огоньки сигарет, подошел к топографам.

– Куда они поехали?

– Водитель заправиться забыл. Бензобак у него совершенно пустой, а завтра весь день крутиться надо, вот они с нашим Николаем и рванули на автозаправку.

– Мужики, не надо мне мозги компостировать, знаю я их заправку, меня директор предупредил, если кто начнет куролесить, отправлять назад и увольнять с работы к чертовой матери, – не сдержался я.

– Не кипятись, Михайлыч, говорили же тебе, все будет тип-топ. Давно к нам в ин-ститут устроился?

– Скоро месяц.

– Оно и видно. Ты полевых условий не просек. Не надо суетиться и дергаться, все идет, как заведено, и ничего поменять ты не в силах. Шуми не шуми, только нервы свои расстреплешь. Захотели мужики выпить - никакими цепями их не остановишь. А тюки эти мы в стог сложим, не переживай, – Иван по отечески похлопал меня по спине.

Уснуть не удавалось долго, забытье прервал шум падающего ведра, а следом и возмущенная брань на русском и киргизском языках. Не одеваясь, я побежал на шум. На крыльце дома в одних подштанниках стояли Сан-Саньч и хозяин дома.

– Что случилось?

В ответ Сан-Саньч выдал триаду из отборных матов, среди связующих слов про-слеживалась информация, что мне необходимо присматривать за своими подопечными, которые как коты помойные забрались в дом и устроили в нем переполох, напугав детей и хозяев.

Топографы отыскились за курятником, они тихонько разговаривали между собой.

– Какого черта вы поперлись в дом, – набросился я на рабочих.

– Ни шуми, Михалыч. Смотри, какая ночь чудная, звезды как крупные бриллианты мерцают, вся вселенная нараспашку, на равнине такое не увидишь. Вот хотели Валентину разбудить, предложить ей на звездное небо полюбоваться, да не в ту комнату зашли, – голос у Ивана наполняли нотки лирической грусти, и желание продолжать воспитательную беседу отпало само собой. Посидев с топографами и полюбовавшись

на непривычно близкое звездное небо, я, получив заверение, что попытки приобщить Валентину к созерцанию космоса не повторятся, отправился спать.

Разбудил меня тревожный настойчивый шепот:

– Михайлыч, ты где, вставай у нас ЧП.

– Что стряслось? – я выскочил на улицу.

Передо мной стоял Николай.

– Ничего страшного, машина в яму залетела километрах в пяти отсюда, помощь требуется, мы с Кылычем вдвоем не справимся, надо лопаты найти.

– А вилы подойдут? – топографы неразлучной парой подошли, держа в руках привезенный инструмент.

– Конечно, лопата сподручнее, но где её в темноте найдешь, а будить Сан-Саныча Кылыч не велел, а то вони на весь совхоз будет.

Мы вернулись до рассвета, машину остановили подальше от дома рядом со скирдой, на которой мужики остались немного покемарить. Я отправился в наши хоромы и столкнулся с вышедшим по нужде Сан-Санычем:

– Доброе утро! Что не спится на новом месте? А машину ночью куда гоняли?

– Мужики решили в скирде ночевать, и газончик рядом поставили, – соврал я.

– Все ясно, – вроде бы поверил мне бригадир, – только ты их предупреди, чтобы не курили там.

Ночной инцидент, как мне казалось, был исчерпан. Мне удалось еще часок вздремнуть, когда раздался звон от ударов по металлическому рельсу.

– Хозяйка самовар вскипятила, давайте все завтракать и за работу, – командовал Сан-Саныч, устроивший набат.

На одеяле, кроме вчерашних лепешек, стояли три пиалы с каймаком и вазочка с сахаром, так что завтрак времени много не занял.

Начались трудовые будни, мне не надо было никого подгонять и агитировать. Самую сложную часть производственного процесса – загрузку блоков в поле – взяли на себя Николай и топографы. Валентина увязалась за ними, вызвавшись укладывать тюки на машине. Скирда, а если говорить точнее, её основание, состояла из сваленных в беспорядке прессованных тюков сена, которые еще предстояло разложить. Разбившись на пары, мы принялись за возведение своей пирамиды.

Бригадир, как и полагается начальству, суетился под ногами и давал ценные указания:

– Блоки надо класть внахлест, а через каждые два ряда – торцом наружу, слабые и рассыпавшиеся тюки забивать в середину, не допуская пустот, и желательно утрамбовывать своим весом.

Алексею, доставшемуся мне в напарники, последнее замечание понравилось больше всего, он таскал тюки в центр стога и прыгал на них. Старался он изо всех сил, хотя было видно, что такого темпа он долго не выдержит. Я предложил Алексею сбавить прыть, пытаюсь сильно не утруждать малолетку, однако во время перекура он признался, что мечтает за лето подкачать свои мышцы и в поблажках не нуждается. Первую машину ждали более часа и до обеда успели привести и уложить около 100 тюков. Простые расчеты показывали, что такими темпами, если не подведет погода, вкалывать предстоит ровно месяц.

Вечером после работы наш ждал неприятный сюрприз: место в курятнике заняли истинные хозяева. Полсотни индюшек вольготно расположились на наших спальниках. Короткое сражение с птицами было выиграно быстро, но потери мы понесли значительные. Птицам чем-то не приглянулись или наоборот понравились сигаретные блоки, разложенные Валентиной на просушку после вчерашнего дождика. Расклеванные пачки представляли жалкое зрелище.

– У, наркоманы, – Алексей бегал за птицами, шугая их с насиженного места.

Вышедшее из дома семейство переместило птичье хозяйство в загон по соседству, и, судя по подзатыльнику, который получил краснощекий крепыш, это он загнал птиц на старое место.

Никотинозависимые члены бригады, понесшие невосполнимый урон, громко переругиваясь, стряхивали со спальников остатки сигарет, и лишь предусмотрительный Сергей аккуратно собирал рассыпанный табак, чтобы в скором будущем крутить «козы ножки» на зависть оставшимся без курева сослуживцам.

В индюшатник на отвоеванную территорию перенесла свои вещи и Валентина, сославшись на то, что неудобно беспокоить хозяев. Её переезд джентльменская часть бригады встретила с воодушевлением, каждый предлагал ей место ря-

дом с собой, но она бросила свой спальник с краю, потеснив Алексея.

Отсутствие электричества и довольно прохладный вечер существенно ограничили репертуар нашего досуга. При свете карманного фонарика все забралось в спальни. Племянник главбуха оказался шустрым малым во всех отношениях, на скирде он проявлял рвение, стараясь не отставать от остальных, а после того, как все улеглись, начал травить анекдоты, которых знал великое множество. Вот только чувство такта и вкус у него отсутствовали напрочь. В роли цензора выступала Валентина, толкавшая его в бок, когда очередная байка переходила грани приличия.

– В прошлую осень я со своим шефом прокладывал профиль будущей автодороги в районе Казармана, – начал свой рассказ Иван, втиснувшись в паузу между анекдотами Алексея, – работа срочная, спешили мы очень, работали в стужу и пургу, отмечая вешками каждые восемь километров трассы. Перед отъездом дернул меня черт обратиться к чабану, у которого мы ночевали, чтобы он присмотрел за нашими колышками. Весной приезжаем с прорабами показывать трассу, а на местности ни одной вешки. Мы к чабану: как же ты не углядел? Он так нам хитро улыбается. Не беспокойтесь, говорит, все ваши колышки я сохранил, вот они у меня в сарайчике лежат, ни один не пропал.

– А у меня недавно тоже забавный случай произошел, – перехватил эстафету Николай. Помнишь, Шамиль, я к тебе на объект привозил на выходные рабочих с технической базы. Набились в мой ГАЗ-66 слесаря, мотористы, водители, кто с женами, кто с детишками. Только Токмак проехали, движок зачихал и заглох. Спецы из кузова повылазили, один давай бензонасос проверять, другой карбюратор начинает продувать, моторист предложил снять головку блока, клапана подрегулировать, в общем, целый консилиум собрался, а еще одна студентка-практикантка вертится среди механиков и все твердит: а может, бензин кончился? Спецы на неё шикнули, говорят, мол, всем крупно повезло, что нас захватили, мы все неисправности вмиг обнаружим, и занялись своим делом. А студентка все надоедает, как осенняя муха, бензин проверьте. Я ей объясняю, что с вечера залил полбака, и с горючим все в норме. Простояли мы часа полтора, спецы, все обследовали, а движок все чихает и глохнет. Сунулся я все же бензобак

проверить, а он пуст. Какая-то сволочь слила. Я потом над нашими спецами прикалывался, как им дилетантка нос утерла...

– Ты лучше расскажи, как тебя водительских прав лишили, – подал голос Шамиль.

– Вот из-за этой студентки я и погорел. Мы тогда с мужиками хорошо посидели. Еще не рассветало, я по лагерю шарашусь, смотрю с пляжа практикантка наша идет, успела в Иссyk-Куле искупаться, и вся такая белая, свеженькая, а тут я нарисовался с пьяной рожей...

– Конечно, у мужиков всегда бабы виноваты, – перебила его Валентина.

– Нет, никого я не виню, просто смотрел я на неё и думал: никогда меня такая красавица не полюбит. Так тоскливо стало, хоть волком вой. Уж не помню, что на меня нашло, тоже побежал к озеру, прыгнул в холодную воду, полчаса поплавал, вроде даже протрезвел. И решил ей подарить белые розы, в пансионате завода Ленина такие видел, думаю, нарву огромный букет пока отдыхающие спят. Завел свою шишигу, только выехал на трассу, а тут менты, не спалось им...

– Коля, это любовь, – вздохнула Валентина.

– Это он сейчас придумал красивую сказку, а в объяснительной записке написал, что поехал водку искать, – Шамиля явно не тронула новая версия лишения прав водителя. Из-за ЧП на объекте ему объявили выговор. Скорее всего, по этой же причине он оказался на сельхозработках.

– А я этой зимой одноклассницу похоронила, - непонятно к чему вспомнила Валентина и после небольшой паузы добавила, – и смех, и грех! Ей уже тридцать с гаком, а замуж никто не зовет, вот и решила она себе ребенка завести. А у меня приятель, бывший спортсмен, женатый, конечно, но козел еще тот, всё женщин приглашал на своей машине прокатиться. Вот я их сдуру и познакомила. Нашли их на следующий день в гараже, лежат, в чем мать родила, он ей на грудь голову положил, так и преставились. Чтобы в машине погреться, он на выхлопную трубу патрубков одел, а второй конец выставил на улицу. Кто же думал, что снегопад завалит трубу...

– Мужики, давайте лучше я вам песню спою веселую застольную из «Трех мушкетеров», слова я, правда, немного переделал, – предложил Борис и, не дождавшись согласия, перебирая струны своей гитары, тихо запел:

Невеста графа де Ляфер становится женой.
И в честь графини де Ляфер устроен пир в пивной.
Супруги ждут, в руке рука, когда нальют им шамурдяка ...
Есть в местном парке грязный пруд.
Лягушки там живут, лягушки там живут.
Живут.

А гости мечут все подряд: гусят и поросят.
Закусывая осетром, смирновскую цедают.
У жениха не местный вкус – лягушек захотел француз!

Припев Борис пел уже во весь голос.

Вот граф разделся до трусов, и в озеро – бултых!
Потом мелькнул пяток разов, и пруд над ним затих...
И вот уж наглою рукой к невесте тянется другой...

Со смехом все дружно подхватили «Есть в местном парке
грязный пруд» и повторили его пару раз.

– Молодец, Боря, а я и не знала, что ты поэт, может, еще
что-нибудь споешь? – попросила Валентина.

– Bravo, Борис, сбациай еще что-нибудь, – раздалось не-
сколько голосов.

– Ноу проблем, как говорят американцы, – отозвался гео-
физик, – когда имеются свободные уши, я могу петь хоть до
утра. «Беловодская народная песня» на мотив популярного
хита, – и снова запел:

Ты, начальник, меня не бери на испуг.

Ведь я знаю и сам – сачковать некрасиво,

Но что делать, когда мне захочется вдруг,

Беловодского пива, Беловодского пива.

Отложи ты дела, их закончишь потом.

Ведь сидеть одному здесь, на базе, тоскливо.

Хочешь, вместе пойдём и досыта попьём

Беловодского пива, Беловодского пива.

Заповедной тропой, проберёмся к пивной

Там, где ветви деревьев сплетаются криво.

Ведь мы любим с тобой, как мы любим с тобой

Беловодское пиво, Беловодское пиво.

Мы стоим у пивной, позабыв про часы,

Никогда не встречал я удачней разлива.

В упоении я опускаю усы

в Беловодское пиво, в Беловодское пиво...

Пел Борис еще долго, но я уснул под его песни, как под
колыбельные.

Через четыре дня Сан-Саныч объявил, что уезжает в совхоз и вернется через неделю.

– Привези нормальные вилы с длинными черенками, – попросил Николай.

– И веревку для увязки тюков, тогда можно будет укладывать в машину на пару рядов больше и не гонять газик полупустым, – добавил Иван.

– По-хорошему нужна еще одна машина, пока одна разгружается, вторая собирает тюки в поле, иначе за месяц не управимся, – внес я свою лепту в научную организацию труда.

– Да и продукты завези, картошку, рис, помидоры, огурцы и лук, салаты будем делать – встряла Валентина. – Что мы, не в Киргизии живем? А то утром лепешка, в обед макароны, а вечером опять лепешки с чаем, по правде говоря, макароны по-флотски в меня уже не лезут. Скажите хозяйке, пусть не эконимит, бросает по две банки тушенки, а то мы скоро ноги протянем.

– Вот это правильно, – чуть не хором подтвердили топографы, – отощали мы с такой кормежкой, даже Валентина по ночам снится перестала.

– Да и сигареты не забудьте прихватить, а то табак уже заканчивается, придется на коноплю переходить, – вспомнил Николай.

Кылыч с утра пораньше отвез Сан-Саныча на трассу, а, вернувшись, объявил, что сегодня суббота и ему положены выходные.

– Мужики, поймите, я не жлоб какой-то, понимаю, что без работы торчать здесь вам нет никакого резона, но войдите и вы в мое положение, у нас соревнование по кок-бору. К нам приехали таласцы, а я в команде основной игрок и заменить меня некем.

– Ты нам сильно и не нужен, только машину оставь, у меня второй класс, гонять твой газончик не буду, гарантию даю, – Николай хлопнул его по плечу. – Лады.

– Договорились, – согласился Кылыч, только ты меня отведи до села.

Так мы сэкономили себе еще два дня, а, может, и больше, успевая за светлое время суток укладывать до трехсот тюков. Производительность могла быть и выше, если бы работали две машины. Разгрузка шла в быстром темпе, мы почти бегом в несколько минут освобождали кузов, а потом около часа, за-

бравшись на гребень скирды, наблюдали поле битвы за урожай. С высоты хорошо просматривалось, как медленно продвигается от тюка к тюку машина и мелкие, словно мураши, фигурки суетятся около неё, закидывая в кузов прессованные брикеты люцерны.

Сенокос, или как говорили у нас в поселке – покос, оставил самые яркие и приятные воспоминания детства. Торжественный выезд на заготовку сена сопровождался долгой ритуальной подготовкой. Загодя готовили инструмент, отбивали литовки, дополняли выпавшие зубья в деревянных граблях. Сенокосные делянки сельские разыгрывали по жребию в зависимости от количества домашнего стада еще с весны и живо обсуждали, кому подфартило, а кому придется дополнительно обкашивать лесопосадки, чтобы набрать необходимые на зиму корма. Луга начинались сразу за околицей, но ездили на покос в редколесье порой за десять километров, загружаясь в телегу двумя или тремя семьями. С дошкольных времен выезд на сенокос запомнился как некое священнодействие.

Поднимались засветло. «Коси коса, пока роса», – любил повторять отец, и я вскакивал с кровати, чуть слышав его покашливание, суетился, вертелся под ногами взрослых, переполняемый восторгом от предстоящего праздника. В лесу мне открывался новый неизведанный мир, наполненный благоуханием разнотравья, все представлялось в диковинку: и поиски грибов и ягод, и встречи с бурундуками и косулями. Помню лису, бегущую вдоль дороги рядом с телегой. Отец шутит: чтобы поймать лисицу, надо посыпать ей соли на хвост, тогда она остановится, как вкопанная. Пока я судорожно ищущу туесок с солью, зверек, вильнув в сторону, исчезает в плотной стене кукурузы. Мои сожаления о том, что не успел отыскать соль, все семейство встречает дружным хохотом, а я и не понимаю, почему.

Еще в дошкольные годы мне доверяли самый ответственный фронт работ – ворошить сено. Сестра обстоятельно объясняла, как граблями растрепать скошенную траву, или убрать её из тени деревьев на солнцепек, чтобы она лучше просыхала. Ворошили скошенные валки неоднократно, лишь только наступала вёдренная пора, поскольку частые сибирские дожди мочили их иногда неделями. Сухое сено собиралось и складывалось в копны. Положить в копну, а тем более в стог, влажное сено, значит, загубить всю скирду.

В пятом классе я научился косить, отец становился за спиной и, наложив свои сильные руки на мои, заставлял повторять однообразные движения. Короткий взмах, энергичный рывок, мелкий шажок и снова плавный взмах. Носок косы чуть приподнят, а её пятка, почти касаясь земли, собирает скошенную траву и доставляет в валок. Литовку мне подобрали небольшую, но и с ней управляться приходилось не просто. Косцы шли один за другим, складировав скошенную траву на стерню, оставленную впереди идущим. Отстать или замешкаться не позволял подпирающий следом косарь, ритмичное «вжикание» его литовки за спиной придавало ускорение. Я любовался отцом, он захватывал почти двухметровый ряд, и казалось, не прилагая усилий, делал взмах, а сочная трава покорно ложилась в ровный объемный валок. Единственным оправданием краткосрочной передышки служила правка косы. Корундовыми брусками обстукивали лезвие литовки с обеих сторон, и она звенела и пела в умелых руках.

Когда я стал старшеклассником, мне доверяли утапывать стог и указывать, куда нужно бросить следующий пласт сена. Здесь требовалось особое мастерство, чтобы стог вышел ровный, высокий с плотной непромокаемой вершиной. У меня это получалось, и я даже пытался командовать сверху, хотя опытные мужики обходились и без сопливых подсказчиков. Последний бросок считался самым ответственным, сено, собранное вокруг стога, уплотнялось, и вилами с длинным черенком металось на высоту дома. Я ловил последний навильник и тщательно утрамбовывал центр. Потом наверх подавали четыре свежесрубленные молоденькие березки, их связывали вершинами, разложив стволы по сторонам света. Предполагалось, что березки уберегут стог при порывах ветра. Больше всего в этом процессе мне нравился спуск со стога, один из самых ответственных моментов. При неудачном соскоке существовал риск поломать руки-ноги, а еще хуже – развалить вершину и загубить многодневный труд. Мне бросали вожжи, один их конец оставался в руках отца, а по второму я осторожно спускался с небес на землю. Традиционно совершался обход стога, и легкое расчесывание его граблями. Душу переполняло чувство полного удовлетворения от хорошо выполненной работы. Страда завершена, сено для коровки-кормилицы припасено.

Сидя на скирде в центре Суусамырской долины, вдали от родного дома и ушедшего детства, сердечного трепета и

праздничного настроения былой сенокосной страды я не испытывал, скорее наоборот, росло непонимание и неприятие кощунства превращения традиционного священнодействия сенокоса в бездушный, бездарно организованный процесс заготовки кормов.

Отужинав традиционным чаем с лепешками, Валентина стала инициатором голодного бунта. По обыкновению все мятежи начинаются с женских маршей пустых кастрюль. Тынай наше возмущение не понял и не поддержал:

– Мы всю жизнь так кушай.

Валентина зашла на кухню и вынесла по банке тушенки на брата и несколько сухих лепешек:

– Предлагаю организовать праздничный ужин.

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть негативные последствия подобного самоуправства, но есть хотелось очень, и воспрепятствовать разграблению продовольственного склада не хватило моральных сил. Мы отошли в ближайший сай, разложили костер, разогрели и оприходовали по банке тушеной говядины.

На следующий день макароны подали уже без мяса. Оказалось, что мы вчера израсходовали свой лимит, а оставшиеся банки принадлежат хозяевам. Мужики совсем загрустили.

После обеда ко мне подошел Тынай и, волнуясь, путая русские и киргизские слова, начал объяснять, что Алексей скрутил голову индюшке.

- Ничего я не сворачивал, просто, когда разгружали тюки, один из них упал прямо на индюшку, я её поднял, стал делать искусственное дыхание, а тут хозяин налетел, – не очень правдоподобно высказывал свою версию Алексей.

– Сколько стоит ваша птица? – спросил я Тыная.

– Двадцать рублей, давай! – пробурчал он обиженно.

Я отдал свою заначку, попросив приготовить суп из беспечной птицы, решившей прогуляться рядом со скирдой, но супа с индюшатиной в этот вечер мы так и не дождались.

Когда укладывались спать, разговоры шли только о еде. Вспомнили наших сбежавших предшественников, и Алексей предложил последовать их примеру.

– Цыганская мудрость гласит – «Если не работать, то не работать, а если работать, то ну её на фиг такую работу», – поддержал его своим любимым афоризмом Борис.

Я пытался втолковать им, что это временные трудности и все будет тип-топ, на что Шамиль, обычно меня поддерживающий, выдал провокационную цитату:

– За каждым трудовым подвигом стоит чье-то разгильдяйство и неумение организовать производство и быт. Если мы будем молча сносить этот бардак и не требовать нормального питания, с нами и будут обращаться как со скотом. Между прочим, Михалыч, тебя назначили старшим не для того, чтобы ты нас подгонял и обнадеживал иллюзорной премией, а чтобы отстаивать наши права.

– Да, да, правильно, работаем как лошади, а пожрать дают только макароны, знал бы, что такой напряг с хаваниной будет, из дома бы шмат сала захватил, – подал голос Николай.

– Нам на уроках истории рассказывали, что в Греции рабов вином поили, – внес свою лепту в общий хор роптаний Алексей.

– Вот так и творится вся история человечества: в античную эпоху эксплуатировали рабов, в средневековье крепостных, во времена Сталина зеков, а при развитом социализме шэфов, – высказал свои философские познания Шамиль.

– Ну, прямо уж и рабы, скажешь тоже. Раз на раз не приходится, – не согласилась с геологом Валентина. – Нас в прошлом году отправляли сено косить, а вместо этого бригадир заставила собирать клубнику в совхозном саду. Ягода ремонтантная, крупная, ароматная, во рту тает, такую на базаре не купишь. Целую неделю мы блаженствовали, а потом кто-то проболтался о нашем непомерном везении и на выходные на сельхозработы записалась чуть ли не половина института. А их всех послали камыш вдоль арыков выкорчевывать...

– Что там клубника, сальцо бы сейчас, – мечтательно вернулся к прежней теме Иван. Мы в командировку обычно сало сами готовим, с чесночком да с перчиком засолим, потом в горах на объекте с черным хлебушком, да с лучком кусочек оприходуешь и бегаешь по маршруту с утра до вечера.

– Евреи говорят: мацы не полопаешь, много не потопаеть, – вклинился со своими шутками геофизик.

– Не травите душу, вы еще борщ со сметаной вспомните или плов из баранины. А, что, Михалыч, слабо потребовать у нашего долбанного бригадира настоящий плов, – не унимался Шамиль.

– Что вы к парню привязались, – встала на мою защиту Валентина, – приедет Сан-Саныч, я сама из него плов приготавливаю.

Справедливые замечания товарищей настроили меня решительно поговорить с бригадиром после его возвращения.

В разгар дискуссии в гости заглянул Кылыч, приехавший на мопеде.

– Мужики, можете меня поздравить, мы раскатали таласцев, как пацанов. Осенью поедем во Фрунзе на республиканские соревнования. Сейчас по этому поводу у нас готовится бешбармак.

– Счастливчик, а мы уже неделю сидим на макаронах с лепешками, – запричитали мои сослуживцы.

– Могу взять одного на откорм. Шамиль, ты вроде как мусульманин, собирайся. Я бы всех вас пригласил, но народ на той собирается разный, кроме наших джигитов еще и таласцы будут. Пока трезвые – все друзья и братья, а после третьей... в общем как у всех.

Когда Шамиль уехал, мы еще целый час, лежа в спальниках, вели завистливые разговоры, как ему повезло.

Шамиль пришел в пять утра с большим пакетом баранины и боорсоков. Не дожидаясь рассвета, мы ели холодную баранину и слушали печальный рассказ Шамиля.

– Все начиналось торжественно и даже официально, как и предсказывал Кылыч. Он, оказывается, на Суусамыре местная знаменитость, и если я правильно понял спич аксакала, то наш водитель дальний родственник Кожомкула, положившего на лопатки самого Ивана Поддубного. В последней игре Кылыч, как форвард в козлодрании, забросил тушу в казан целых пять раз. Это вам не мячик футбольный пинать, козел сорок кило весит, здесь, кроме недюжинной силы, нужно уметь коном управлять. Меня посадили на почетное место рядом с Кылычем. Все его нахваливали, поздравляли, а после того, как крепко выпили, стали вспоминать старые обиды. Мне Кылыч сунул пакет в руки и посоветовал потихоньку линять, потому что начнется кульминация застолья с небольшой потасовкой и долгими примирениями. В общей свалке обязательно найдется чужак, которого не жалко и кому наваляют по полной. Естественно, я развязки дожидаться не стал и рванул сюда.

– Откуда им знать пословицу: «всемером одного татарина не бьют», - выдал очередной перл Борис.

На завтрак мы не пошли и на обед тоже, поскольку Кылыч так же привез нам остатки еды с праздничного тоя, пообещав привезти еще, поскольку отбывает на пару дней хоронить родственника. Хозяин очень обиделся, что мы не пришли обедать,

и на мое приветствие не ответил. Назревал конфликт. Поужинать нас не пригласили. Валентина сходила в дом и принесла лепешки и чайник. Чаевничали мы в своем курятнике.

Дни проходили в монотонной работе, на обед давали все те же макароны без мяса. Хозяева с нами не разговаривали, да и мы не пытались восстановить отношения.

– А рыбалка здесь есть? – поинтересовался Иван у вернувшегося к концу недели Кылыча, – у меня снасти всегда с собой, пора переходить на подножный корм.

– У местных киргизов рыбалка не практикуется, а городские часто приезжают, но ловят они или нет, не могу сказать, скорее всего, только пьянствуют, – поделился водитель своими наблюдениями.

– Михалыч, отпусти нас сегодня с работы пораньше, мы на разведку смотаемся, – попросили топографы.

Иван с Сергеем пришли поздно. Без улова, но довольные, со стопкой блинов и парой банок сгущенки.

– Мужики, мы набрали на экспедицию Академии наук, которая изучает травы и почву. Там целое женское отделение, одна серьезная дама кандидат наук, её помощница и три молоденькие лаборантки. Какой-то большой начальник к ним на днях с инспекцией на собственной «Волге» приехал – не то профессор, не то министр. Послушав о нашем полуголодном существовании, они вошли в положение, сигаретами поделились, накормили и блины с собой предложили, а на завтра приглашают всех в гости на ужин и танцы.

– Ну-ка еще раз повтори, что они вам предложили, – расхохотался Борис.

– Блинов, а что? – не понял Иван, чем он рассмешил геофизика.

– Вместе с собой, – смеялся Боря.

– Вот люди живут, у них палатки добротные, складной домик для профессора и даже газ и электричество, – продолжал Иван, так и не врубившись насчет повода для насмешки.

Следующее утро все разговоры вертелись вокруг предстоящего визита к молоденьким лаборанткам. На танцы выразили желание отправиться все, в том числе и Кылыч с Валентиной.

– Я всегда мечтала выйти замуж за профессора, может, это моя судьба. Только надо банный день устроить, неудобно с немойтой головой в гости идти.

– Профессора все немощные, – некстати вставил слово вечно молчавший Сергей.

– В гости неудобно идти без подарка, а вот спиртного у нас как раз и нет. Леха, придется тебя опять на охоту за индюшкой отправляться, – добавил Иван.

– А что, хорошая идея, давайте барышням индюшку подарим, но лучше живую, общипанная она не произведет должного эффекта, – поддержал его Борис.

– Отставить разговорчики, я уже выкинул свою заначку за несчастного индюка, травмированного тюком, больше денег у меня нет, – возразил я.

– Вот и мы о том же, гроши за индюшку выплачены, а супа, как мы планировали, нам так и не приготовили. Посему имеем право... Как ты думаешь, Кылыч? – обратился к водителю Николай. – Мы тут с голодухи порешили птицу, надеялись, что хозяин хотя бы нас супчиком угостит, а он деньги у шефа забрал, да еще и обиженным прикинулся.

– Да, некрасиво получается, вроде бы взрослые мужики, а ведете себя как детдомовская шпана. С любым человеком можно договориться, кстати, индюшки эти Сан-Саньча, а семья Тыная за ними только присматривает. Хорошо, я потолкую с ним, но расплачиваться с бригадиром вам самим придется, – пообещал Кылыч.

Закончили работу до обеда, к тому же все тюки на окрестных полях подобрали, оставалась дальняя делянка, но её решили начинать с завтрашнего утра.

В гости все вырядились в штормовки болотного цвета со значком МИНГЕО на рукаве. Спецодежду выдавали в институте для работы на объектах, но её берегли на выход для торжественных случаев. Когда мы, небритые, все в одинаковых штормовках, как голодная саранча высыпались из кузова, обитатели лагеря попрятались по палаткам, а навстречу к нам вышел представительный, интеллигентного вида мужчина в белой рубашке с широким галстуком, зафиксированным массивным, возможно, дорогим зажимом. Неуместный в полевых условиях костюм высокопоставленного начальника создавал атмосферу некоего официального приема.

– Добрый вечер. Кто у вас за старшего? – административным тоном поприветствовал он нас.

Я протянул ему руку и отрекомендовался.

– Илимбек Асанович, - в свою очередь представился он.

– Наслышаны о ваших трудностях. Давайте, отойдем, побеседуем.

Не знаю, что уже там наговорили ему топографы, но наши проблемы начальник воспринял близко к сердцу, назвав их «вопиющим случаем безответственного отношения к организации шефской помощи, дискредитирующего политику Коммунистической партии». Я пытался успокоить его, убеждая, что все не так уж и плохо, и на днях вернется бригадир с продуктами, но Илимбек Асанович оставался непреклонен, такое безобразие безнаказанным оставлять нельзя.

Наш разговор прервало приглашение на чай. На низеньком походном столике лаборантки разложили печенье, конфеты и большие чашки с яблоками, сливами и абрикосами.

– Угощайтесь, фрукты с личной дачи, – сделал широкий жест Илимбек Асанович.

– Спасибо огромное! – члены бригады, жеманясь, по одному брали свой чай, конфеты или печенья и отходили в сторону, давая возможность подойти остальным. Алексей взял сразу два яблока и несколько абрикосов, но, получив в бок от стоявшей рядом Валентины, вернул одно яблоко на край стола.

Подаренной индюшке Илимбек Асанович, как американский президент на Рождество, даровал жизнь, под восторженное одобрение лаборанток. Наша команда, расплывшая себя весь день предстоящей встречей с женским обществом, заметно стушеввалась, увидав прелестных лаборанток, и предпочитала курить около небольшого костерка. Только Алексей и Шамиль, выбрав себе партнерш, танцевали под томную музыку Джо Дассена, записанную на магнитофон «Романтик». Строгая научная дама с помощницей после нашего вторжения вдруг вспомнили о неотложных делах и удалилась в профессорский домик. В этом демонстративном уходе чувствовалось, что не все рады нашему приезду, я еще раз извинился перед хозяевами лагеря за набег голодающей орды и предупредил ребят, что мы долго не задерживаемся.

Атмосферу разрядил Борис, предложивший импровизированный концерт у костра.

– Хит сезона, – громко объявлял он, – нешуточная народная геофизическая песня, подслушанная у ВИА «Ровесники», исполняется впервые.

Живёт за речкой синею, за синею долиною, начальник.
Быть может не красавец он, пиджак на нём болтается,
начальник.

И зимами и летами заказы на объекты нам, начальник,
Даёт и улыбается, Ему всё это нравится, начальник.

– А теперь все вместе, – приглашал Борис, – и над Суусамыром понеслось нестройное многоголосие.

Объекты у нас далеко, далеко
В степи и в горах высоко, высоко.
И делать порой их совсем нелегко,
А иначе бы не было песни.

И вот порою дрянною письмо читает бранное, начальник.
И пишем мы, что голодны, дни нашей жизни сочтены,
начальник.

Что вовсе не из стали мы, что от забот устали мы,
начальник.

Что нас пора порадовать, нам премии пора давать,
начальник.

Письмо прочёл два раза он и, не моргнувши глазом он,
начальник.

Нам телеграмму отстучал: «Кто там по маме заскучал?»
Начальник.

Прошло всего два месяца, они там с жиру бесятся!
Начальник.

И, не теряя времени, лишил он всех нас премии.
Ах, начальник, начальник...

Встреченная хохотом песня повторялась на «бис», подпевал её и Илимбек Асанович. Небольшой костерок и популярные мелодии с придуманными Борисом словами сотворили метаморфозу, превратив административного начальника в рубаху-парня. Попросив у нашего поэта гитару, он с воодушевлением напевал песни своей студенческой молодости. Послушать хиты вышли строгая научная дама с помощницей. Прощались мы уже как закадычные друзья.

Пока мы расслаблялись на танцах, вернулся Сан-Саньич с ящиками помидор, огурцов и лука. Утром Валентина настрогала тазик салата.

– Мы эту траву совсем не уважаем, – повторял Тынай, накладывая себе очередную порцию овощей в пиалу, – мясо или лепешка с каймаком сытнее.

– Слушай, Сан-Саныч, давай сделаем плов, вот и хозяин говорит, что мясо полезнее, – приступил я к выполнению своих обязанностей руководителя.

– Баран денег стоит, вы со своими запросами ни в одну смету не впишетесь, то помидоры, то черенки для вил, я их, между прочем, за свои кровные на базаре брал, опять же двух несущек моих загубили, теперь им плов подавай. От вас одни убытки, вы столько не зарабатываете.

– Тогда давайте использовать вторую машину, на которой вы приехали, с ней мы быстро управимся, – начал я гнуть свою линию, догадываясь, что баранина нам обломилась.

– Машину мне дали только продукты привести, да и водитель согласится ли, – как-то неуверенно начал мямлить бригадир.

– Ну, вот и договорились, сейчас скажу мужикам, что идем на рекорд и за пару дней вывезем дальнюю делянку.

На обед снова приготовили макароны по-флотски, но с овощами они уже не казались такими пресными.

Скирда подрастала прямо на глазах, тюки приходилось перекидывать по нескольку раз, поднимая их на высоту двухэтажного дома. Сил и времени на завершение стога тратилось немало, и мы едва успевали разложить тюки к доставке очередной партии. Работали без перекуров, пока не стемнело.

За ужином Кылыч доложил, что тюков в поле осталось всего ничего, если работать в таком темпе как сегодня, завтра к обеду должны закончить.

– По такому случаю и барана можно резать, – решил порадовать нас бригадир.

Ни первое и даже второе сообщение у сослуживцев торгов не вызвали, все молча попили чай и, не прощаясь, потянулись на ночлег. Засыпали без привычных уже анекдотов Алексея.

Последний рабочий день выдался самым трудным, до обеда двумя машинами свезли оставшиеся тюки, а потом всей бригадой поднимали их на гребень скирды.

– В двадцатом веке живем, у нас в Сибири еще десять лет назад для таких целей цели механические стогометы применяли, а здесь хотя всё на дармовщину, – ворчал Николай. Он один поднимал вилами тюки и благодаря длинному черенку

перебрасывал их стоящим на высоком уступе топографам, те уже вдвоем перекидывали их выше, где остальные члены бригады волоком перетаскивали тюки на гребень.

– Тезка, передохни чуток, дай и мне размяться, – Кылыч, скинув рубаху, словно пушинки стал перебрасывать тюки наверх, но, поработав десять минут, вернул вилы Николаю.

– Тяжело с непривычки, – признался он и отошел к бригадиру, который наблюдал за процессом стогометания со стороны.

– Аж упрел, – как говорят французы, – прокомментировал Борис благородный порыв водителя.

Выезжать решили утром, хотя Сан-Саныч предложил остаться еще на день и обещал праздничный ужин в связи с окончанием работ.

– Раньше надо было подсуетиться, – Николай сплюнул бригадиру под ноги, – запомни, тех, кто наживается на харчах для работяг, на том свете черти в особых термоядерных котлах жарят.

Вечером, когда забрались в спальные мешки, Шамиль задал тему для разговора.

– Я слышал, нашему институту большой объект для изысканий намечается. В Таш-Кумыре завод полупроводниковых материалов задумали строить, скоро все там встретимся.

– Где бы ни работать, лишь бы не работать, – девиз советского труженика, – съехидничал Борис.

– Наверно без меня, хотя директор обещал, если в совхоз поеду, похлопотать и характеристику в ГАИ хорошую написать, – невеселым голосом сообщил Николай.

– А мне директор сулил путевку в дом отдыха на Иссык-куль. Он мне говорит, – «путевку заслужить надо, поработаешь в совхозе, тогда посмотрим». Как думаете, не обманет? В сентябре там еще и позагорать можно.

– Думаю, не обманет, – мне вдруг стала понятна неожиданная командировка в курортную зону, возможно, я тоже отработываю аванс.

Ночью пошел дождь, тяжелая туча не смогла перевалить через хребет и застряла в долине. Холодная сырая смесь из густого утреннего тумана, мелких дождинок и снежинок висела в воздухе в неопределенном раздумье: попытаться одолеть хребты и выйти на оперативный простор или оставить свой тягостный груз на Суусамыре. Неожиданно подул ледяной ветер и в воздухе в хаотичном беспорядке заметались «белые мухи».

Утренний чай пили молча. В голове крутились обрывки мыслей, как пресечь это гнетущее молчание. Поблагодарить хозяев за гостеприимство язык не поворачивался, хотя... в чем провинилась перед нами оторванное от цивилизационных благ семейство? Мы ворвались в их патриархальный мир со своими запросами и претензиями, которые им непонятны и не приемлемы. Другое дело Сан-Саньч, наверняка на кормежку ему выделили кругленькую сумму, а он, сквалыга, решил поживиться за наш счет.

– Ну, до свидания, – выдал я из себя, – даст Бог, больше не увидимся.

Загрузились быстро. Бросили в кузов пару тюков, на них и разместились, плотно прижавшись друг к другу. Алексей, как самый шустрый, накинул свой спальный мешок на плечи, остальные, немного поразмыслив, сделали то же самое.

На перевал поднимались долго, из-за ночной аварии в тоннеле трасса оставалась закрытой почти до обеда. Чтобы окончательно не заоченеть, согревались, толкая друг друга локтями. На перевале нас встретило солнце, распогодилось и в долине.

– Наша скирда, – вдруг закричал Алексей, смотрите, её отсюда видно.

Скирда маленькой желтой точкой, как огонек, светилась на покрытой снегом долине. Чувство выполненного долга приятной теплой волной обволакивало наши озябшие души.

Из конторы совхоза позвонили в институт и попросили прислать за нами автобус. Директора совхоза на месте не оказалось, его срочно вызвали во Фрунзе. В столовую мы пойти постеснялись. Грязные и заросшие щетиной мужики выглядели как уголовники, сбежавшие из мест не столь отдаленных. Отправили Валентину с Алексеем на базар, а потом в садике около конторы подкрепились лепешками и небольшими дынями сорта «Колхозница». Анатолий приехал под вечер, сообщив приятную новость: за ударный труд директор института всем предоставил три дня отгулов.

Еще в дороге у меня скрутило живот, а уже дома начался жуткий понос. Приехавшая утром «Скорая помощь» предположила дизентерию и свезла меня в инфекционную больницу. Провалился я там неделю, а потом еще столько же сидел дома на больничном, поглощая в немалом количестве фуразолидон. К счастью, диагноз не подтвердился, но впечатления

от посещения этого унылого учреждения с лихвой перекрыли все воспоминания о недавних тяготах Суусамырской эпопеи. Навестить меня в больницу забегала только Валентина.

– А ты знаешь, Сергей сделал мне предложение!

– Какой Сергей, – не понял я.

– Рабочий-топограф, напарник Ивана, он мне еще на столе говорил: выходи за меня. Я подумала, мужик он здоровый, малопьющий, ну и работающий, сам видел. Вот и согласилась, поживем пока вместе, а там видно будет. Николай собирается увольняться, ему предложили рейку у топографов потаскать, но ему не нравится, думает возвращаться в деревню на свою родину. Остальные ребята по командировкам разъехались.

В первый же день, едва я появился на работе, директор вызвал меня в кабинет.

– Поправился? Все в порядке? Рассказывай, что там у вас произошло?

– Задание партии выполнено досрочно, – гордо сообщил я, – все трудились отлично. Скирду успели завершить до дождей. Особенно следует отметить Николая Масленникова, он пахал за двоих: и грузил, и отвозил. Я думаю, что положительную характеристику в ГАИ он заслужил.

Директор никак не разделял моего восторга.

– А у меня другие сведения: пьянствовали, своевольничали, обижали местное население и анашу курили. Жалоба на тебя в райком партии поступила, и не одна. На днях меня вызывали на ковер, пропесочили за то, что я не провожу со своими кадрами воспитательную работу, обязали во всем разобратся и вклеить тебе строгий выговор.

– Мы же все выполнили досрочно, нам директор совхоза обещал премию выписать.

– А ты оказывается еще тот гусь, зачем же ты тогда на него наклеял в ЦК партии? Нехорошо так, минуя все инстанции, и меня в известность не поставил. У него неприятностей теперь выше крыши. Так что о премии можешь и не мечтать.

Сразу вспомнилось стремление Илимбека Асановича «строго указать нерадивой дирекции совхоза на серьезные упущения, порочащие политику нашей родной партии», но вслух свои догадки я почему-то озвучивать не стал.

– Я так думаю, рановато тебе еще в руководители, житейского опыта набраться надо. На технической базе у нас ос-

вободилась должность специалиста по бурению, приказ мной уже подписан, зайти в отдел кадров, ознакомься и завтра приступай к своим новым обязанностям, – директор взял со стола бумагу и начал её изучать, показывая всем своим видом, что аудиенция окончена.

Пятнадцать лет до развала Советского Союза я возглавлял в ГИИЗе сектор буровых работ. Иногда думаю, а ведь мог бы стать и главным инженером, если бы не отпустил топографов на рыбалку.

КУЛЬТУРА

Осмонакун ИБРАИМОВ

**ПИСАТЕЛЬ-
ФРОНТОВИК
У. АБДУКАИМОВ
И ЕГО «ДНЕВНИКИ»
ИЗ ГЛУБИН ВТОРОЙ
МИРОВОЙ**

Узакбай Абдукаимов – выдающийся кыргызский писатель и знаменитый переводчик. Он умер лет пятьдесят тому назад, однако вновь продолжает нас удивлять. Прежде всего, тем, что был в то далекое фронтовое время такой человек, невероятно тонкий и глубокий, всегда споривший с самим собой и во всем сомневающийся, при этом потрясающе образованный, намного опередивший других по начитанности, по широте взглядов; что был такой отважный офицер, но в душе убежденный пацифист. Не по-военному чувствительный и благородный, участник войны, кавалер ордена Красной Звезды, сполна испивший чашу смерти, потерь. Жизнелюб, оптимист, но личность с глубоко израненной душой, с очень сложным, противоречивым складом души. Истинный кыргыз, но по ценностным характеристикам европеец, либерал, как сказали бы сегодня. Самое интересное, он себя считал кыргызским воином, но русским офицером, глубоко почитающим воинские традиции русского офицерства. Он и свои фронтовые записки первоначально назвал «Мысли русского офицера».

У. Абдукаимов, как литератор, был из тех, кто писал, что называется, редко, но метко. Он оставил всего один роман – «Майдан» (в русском переводе «Фронт»), который, кстати, был, остается и, вероятно, останется единственным военным романом во всей кыргызской литературе, написанным самим участником войны. Исследователи по сей день не устают перечитывать роман, широко цитировать, а мастерство У.Абдукаимова сравнивают ни с кем иным, как с самим Э. Хе-

мингузем, американским прозаиком, тоже много писавшим о войне, создавшим «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол».

Не столь обилён и переводческий багаж У.Абдукаимова. Он переложил на кыргызский язык сказку А.С. Пушкина о рыбаке и рыбке («Балыкчыжана балык тууралуужомок») так, что она стала явлением кыргызского фольклора, потому что звучит столь органично, как будто с самого начала была написана на кыргызском языке. Его переводы стихотворений «Зимний вечера» и «Тучи», на мой взгляд, конгениальны по поэтической силе и уровню мастерства перевода. «Молодая гвардия» А. Фадеева переведена У. Абдукаимовым на роскошном, очень свежем и точном кыргызском языке, она сразу стала любимой книгой молодежи, настоящим бестселлером, которым зачитывались все. То же самое можно было сказать о его переводах пьес М.Гоголя, Ж.Б.Мольера, произведений других классиков русской и мировой литературы.

При всей сугубой избирательности в качестве переводчика и малопродуктивности как писателя, роль и место У. Абдукаимова в истории кыргызской литературы оказались поистине уникальными.

Можно было привести много убедительных аргументов в пользу того, что именно кыргызский перевод романа А. Фадеева, а также роман «Фронт» сильнее всего повлияли на целое поколение кыргызских писателей послевоенных лет, которые потом заговорили на каком-то свежем, очень стилистически выверенном, в хорошем смысле слова «книжном», синтаксически четко выстроенном кыргызском языке. Так, как это было, например, с Алыкулом Осмоновым, современником Узакбая, который подготовил благодатную почву для появления кыргызского литературного «Серебряного века» в конце 50-х и в 60-е года XX века. Это речевое явление, которое я называю новой литературностью, характерно для новой стадии развития всей кыргызской художественной словесности и, скорее всего, зародилось на стыке культур, как результат теснейшего взаимодействия с русской языковой средой, что привело к появлению собственно литературного кыргызского языка, на котором мы сейчас говорим и пишем.

Словом, его личный вклад в развитие кыргызской литературы оказался совершенно уникальным. Да, при жизни он явно оставался в тени таких известных мастеров прозы, как

Т. Сыдыкбеков, К. Джантошев, К. Баялинов и т.д., но именно У. Абдукаимов сумел написать о войне так, как может написать только участник, сполна хлебнувший всех тягот и лишений войны. Это он убрал с этой темы уже твердо установившийся ложный пафос, бумажную героику и фольклорный налет.

И все же мы, как выясняется, плохо знали или недостаточно знали У. Абдукаимова. Настоящим открытием стали его военные дневники, фронтовые записи, которые дошли до читателей только сейчас. Самое интересное, эти дневники написаны на русском языке, что подтверждает наши предположения о том, что У. Абдукаимов стал именно тем первым писателем-пионером, который во многом подготовил, как бы «разрыхлил» почву для появления айтматовского поколения кыргызских писателей, для которых русский язык уже никак не был «экзотикой», а стал рабочим инструментом, орудием живой мысли. Кстати говоря, стоило бы отметить: автор «Фронта» сразу заметил молодого Чингиза Айтматова еще в начале 50-х, когда он был никому не известен, и старался ему всячески помочь в его вхождении в литературу, увидев в нем, по всей видимости, своего младшего собрата, чей художественный язык и чей интерес к психологическому миру личности, особенно человеку на войне, были так созвучны с его собственными.

Отмечу сразу: «Дневники» У. Абдукаимова со всех точек зрения явление событийное. Если бы они были опубликованы хотя бы в 70-е годы прошлого века, резонанс фронтовых записей кыргызского писателя был бы сенсационным. Почему? Да потому, что мы могли увидеть совсем иной ракурс войны, иное ее измерение. Это потом С. Алексиевич, замечательная белорусская писательница, описала свое видение войны и ввела в оборот очень точное выражение «У войны не женское лицо».

Кыргызскому писателю война видится во всей своей антигуманной, противоестественной сущности; война увидена глазами гуманиста и внутреннего пацифиста, что придало «Дневникам» характер исповедальной и неутраченной полемике с самим собой. В этой своей полемичности и глубоко антивоенном настрое У. Абдукаимов напоминает Э.М. Ремарка с его романом «На западном фронте без перемен».

Автор записей открыто пишет о зверствах, о насилии и с той, немецкой, и с этой, советской, стороны. Он без прикрас описывает зверства советских солдат над немецкими женщи-

нами, не скрывает своего негодования по этому поводу. Но еще больше поражает то, что У. Абдукаимов-воин еще тогда, в годы войны, ни в чем не обвинял простых немцев, относился к ним как к обычным гражданам, считая их жертвой геббельсовской пропаганды: «В условиях зимней стужи немцы возвращаются домой, оказавшиеся отрезанными. Теперь чаще всего встречаются дома с нетронутыми хозяевами. Когда мы ласкаем немецких детей, плачущих от невзгод длинной зимней дороги, немцы, разинув рот, смотрят на нас, как будто мы проглотим их детей. Потом, успокоившись, немки улыбаются какой-то тяжелой улыбкой. Вот идет молодая фрау, опершаяся на велосипед. Видно по виду, что страшно устала, но идет. Надо идти. По дороге их наши бойцы очищают, «обогревают». Не могу смотреть. Лучше стрелять на войне, чем смотреть или делать в тылу. Вот солдаты, молодые, старые, собрались около старушки с детьми и осыпают благородными сочувствиями. Дети плачут, их ведут в теплое помещение. Одно другому противоречит – это всегда бывало и будет – одни мстят, другие произвольно действуют. Третьи совершенно по-другому относятся.

...Мое мнение: уничтожить германское государство, основанное в XIX веке, но детей, женщин физически не мучить».

Вот такой был человек У. Абдукаимов. А ведь многие годы советская пропаганда не проводила водораздел между гитлеровцами и простыми немцами, называя их всех коротко и просто «фашистами» и «фрицами». Но советский офицер У. Абдукаимов в звании капитана, сидя в блиндаже, под свист пуль и грохота канонад, находит в себе силу и понимание того, что не все немцы – фашисты и звери. Он признает, что города и улицы Германии, особенно улицы и дома Кенигсберга, намного ухоженнее и уютнее, да и жили немцы во много раз лучше, даже в военные годы, чем советские, что бы ни говорила о них советская пропаганда.

«Мы своим поведением, отношением иной раз не можем показать образец высокой культуры тем, кто на нас смотрит с явным любопытством. Майор, к(апита)н, мл(адший) л(ейтена)нт рассказывают, что не только изнасиловали девушку, но застрелили мать, отца, сына. Их приговорили к расстрелу. Другой просто обокрал доверчивую хозяйку. Русский офицер должен серьезным образом думать о своем воспитании. Он должен блистать во всем. Ведь Европа не должна разочароваться нами. В нас должны видеть не только людей с хорошей

думой, но и высокого сознания, культуры и умения», – размышляет У. Абдукаимов.

Писатель, конечно, прекрасно знает, что война – это, к сожалению, не место для высокой этики и кабинетного прекраснотушения, а торжество смерти, что приходится все равно убивать, но его все время терзает мысль, что так омерзительно кого-то убивать, а тот мог бы еще приносить пользу людям. «Ой, как трудно быть и воином, и порядочным человеком», – с огорчением замечает автор дневников, описывая поведение советских солдат в Прибалтике и размышляя о варварской, антигуманной сущности всякой войны.

Особенно впечатляют те места в «Дневниках», в которых автор описывает фронтовое братство солдат и офицеров, когда никто не думает о национальностях, о цвете кожи или разрезе глаза, а все мысли направлены только на победу. «Сегодня еду в действующую армию. Нас пятеро: я, Абрамов, Афанасьев, Ахметов и Буянов, остальные стрелки. Прощались с друзьями, которые теперь будут на разных концах фронта. Вот адреса товарищей, которым я должен писать не только по долгу дружбы, от чистого сердца.

Суворов, Свердлов(овская) обл(ась), г. В.Тура, Карла-Либкнехта, 6; Суворова Антонина Андреевна (его мать), Мухарямов Габдулла. Зап(адно)-Каз(ахстанская) обл(ась), г. Уральск, Чапаевская, 21. М(ухарямова) София (его сестра); Анкудинов Павел, Молот(овская) обл(ась), Черновский р-н, Нижн. Лынский с/с, село Алып; Анна Алексеевна Селеткова (его жена)».

Особенно впечатляет то, что в своих размышлениях о войне, о жизни и смерти У. Абдукаимов достигает очень высокого уровня психологического самоанализа и философского обобщения, обнаруживая в себе страсть гуманиста, глубину мыслителя и художника. Он напряженно размышляет о странной логике истории, о мерзкой природе войны, о сути человеческого долга, о самых «проклятых» вопросах человеческой жизни. При этом он никогда не перестает верить в жизнь, даже находясь на грани смерти, сталкиваясь со всеми уродствами войны.

«Шли днем и ночью. Эти дни и ночи казались бесконечными. В обезлюденных деревнях Зап.(адной) Дв.(ины) престарелые старики и старушки провожали нас каким-то тупым, молчаливым, то ли жалеющим, то ли проклинающим взглядом.

Рано наступивший сухой мороз то и дело сменялся мокрым снегом, даже дождем, тогда становилось еще труднее: грязь, слякоть и сквозь обмокшую шинель еще больше отнимали силу, еще больше изнуляли. Тогда путь становился невыносимо тяжелым.

И люди шли молча.

В этом молчании было собрано все то благородное, которое имеет человек, идя на тяжелый путь, даже зная свою обреченность. В этом молчании была та злоба, та безобидная злоба на невзгоды похода, которую имеет каждый из нас, которую имел и я тогда. В этом молчании было то упорство русского человека, которое не раз приходило ему на помощь, не раз удивило мир, но уже обогащенное, облагороженное упорством нового человека, дальновидного, терпеливого, по следам которого следовала масса.

В этом молчании таился голос будущего, вера в будущее, будущего всего того светлого, которое замерло в ожидании своей судьбы, о предрешенности которой враг торжественно кричал.

Наконец, в этом молчании было сознание веры в свое правое дело, которое все же должно было взять вверх».

Таков У. Абдукаимов! Таков этот удивительный человек, офицер, в то же время очень антивоенно настроенный писатель, гуманист и мыслитель.

Противоречивее, чем он, трудно было бы найти человека во всей кыргызской литературе военного и послевоенного времени. Иногда даже кажется, что в его жизни сомнение и раздвоение, грусть и печаль настолько доминировали, что он так и не выпутался из этого круга психологического самоедства. Он сильно, даже исступленно верит в жизнь и любовь, но трагизм У. Абдукаимова-человека состоял в том, что он был глубоко несчастен в личной жизни. Читая «Дневники», невозможно не почувствовать, как он иногда отчаянно желает себе смерти, чем жить такой трудной и мучительной жизнью, какая у него получилась на семейном фронте.

В его личной жизни роковую роль сыграла его вторая жена Турдубубу, которая была женой К. Тыныстанова и стала вдовой после его расстрела в 1938 году. Отношения между ними сложились так сложно, что это стало основной доминантой личных переживаний писателя, его альфой и омегой, и мне представляется, что он так и не сумел выбраться из этого

клубка противоречий, любви и разочарования, долга и желания освободиться от этой душевной боли.

«8.11.44. Закончил «Гамлет». Получил письмо моей Биры. Неужели теперь она не моя! Неужели? О, проклятая Тоня!». Тоня – это Турдубубу, его вторая жена. Страстная любовь к ней, их неразрешимые противоречия обрекают его на страдание, которое ведомо только ему и которое более полно и психологически обнажено предстает в его «Дневниках»: «Сегодня я получил знаменитое письмо Тони, похожее на обвинительный акт, – пишет У. Абдукаимов в 1944 году, находясь, судя по всему, в Кенигсберге.– Ее доводы похожи на доводы немецких листовок, и чтобы не путаться в них, надо быть на голову выше и иметь свои контрдоводы, свои требования, свой жизненный интерес, взгляды на настоящее, на будущее. Мне было трудно ей писать до сего времени и именно тем, что я сам должен был выдвинуть эти обвинения и доводы. Поскольку она сама все это возбуждает, то ответить, конечно, легче, ибо мне давно надоело повторять призывы на жизнь, в этом ее умолять. Она в этом письме так же горда, как и прежде, доходящая до надменности. Это облегчает мое положение, ибо я сейчас боюсь, становится невыносимо тяжело, начинает меркнуть пламя гнева, пламя мятежа».

Словом, трагедия У. Абдукаимова заключалась в том, что для него фронт семейный и любовный оказался намного тяжелее, чем фронт огневой. Находясь посреди выстрелов пуль и разрывов снарядов, живя бок о бок со смертью, он с горестью вздыхает: «Ни одного слова не мог передать Тоне. Боже, как все-таки тяжела моя семейная жизнь...». Эта лермонтовская грусть, этот мильон терзаний не покидали У. Абдукаимова ни во время войны, ни после. ... «Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? Жалею ли о чём?». Эти слова русского классика выражали личные чувства У. Абдукаимова: «Я живу не по своей натуре. Что мне покой? Тем более покой в армейских условиях, когда в душе все грохочет, так же как и орудийный грохот, которого заставляю молчать в тихом покое.

Нет. Или-или! Или жизнь, или смерть...».

Грустные, драматические мысли из глубины сырых окопов второй мировой войны, записанные в дневниках У. Абдукаимова, не столько психологический автопортрет писателя, который все время размышлял, задавался весьма нешуточными вопросами своей суровой, отнюдь не гуманистической,

эпохи, сомневался, сокрушался внутренне. Это, думается мне, точный психологический портрет и его непростого времени.

Таким образом, “Дневники” – это попытка найти ответы на те трудные вопросы, которыми не только У. Абдукаимов, но многие его мыслящие современники, товарищи по оружию задавались, напряженно искали на них ответы. Но не всегда их находили.

Андрей РЯБЧЕНКО

«ОТЪЯЗЫЧЕСТВОВАЛ НА ЛИРЕ...»

К вопросу осмысления творчества русского поэта Киргизии А. Никитенко в дискурсе литературного процесса русского зарубежья

В очередной, но далеко не в последний раз мир культуролого-утопической «русской Киргизии» в Кыргызстане, но-стальгического Фрунзе в «Бишкек шаары» сузился. Ушёл на 66-ом году жизни русский поэт, палиндромист, переводчик, а в прошлом еще – спортивный журналист и чемпион республики по боксу Александр Иванович Никитенко. Пожалуй, не найдётся интеллигентного человека, принадлежащего страте российских соотечественников Киргизии, который бы не знал его имени. Автор 20 поэтических и палиндромонных книг, бывший ответсекретарь журнала «Литературный Кыргызстан» ушёл внезапно, несмотря на продолжительную болезнь. Внезапно для всех, но не для себя. Об этом – чуть позже.

А пока предлагаю немного поразмышлять о месте русской (или русскоязычной?) литературы Киргизии в литературном процессе русского зарубежья (или в русской (советской?) литературе?) и месте поэзии Александра Никитенко в их дискурсе.

1

Литературоведы и критики, рассуждая об изящной словесности русского зарубежья, в первую очередь имеют ввиду авторов с первой по четвёртую волн эмиграции (и четвёртая-то спорная, но уже поговаривают о пятой, к которой относят заявившего в сентябре с.г. об отъезде из России по политическим мотивам Бориса Акунина), которые нахлынули на берега, в основном, Европы, а также США и Азии (Турция, Китай).

Время от времени публикуются статьи об экзотических для бытования русской литературы местах. Так, Наталья Крофтс прослеживает жизнь отечественных писателей в Австралии, возводя её к 1912 году, когда Константин Бальмонт в одном из кругосветных вояжей причалил к берегам пятого континента¹.

В тени остаётся современная русская литература на постсоветском пространстве. Всё было понятно, когда существовало единое государство. Была литература советская (для этнически русских авторов), а все другие входили в неё же, но под грифом «литература народов СССР». Ныне есть национальные литературы: казахская, киргизская, литовская, эстонская и др. Но незаметно из системы координат выпало творчество русских авторов, живущих и поныне в республиках бывшей страны Советов. Как же относиться к ним, вроде бы и не представителям русского зарубежья, своим, а ведь живущим уже в суверенных государствах – «на краю бывшей империи»?

Споры о единстве или разобщении литературы России на собственно русскую и русского зарубежья начались ещё среди представителей первых волн эмиграции. Например, А. Яценков в журнале «Русская книга» в 1921 году писал: «Русская книга, русская литература едины на обоих берегах»². В свою очередь В. Ходасевич отмечал: «Русская литература разделена надвое. Обе её половины ещё живут, подвергаясь мучительствам, разнородным по форме и по причинам, но одинаковым по последствиям»³.

На мой взгляд, при всей авторитетности и, так сказать, перворучности данных точек зрения, к ним необходимо отнестись насторожено.

Явление литературы русского зарубежья намного глубже, чем представляли сами эмигранты-писатели, покинувшие страну после 1917 года. Они не были первыми представителями литературы вне России. Не стоит забывать о прошедших едва ли не половину жизни в Европе И. Тургеневе (добровольно), А. Герцене (ссылка) или вовсе уж о первом диссиденте

¹ Крофтс Н. Муза дальних странствий. О русской поэзии в Австралии // Интер-поэзия. – 2012. – №2.

² Русская книга. – 1921.– № 1 // Цит. по: Смирнова А.И. Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука. – 2012. – С. 4.

³ Ходасевич В. Литература в изгнании // Колеблемый треножник. М., 1991. С. 466.

вся Русь писателем Андреем Курбском, покинувшем Российское государство в 1564 году.

Категоричность, противоположность и давность этих мнений, а также те исторические коллизии, что произошли на протяжении не только минувших XX века, но уже и начала XXI, заставляют находить некий консенсус, который сумел бы вписать явление литературы русского зарубежья в контекст бытия российской литературы в целом.

Литературовед Алексей Чагин, отмечая, что большинство исследователей всё же придерживается мнения, что русская литература XX века – внутренне целостное явление, тем не менее отвергает упрощение данной проблемы и призывает исходить из посыла: «*одна литература и два литературных процесса*»¹ [курсив автора – А.Р.].

Под этим углом зрения многое становится на свои места. Не нужно одну меру применять для тех, кто писал в Советской России (А. Твардовский, К. Симонов и др.), в эмиграции всех волн (И. Бунин, А. Солженицын и др.), кто творит в современной России (В. Пелевин, Е. Водолазкин и др.) и вне её на сегодняшней день (С. Алексиевич, Б. Кенжеев и др.).

Впрочем, о тех, кто пишет сегодня, разговор особый. Уже нет угрожающих жизни препятствий, которые бы мешали авторам вернуться в Россию. Есть причины возраста, статуса, комфортности жизни. Однако вовсе нет причин (за исключением той самой разницы в принадлежности разным литературным процессам единой русской литературы), которые бы помешали публиковаться и издаваться в России сегодняшней. Так, преподаватель Пенсильванского университета В. Зубарева предлагает новое понятие – русское безрубежье. «Русское безрубежье – явление, которое требует размыкания критиков и литературоведов на более широкую панораму современного русского литературного процесса. Оно несёт в себе надежду на возвращение Мастера к Маргарите и Маргариты к Мастеру. Если под Маргаритой понимать идеал той исконной культуры, которую не в состоянии были вытравить ни Пилат, ни его последователи»².

Другим полемическим вопросом остается определение литературе, созданной на русском языке вне России: она рус-

¹ Чагин А. Расколотая лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920—1930-е годы). – М., 1998. – С. 13.

² Зубарева В. Русское безрубежье. Полемические заметки. // Дружба народов. – 2014. – №5.

ская или русскоязычная? В советской системе координат, как уже упоминалось выше, написанное этническими русскими было русской (вернее, советской) литературой, написанное представителями других народов – национальной. Даже не смотря на то, что текст был написан на русском языке. Отсюда Ч. Айтматов и М. Байджиев – киргизские писатели, О. Сулейменов – казахский и т.д.

В Киргизии традиционно преобладает политкорректная точка зрения, что литература здесь либо киргизская (на киргизском языке), либо русскоязычная (пусть она и пишется очевидно этнически русскими А. Ивановым, В. Шаповаловым и др. или нерусскими А. Бекболаевым, Т. Джолдошбековым и др.). Как-то уж больно стеснительно, словно боясь кого-то обидеть, киргизстанские литературоведы и критики скромно именуют местных авторов, пишущих на великом и могучем, «русскоязычными». Им вторит и Первопрестольная. Так, во вступлении к «Словарю русских писателей XX века» отмечено: «Читатели могут указать на отсутствие статей о таких замечательных писателях как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов и другие. Многие их тексты создавались на русском языке, их вклад в русскую литературу и вообще в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества – в их национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д.».

Получается парадокс: этнически нерусские авторы, не говоря уже о русских вне родины, пишущие либо на двух языках, либо вовсе отказавшиеся от национального, не являются русскими писателями – они лишь русскоязычные! Сила их духовной стихии – в национальном... Но язык, культура, литературная традиция, через которые они её пропускают, – русская! Как могут Фазиль Искандер, Чингиз Айтматов, Тимур Зулфибаров и др., чьими произведениями в оригинале зачитываются и восхищаются русские читатели, быть лишь русскоязычными? Иначе и русский язык, испытавший значительное влияние других языков (а, следовательно, и культур) – монгольского в XIII-XIV вв., голландского и французского в XVII-XIX вв., английского в наши дни – придётся объявить лишь русскоязычным...

Пора называть вещи своими именами. Необходимо отбросить «русскоязычная» литература и использовать чёткое и исторически справедливое определение – русская. И пусть Чингиз Айтматов и Олжас Сулейменов – писатели-билингвы,

но и они в равной степени принадлежат русской литературе и, соответственно, киргизской и казахской.

Таким образом, возвращаясь к подзаголовку настоящей статьи, цель её – попытка определения места творчества русского поэта Киргизии Александра Никитенко в литературном процессе русского зарубежья.

2

Рядовой читатель извне, например, российский, просматривая предисловие к данной статье, в первую очередь спросит:

– Если поэт Никитенко так хорош, то почему у него нет публикаций в «толстых» литературных журналах, нет российских литературных премий, нет тысячных тиражей и т.д., то есть, всех внешних признаков успешного писателя?

И будет он, читатель, принадлежащий кругу иного литературного процесса, не прав.

В ареале русской литературы Киргизии Александр Никитенко вполне состоялся: автор 20 книг, член Союза писателей СССР и Киргизии, переводчик киргизских авторов, публиковался практически во всех газетах, журналах, альманахах республики, имел последователей и тысячи поклонников, его творчество ещё при жизни начало изучаться в университетах в соответствующих курсах, писались и пишутся научные работы.

Чтобы понять, почему постороннему читателю кажется, будто Никитенко-писатель не столь известен, нужно учитывать два фактора.

Первый – личностный. Александр Иванович никогда не старался заполучить литературные премии, «заслуженные» звания и должности. Он отстранялся от этого, избегая влияния номенклатурного быта на творчество.

Так, однажды я сам стал свидетелем весьма показательного случая. Меня пригласили принять участие в съезде авторов русского зарубежья в России. В это же время в республике должен был состояться Фестиваль молодых писателей, организованный Союзом писателей Москвы. Так как я был координатором Фестиваля, пришлось отказаться от участия в съезде. Организаторы попросили порекомендовать кого-либо. Встретились с Никитенко, объяснил условия: перелёт, проживание,

культурная программа – за счёт организаторов. Александр Иванович замаялся. Я подумал – ему неудобно слышать подобное предложение от молодого парня. Поспешил заверить, что выступаю передаточным звеном, предложил контакты московских организаторов. Посмотрев на меня немного устало, Александр Иванович завёл речь о новой готовящейся к изданию книге. Я, выслушав, напомнил о предложении. Он заговорил о проекте сборника палиндромов. Я вновь вежливо напомнил о съезде. Он, мягко взяв меня под руку, твёрдо отказал. Увидев удивлённое лицо, он объяснил, что всячески на протяжении жизни избегает различных литературных сборищ, не вступает в объединения (кроме СП, считая это профессиональным маркёром), не принадлежит ни каким направлениям и течениям, предпочитая больше работать со словом, с техникой. Об этом же он говорит и поэтически «Незнаменитым быть приятно. / Под локоть не берут приватно / и панибратски на пиру / не приближают ко двору» (Красиво быть незнаменитым..., 2006). В итоге в Москву поехал другой автор.

Второй фактор – принадлежность литературному процессу русского зарубежья. Публикации тысячными тиражами невозможны в среде, где нет массы русских читателей, способных их купить. В советское время Фрунзе был отдалённой провинцией, в современности Бишкек и вовсе столица иного государства. И как во время провинциальности, так и в период суверенности литературные веяния, новые тенденции приходят с большой задержкой. Именно поэтому местные авторы, многие из которых не менее талантливы нежели московские и петербургские коллеги, гораздо реже публикуются в «толстых» журналах. Уверен, что с наступлением периода русского безрубежья отставание будет сокращаться, сойдя на нет в перспективе.

Несомненно, что Александр Никитенко – поэт-традиционалист, который достиг своей наивысшей поэтической высоты в авангардном жанре палиндромона. Такой вот парадокс. Впрочем в творчестве данного поэта парадоксов немало. О чём чуть позже будет упомянуто.

В стихах Никитенко одновременно уместаются и чувственный лиризм и высокая гражданственная публицистичность¹. С одной стороны, он продолжает традиции С. Есенина, Н. Рубцова, вслушиваясь в окружающий живописный мир,

¹ Подробнее см.: Хлыпенко Г. Храните радугу в крылах стрекоз! // Литературный Кыргызстан. – 2005. – №4.

выстраивая горизонталь «человек-природа-гармония». Его пейзажи – полны красок, образности, живости, при которых читатель их видит словно наяву, при этом легко считывая метафору, чувствуя авторский посыл (Перед этой классической синью, 2005):

Мы ведь знаем откуда мы родом –
из стоящей за каждым окном,
за околицей, за поворотом
млечной вечности с синим вином.

Раз за разом автор подчёркивает человеческую природу, отвечая на вопросы происхождения человека, его места в мире:

Птица врезалась в небо рывками,
ночь надвинулась, травы черня.
И рябой, точно в оспинах, камень
из травы посмотрел на меня.

Никого! Только камень и птица.
Только ветром и небом дыша,
понимала, во что воплотится
после тесного тела душа. (Прогоулка, 1979)

И боль Никитенко-поэта в разрушении ответа на смыслы бытия, лежащего прямо перед ногами, трансформирует его в ярого публициста «Я ничего поделатъ тут не смог – / рос как поэт я медленно и долго./ В моих стихотвореньях мало толка,/ когда царит / повсюду / смрадный / смог». Весьма пессимистично завершая данное стихотворение строками «Поэт / конца двадцатого столетья – / быть может, вообще / поэт конца» (Поэт конца двадцатого столетья, 1988, 2007) или так «Поэт – один – одиозен. / Погибоша аки обры» (На смерть Бродского, 1996).

Всегда интересно исследовать в творчестве поэтов их понимание собственного предназначения. Для Никитенко поэт – «самосожженец», приносящий себя добровольно в жертву за правое дело с единственной надеждой на то, что однажды найдётся помянувший их добрым словом читатель: «Я тыщу раз / сжигал себя / стихами. / Но мир / плевал на это с высоты». Но вместе с тем поэт не одинок, ибо

Я Евтушенко, Смеляков, Твардовский,
Есенин, Мандельштам и Маяковский...

И лира, словно чуткая антеннка,
настроена на боли бытия.

И только потому я Никитенко,
что все поэты мира – это я. (Мой голос, 1997)

Александр Никитенко при всей традиционности никогда не чурался пробовать новое. В его поэзии находят место и поэтическая игра, и различные техники, и видеопоззия. Итоговая, но далеко не последняя, книга Никитенко «Пульсар», вышедшая в 2007 году и охватившая творчество с 60-х по 2000-е года, открывается весьма точно выражающим позицию автора стихотворением, в котором воедино сплетается вся человеческая противоречивость – существа биологического и социального, материального и духовного (1988):

человек
чело и веки
и артерии как реки
не понять его вовек
человек
человек аминокислотная комбинация
своя у Гитлера и у Горация
в ней кульминация добра и зла
назарянин распят не зря
рука не знает правая
что левая творит
но во Вселенной плавая
он разумом горит
какие над ним
пропасти три
зияют звездочки
ему сияют
из надежда
ядерных вера
грибов и любовь

3

Несомненное достижение Александра Никитенко, его поэтический Олимп – рачьи стихотворения или *carmen sacrum*.

Нет во всей русской литературе иного примера наоборотного стихотворчества столь богатого и разнообразного как по содержанию, так и по форме. Свыше 50 рачьих поэм, словарь

наоборотных строк русского языка («угол слогу»), палиндромные сонеты – делают Александра Никитенко единственным в своём роде. По этой стезе он на голову превзошёл А. Фета, Г. Державина, В. Брюсова, В. Хлебникова, С. Кирсанова, А. Вознесенского, в творчестве которых встречаются или отдельные рачьи строки («А Луна канула»), или одиночные поэмы (кирсановская поэма «Лесной перевертень»).

Более подробно феномен Никитенко-палиндромиста был изучен мной в статье «Парадокс жанра», опубликованной в «Литературном Кыргызстане»¹. Однако и сейчас по прошествии некоторого времени, готов повторить, что превосходство А. Никитенко бесспорно. Впрочем, он и сам это знал:

Не достать, литсверстники, теперь вам
до меня – сырые пороха!
Приземляюсь

в веке

тридцать

первом –

олимпиец русского стиха. (Прыжок, 1989, 2006, 2007)

Впрочем, я уже отмечал, что Александр Никитенко – поэт парадоксальный. Добившись непревзойдённости в жанре палиндромона, вместе с тем он встал на грань, при которой искусство перестаёт быть таковым. С развитием современного программного обеспечения уже ничего не стоит создать такой электронный алгоритм, который бы перебрал все слова, фразы, строки и предложения, зафиксированные когда-либо в письме, на предмет поиска наоборотных. И то, что вышло, шивалось Александром Ивановичем на протяжении 48 лет, может быть получено одним нажатием кнопки.

Впрочем, одно дело найти, а другое – поэтически связать, сложить образ из столь непослушных кирпичиков: «Я как я. / ТЭО: поэт. / Я юн. Нью я. / Я мер бремя. / Я учу, чужа: / На вас саван./ Саван на вас! / Сна вам аванс»... (Машу душам, 2012).

4

Шуршат в руках испещрённые пометками страницы последней книги Александра Ивановича «Небо в нас самих»... Впрочем, стоит поправиться: последний прижизненный сборник. Уверен, надеюсь, что будет ещё один – посмертный, состоящий из тех текстов, что поэт успел написать незадолго до

¹ См.: Парадокс жанра // Литературный Кыргызстан. – 2013. – №3. – С. 175-180

ухода. Пока же последняя именно эта книга, часть стихотворений которой написаны автором в период, когда он уже узнал о тяжёлой болезни.

Разница в изменении мироощущения поэта в предпоследней и последней книге весьма значительна. Если сборник «Я бета тебя» (заголовок – очередной перевертень), опубликованный в 2013 году, – это гимн любви, в самых разных её ипостасях от агапэ до эроса, то книга «Небо в нас самих» – это своеобразное подведение итогов, предвенец (венец будет в посмертном сборнике) осмысления жизни и собственного творчества.

Сборник «Я бета тебя» открывается звонкой и мальчишеской трелью человека, у которого всё впереди, полного жизни и задора, сорванца и будущего чемпиона: «Весна красна и молодость прекрасна. / Мне двадцать, и влюбляться мой черёд. / И что там / впереди, / ещё не ясно. / Что б ни было – вперёд, судьба, / вперёд!» (Воспоминание, 1987, 2013). Книга «Небо в нас самих» с первых строк задаёт совсем иной тон – грустной меланхолии, ностальгии по жизни, переданной через образ осени:

Словно бы потерянный, рассеянный,
отвечаю чаще невпопад.

Вижу, вижу грустный свет осенний,
слышу, слышу: лётся листопад.

Дни мои ушли и не воскресли!

Чувствую, как тает их запас.

Слабо улыбаюсь: «Осень!», если
спрашивает кто: «Который час?» (2013, октябрь)

То и дело в стихотворениях красной нитью переплетаются два образа: человек постсоветский, русский, лишённый России, попавший в жернова XX века, ставший заложником политических перипетий и образ крови Христа, жертва которого ныне нужна совсем немногим, но именно через неё возможно спасение.

Лирический герой стоит на распутье веков и смены режимов. С одной стороны, он ностальгирует по былому: «Обхожу развалины державы, / в Беловежье пущенной на слом. / Вурдалаки, упыри и жабы / стерегут повсюду за углом» (История своя, 2013), он с болью, но и с любовью смотрит на нынешнюю Россию: «За рубежом российский этнос. / А здесь, в смешенье

рас и вер, / мы вроде есть и вроде нет нас. /Но есть в нас гимн СССР» (Когда я слышу гимн СССР, 2008).

С другой стороны, герой отлично понимает неспособность дальнейшей жизни страны Советов: «Ярлыки на бывшее навешивая, / лицом назад встречаем новейшее... / - А ничего такого, всё прежнее. / Ходоки к Ленину. Мудаки к Брежневу. / Чёрно-белое всё, полосатое. / А ещё тень витает усатая» (Ярлыки на бывшее навешивая, 2013). Впрочем, там же, и нынешнее не по нему:

А ещё – совсем уже близко –
на царство венчается Бориска.
- Так ведь был Бориска –
времен Беловежской Пущи!
- А чем дальше вперёд,
тем Борисок гуще...

Ныне же только жертва, воплощённая в образе крови Христа, принесённая каждым человеком, соизмеримая с его силами, противопоставленная эгоистическому миру, способна изменить мир, вернуть его осмысленность и духовное богатство:

Нет нам забытья и нет покоя.
Ибо: мне отмщенье, аз воздам.
Людам всё же лучше бы людское.
Гвоздевое – лучше бы гвоздям...

Озарён своей научной новью,
он с опаской вспомнит неспроста:
парень-гвоздь повязан крепко
с кровью

на кресте
распятого

Христа. (Гвоздь, 2013)

Интересно отметить, что Никитенко самостоятельно определил тот дискурс, в котором бы хотел, чтобы рассматривалось его творчество в дальнейшем. В последнюю книгу он поместил ряд стихотворений, написанных, в основном, в течение 2013 года и посвящённых конкретным персоналиям. Это произведения «Сократ» (2013), «Бунин» (2013), «Маяковский» (2013), «Корабль поэзии» (судьбы Бунина и Маяковского, 2013), «Хлебников» (2009), «Северянин» (2009, 2014), «Я пришёл к Есенину Сергею...» (2008, 2012), «Важно, чтоб в кан-

ве стихотворений...» (размышления о творчестве Маяковского и Есенина, 2008, 2014), «Был вечер – глух?» (размышления, по мнению автора, об убийстве поэта Дмитрия Кедрина, 1988, 2012). В них вновь осмысление судьбы поэта в России: «У нас судьба певцов так одинакова! / Едва поэт Пегаса пустит вскачь – / готов для Короля поэтов всякого / Дантес, Мартынов или госпалач» (Северянин, 2009, 2014).

Ткань сборника «Небо в нас самих» пронизывает предощущение ухода. Не знаю, понимал ли Александр Иванович это сознательно, но подспудно то и дело прорываются строки («Глаза закрою нет долины...», 2013, сентябрь):

Стоит, как прежде, мирозданье,
и не зависит от меня.

Сама в себе веков обитель,
под небом есть я или нет –
лишь гость случайный,
краткий зритель
на этой лучшей из планет.

На свой удел не надо злиться:
со всем что есть проститься жаль.
А как хотелось бы продлиться,
как эта высь, как эта даль!

Помнится, за несколько месяцев до ухода Александра Ивановича, я позвонил ему, чтобы предложить организовать творческий вечер в руководимом мной литературном объединении молодых писателей «ЛитКом». Мы долго говорили, он сослался на слабость от простуды (уже после стало известно, что это отнюдь не простуда), но пообещал позднее не просто провести творческий вечер, но и дать мастер-класс молодым авторам, разобрать их тексты, помочь с подготовкой к публикации. К сожалению, не успел.

Стихотворение «Небо в нас самих», давшее название всему сборнику, заканчивается такими строками: «Кто из неба весь, тот не из гнева. / И так просто вас я не покину: / словно хлеба, дам кусочек неба, / прежде чем сойти в сырую глину». Что ж, Александр Иванович, Вы оказались правы, так просто Вы нас не покинули, – замечательная поэзия, непревзойдённые достижения в жанре палиндромона – это всё Ваше небо, Ваше бессмертие. И так же, как Вы написали в стихотворении «На смерть Бродского», мы теперь говорим о Вас – отъязычивал на лире...

Коротко об авторах

Осмонакун ИБРАИМОВ

Профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН КР, Почетный доктор Шанхайского университета Международных отношений. Окончил КНУ в 1978 году по специальности «Русский язык и литература», автор более 200 научно-критических статей, 12 книг, в том числе 2-х томной «Истории кыргызской литературы XX века».

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский государственный университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Александр КАМЫШЕВ

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха», а в 2013 году вышла книга его рассказов «Записки кладоискателя».

Анатолий КУРЧАТКИН

Родился в 1944 году в Свердловске. Детство прошло в заводском поселке Уралмаша, где работали инженерами его родители и где сам он впоследствии был фрезеровщиком и

техником-конструктором, одновременно учась на вечернем отделении Уральского политехнического института. После службы в армии (1963–1966), оставив институт, работал в свердловской молодежной газете «На смену!». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1967–1972), работал в журналах «Наш современник» (с 1972), «Студенческий меридиан» (1973–1977).

Автор книг: «Семь дней недели», «Переход в середине сезона», «Через Москву проездом», «Вечерний свет», «Записки экстремиста», «Радость смерти», «Солнце сияло» и др.

Член Союза писателей Москвы, редколлегий и редсоветов журналов «Советская литература», «Урал» (до 1999), «Октябрь».

Отмечен премиями журнала «Знамя», премией Союза писателей Москвы «Венец», премией «Серебряная пуля» (Нью-Йорк, США). Шорт-лист премии «Букер» за лучший роман года («Солнце сияло» – 2005). По повести А. Курчаткина снят кинофильм «Ребро Адама» («Мосфильм», 1989).

Андрей РЯБЧЕНКО

Родился в Бишкеке в 1991 году, студент факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына. Участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья-2012 (Россия, Москва, 2012), победитель Всемирного лингвокультурологического конкурса по русскому языку (Россия, Москва, 2012). Автор более десяти литературоведческих статей, опубликованных в различных научных изданиях, трёх научно-методических пособий по русскому языку для школы.

Критические статьи и рецензии автора публикуются на страницах газет и журналов Киргизии и России. Корреспондент Международного сообщества писательских союзов в Кыргызстане. Руководитель литературного объединения русскоязычных писателей КР «ЛитКом».

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного

Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Выпустил книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Николай ТРУХАНОВ

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дает ощущение окрыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звездопадов». Постоянный автор «Литературного Кыргызстана».

Владимир ФЕДОРОВ

Среднюю школу окончил во Фрунзе в 1955 году, а в 1962 г. – Уральский госуниверситет, факультет журналистики. С этого же года работал в системе Всесоюзного радио и Центрального телевидения (ОРТ, Первый канал, 35 лет - в программе «Время», заведующий корпунктом в Киргизии). «Заслуженный журналист Киргизской ССР, член Союза кинематографистов СССР. Автор двадцати документальных фильмов, снятых за время работы в Киргизии в системе Госкино СССР. Среди них – «Продается на слом» (премия на престижном фестивале в немецком Оберхаузене).

В 1996 году переведен в Воронеж заведующим крупнейшим корпунктом - шесть областей Центрального Черноземья. С 2002 года переведен в Москву - специальный корреспондент столичной группы программы «Время».

Финалист премии ТЭФИ 1997 года в номинации «Лучший репортер». Награжден медалью ордена (так это называется) «За заслуги перед Отечеством» - в Кремле из рук Президента Путина.

Последние пять лет – шеф-редактор службы доку-

ментальных фильмов телеканала «Россия – 1». В качестве автора сделал для канала ряд документальных фильмов. В том числе «Хирург от Бога» (премия фестиваля «Радонеж») - о великом хирурге Н. Пирогове. Отмечен премией Союза журналистов России.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой

Подписано в печать 30.03.2015 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 15.
Тираж 300 экз.